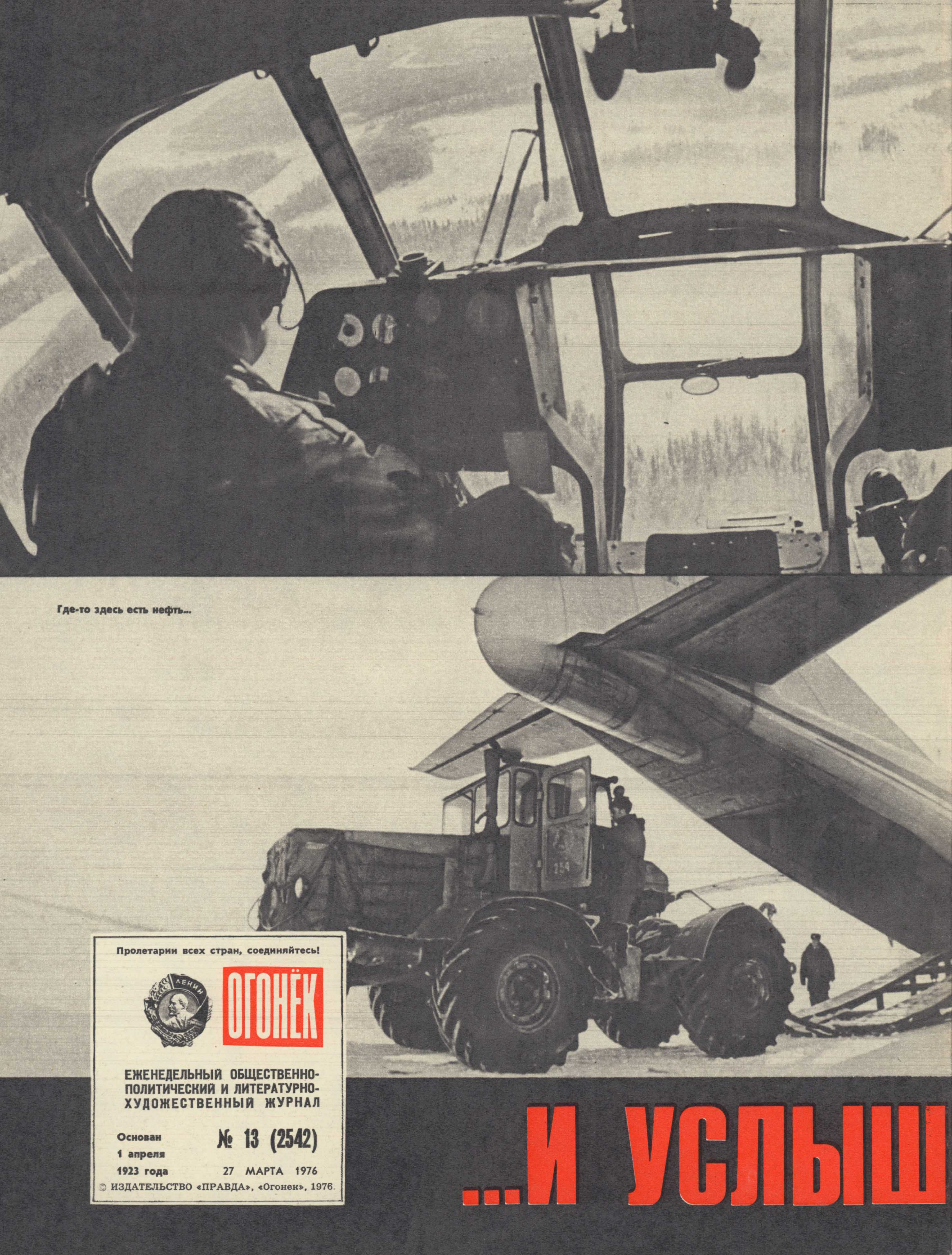

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 13 МАРТ 1976

Где-то здесь есть нефть...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (2542)

27 МАРТА 1976

...И УСЛЫШ

«Тюменский грузовик» АН-12.

Север сегодия.

ИШЬ ГОЛОС НЕФТИ

См. стр. 10—11.

Золотую медаль имени Карла Маркса М. А. Суслову вручает президент Академии наук СССР академик А. П. Александров.

Фото Ю. Устинова

ВО ИМЯ ПР

В Москве завершила работу сессия общего годичного собрания Академии наук СССР.

Собрание проходило после XXV съезда КПСС, исторические решения которого сыграют огромную роль в жизни советского народа, всей страны. Эти решения имеют прямое отношение и к работе Академии наук.

— Мы должны,— сказал открывший собрание президент АН СССР академик А. П. Александров,— в первую очередь обратиться к вопросам усовершенствования деятельности академии по координации научных исследований в стране, рассмотреть проблемы повышения эффективности научных исследований и ускорения внедрения достижений науки в производство. С этой целью решено собрать в мае специальное общее собрание Академии наук. На нем мы обсудим и утвердим те меры, которые разработает академия для успешного выполнения задач, поставленных XXV съездом КПСС перед советской наукой...

По традиции мы чествуем на наших годичных собраниях, сказал А. П. Александров, лауреатов года — ученых, получивших высшие награды академии в общественных и естественных науках. Он сообщил, что золотая медаль имени Карла Маркса присуждена члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову.

Этой высокой награды удостоен также выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения Жак Дюкло. Собравшиеся почтили его память минутой молчания.

Под продолжительные аплодисменты участников собрания президент Академии наук вручил тов. М. А. Суслову золотую медаль имени Карла Маркса.

Затем М. А. Суслов выступил с докладом «Наша эпоха — эпоха торжества марксизма-ленинизма».

Учреждение в нашей стране этой награды, сказал оратор, символизирует единую линию творческого развития марксизма и все возрастающее значение марксистско-ленинских идей.

М. А. Суслов подчеркнул, что Маркс и Энгельс были не только гениальными учеными. Они являлись вождями международного пролетариата. Рассматривая науку как «революционную силу в самом высоком значении этого слова», они вооружили рабочий класс революционным учением, разработали важнейшие принципы политической организации пролетариата. Основоположники научного коммунизма указали и пути соединения революционной теории с практикой массового рабочего движения.

ОГРЕССА

Напомнив положение К. Маркса о том, что научно-технический прогресс может полностью раскрыть свои потенции лишь в условиях социализма, М. А. Суслов подчеркнул:

— Современная научно-техническая революция открывает перед обществом невиданные возможности использования науки для покорения сил природы и охраны ее, решения социальных проблем. Эта революция выявляет глубоко антигуманный характер капиталистического строя, обостряет все его противоречия и в то же время является материальной подготовкой коммунистической цивилизации. Создается настоятельная потребность в соединении достижений научно-технического прогресса с преимуществами социалистической системы хозяйства, которая дает полный простор реализации требований научно-технической революции, позволяет целенаправленно использовать ее результаты для блага человека.

Важным условием подъема эффективности научных исследований является овладение всеми советскими учеными марксистско-ленинской методологией, ее дальнейшая разработка, следование ей на всех уровнях и во всех этажах научного познания, сказал в заключение М. А. Суслов. Это особенно важно сейчас в связи со все возрастающим объемом знаний о природе, обществе и человеке, в связи с широкой дифференциацией наук и их растущей интеграцией, небывалым усилением роли науки во всех сферах общественной жизни.

Доклад М. А. Суслова был выслушан с вниманием и встречен аплодисментами.

Затем А. П. Александров вручил золотую медаль имени М. В. Ломоносова академику М. В. Келдышу, который сердечно поблагодарил за высокую оценку его вклада в науку.

Золотая медаль имени М. В. Ломоносова вручена также академику Академии наук Франции Морису Руа, который выразил искреннюю признательность за награду.

С докладом о деятельности Академии наук в 1975 году выступил и. о. главного ученого секретаря президиума АН СССР, член-корреспондент академии Г. К. Скрябин. Он представил собравшимся отчет о важнейших направлениях деятельности советских ученых. Докладчик рассказал о расширении сотрудничества академии с братскими академиями социалистических стран, об укреплении связей с научными центрами капиталистических государств.

В прениях по докладу выступили академики В. А. Котельников, В. А. Кириллин, А. А. Логунов, Ю. А. Овчинников, П. Н. Федосеев и другие.

ВЕРНОСТЬ ИДЕЯМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

21 марта в столице ФРГ закончил работу Боннский съезд Германской коммунистической партии. Три дня делегаты обсуждали актуальные вопросы, стоящие перед ГКП как во внутренней, так и в международной деятельности. Участники съезда горячо встретили делегацию КПСС во главе с секретарем ЦК КПСС В. И. Долгих, выражали чувства нерушимой братской дружбы и солидарности с Коммунистической партией Советского Союза, с Советской страной. Закрывая съезд, Председатель ГКП Герберт Мис заявил, что сила интернациональной солидарности и дух пролетарского интернационализма явились наиболее характерной чертой высшего форума партии.

На снимке: в зале заседаний съезда.

Фото Центральбильд

интервью «огонька»

Корреспондент «Огонька» А. Гречухин встретился с заместителем Председателя Германской коммунистической партии товарищем **ГЕРМАНОМ ГОТЬЕ**, входившим в делегацию ГКП на XXV съезде КПСС, и попросил его поделиться своими впечатлениями о работе съезда, рассказать об обстановке, в которой действуют западногерманские коммунисты.

ПОДЛИННАЯ СВОБОДА

В своем содержательном докладе на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев ясно указал, что принятая XXIV съездом Программа мира успешно проводится в жизнь. А это, в частности, способствует действенному упрочению мира в Европе. Свидетельством тому служат заключенные в этот пятилетний период договоры и соглашения между СССР и целым рядом капиталистических стран, в том числе Федеративной Республикой Германии. Но главным достижением миролюбивых сил, в авангарде которых был и остается Советский Союз, стало, конечно, подписание Заключительного акта общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству. Генеральный секретарь ЦК КПСС мог с полным основанием говорить с трибуны съезда, что мы живем в условиях мира уже четвертое десятилетие. Это относится не только к советским людям: в условиях мира живем все мы, европейцы, что стало возможным прежде всего благодаря политике Советского Союза, всех братских стран социалистического содружества.

Но прочный мир необходим не только народам нашего континента, в нем заинтересованы люди всей планеты. И в этой связи я хочу подчеркнуть огромное значение новых предложений КПСС, сформулированных в программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Я хочу подчеркнуть огромное значение советской Программы мира для борьбы трудящихся всех стран против войн и насилия, за светлое будущее всего человечества.

Отчет Центрального Комитета КПСС, выступления делегатов, весь ход юбилейного XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза говорят о том, что КПСС, эта величайшая партия нашей эпохи, может с полным правом гордиться замечательными достижениями не только в сфере внешней политики, но и во всех областях жизни, включая значительный рост материального и культурного уровня советских людей. Для нас в Федеративной Республике это особенно поучительно. Как и другие государства капиталистического Запада, наша страна переживает глубокий кризис со всеми его последствиями. Свыше полумиллиона составляет в ФРГ армия полностью безработных, свыше семисот тысяч человек вынуждены работать неполную неделю.

У нас нет недостатка в любителях поговорить о «несвободном» социалистическом мире. Факты же свидетельствуют о том, что «свобода» буржуазного общества — это прежде всего свобода оставаться без работы. Правая печать без устали восхваляет «свободы» в ФРГ, а между тем сотни коммунистов и других демократов не могут получить место учителя. Они считаются «антиконституционными элементами», а бывшие фашисты, гитлеровские генералы, нацистские судьи не только остаются на государственной службе, но всячески преследуют людей, симпатизирующих ГКП или любым прогрессивным идеям. Речь идет о планомерном преследовании инакомыслящих в масштабах всей страны. И дело не только в пресловутом запрете на профессии: в стране сложилась атмосфера всеобщей подозрительности, слежки, слухов, атмосфера, которую при всем желании нельзя назвать демократической. Учителя не могут преподавать, ученики боятся высказывать вслух свои мысли — да так обстоит дело и не только в школе. Юноша или девушка, придерживающиеся «радикальных» убеждений, не получат места ни слесаря, ни машиниста, ни почтальона.

Здесь, в Советском Союзе, мы еще раз убедились в том, что подлинная свобода возможна только при социализме. О такой свободе нашим гражданам остается только мечтать.

Цаньо СЫРНЕВ

Фото Ванко ТОНЕВА

РОДОСЛОВНАЯ

Чувства подлинного товарищества и братства, взаимной заинтересованности в успехах друг друга определяют сегодня отношения между народами социалистических стран. У нас общий путь в будущее, путь к коммунизму. Важными вехами на этом пути являются съезды братских партий. 29 марта коммунисты Болгарии соберутся на XI съезд БКП.

В публикуемом очерке, который подготовлен болгарским журналом «Отечество», рассказывается о рабочей династии с Кремиковского металлургического комбината, построенного с помощью СССР.

«Нет, это делается не так, — думал старик Ангел,— огонь в чаше нужно было бы зажигать под синим, немножко грустным небом, где-нибудь на кургане...».

Он помнил много таких огней, хотя они не имели ничего общего с его сегодняшним семейным праздником — праздником сына, снохи и двух внуков. Старику уже сказали, как все будет происходить, младший внук дважды прочитал деду сценарий, и сейчас тот ждал, когда же его позовут. Кремиковцы чествовали династию сталеваров, и Ангелу Петрову, основателю этой династии, предстояло открыть торжественную церемонию. Сейчас он сидел и ждал ее начала, пытаясь думать о чем-нибудь постороннем.

Ангел почувствовал, как все в зале повернулись и посмотрели на него. Красавица артистка, которую пригласили вести торжество, назвала имя старика и терпеливо ждала его перед чашей с зажженным факелом. Старик вздрогнул и повернул голову направо, туда, где сидели сын, тоже Ангел, сноха Славка и двое внуков — Вихрен и Румен. В зале стало очень тихо, слышалось только потрескивание горящего факела. Внук сделал ему знак рукой. Старик перевел глаза на сына, тот взглядом подбадривал: «Давай, отец! Что тут такого — только двадцать шагов...»

И вот он делает эти два десятка шагов, и каждый отдается эхом в сердце. Двадцать лет он подавал чугуновозы под жерло печи, горел и остывал вместе с кипящим металлом. Сколько было пусков на его веку — не сосчитать, случались и аварии, но он всегда уверенно вел свой огненный поезд, полный металла. И сигналил, очень любил сигналить, высунувшись из окна. Сирена раздирала воздух, предупреждала людей: поберегитесь, металл горячее огня. Сам он не обращал внимания на температуру. Он боялся той, другой температуры — своего сердца, иногда ему казалось, что она выше, чем в доменной печи. И сейчас его залила горячая волна. Медленно, толчками она пошла от сердца, пока не зарозовели лицо, руки. Ощутив этот прилив, почувствовав ободряющие взгляды других доменщиков, он выпрямился, одернул куртку, шагнул навстречу артистке, взял факел из ее рук и поднес его к чаше.

Его сын увидел, как взвилось красное пламя, напомнив ему о минувшем празднике Первомая. Тогда Ангел-младший шел в колонне с сыновьями, они остановились у фонтана на углу и с ними ребята из его бригады. Вдруг кто-то из парней дернул Ангела за рукав и показал на тротуар, где в упор на них глядел человек среднего роста, с побелевшей, как у отца, головой. Ангел замер от удивления, широко развел руки и пошел навстречу этому человеку: «Степан! Степан Бакович!» Он не ожидал этой встречи, такое, казалось, нельзя было придумать даже в кино, чтобы здесь, на празднике труда, встретить своего первого учителя металлургии — самого лучшего донецкого доменщика с далекой Украины.

— А я, брат, хотя и мастер, но уже в запасе,— сказал Степан, сжимая друга в объятиях.

— В запасе? — Ангел почувствовал, как свободной рукой Степан достает из кармана носовой платок. Когда они, наконец, отпустили друг друга, болгарин увидел слезы в глазах старого доменщика.

Почему именно сейчас вспомнилась эта встреча? Просто Ангел вдруг понял, что Степан тогда испытал такое же чувство потерянности, как и его отец сегодня, когда стоял здесь, в центре торжества, с горящим факелом в руках.

Для Ангела и Степана вся жизнь была связана с профессией металлурга. Оба отдали ей самое дорогое, что имели,— молодость и силу. Когда-то сын Ангела Вихрен начал свое школьное сочинение о Кремиковцах так: «Столица металлургии и восторга. Было солнце, очень много энтузиазма и солнца». Ангел хорошо помнит те дни.

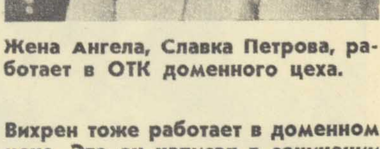
...Услышав шум вертолета, крестьяне, работавшие в поле, подняли головы к небу: «Что это он вторую неделю кружит над села-

Факел в честь династии Петровых зажигает Ангел, ее основатель.

С тех пор, как пошел первый чугун, Ангел-младший остался здесь навсегда.

Жена Ангела, Славка Петрова, работает в ОТК доменного цеха.

«Отец — пример для нас», — говорит Румен.

Вихрен тоже работает в доменном цехе. Это он написал в сочинении о Кремиковцах: «Столица металлургии и восторга...»

ми Ботунец и Кремиковцы?» Потом какие-то сосредоточенные люди начали ходить по полям, расставляя теодолиты и что-то измеряя. На самых высоких местах поставили треноги и вехи. Ох, и давно все это было! Топографическая съемка закончилась, и Кремиковский металлургический комбинат вступил в жизнь — пока еще в воображении его создателей и в строках поэтов. Красивый, загадочный, с зажженными тут и там огнями, как уходящая в будущее взлетная полоса аэродрома... Ну, а если приземлиться, то можно было увидеть бульдозер и два самосвала. Бульдозерист был усталый и неразговорчивый. «Здесь будет гигант металлургии?» — спрашивали строители, которые пришли наниматься на работу. «Да, здесь»,— отвечал бульдозерист, яростно вспарывая стальным ножом спекшуюся землю.

Ангел подвинул вазу с цветами, мешавшую видеть отца, который поднялся на цыпочки и все не отнимал горящего факела от чаши. Старика окружили люди. Один здоровенный доменщик подхватил его руку с факелом. Отсветы пламени плясали на потолке, а перед глазами Ангела встала другая картина... Дождь, непрерывный дождь. Рассерженная земля, прилипая к киркам и лопатам, не поддавалась зубьям экскаватора. Буксующие колеса самосвалов крутились на месте. Тогда никто еще не знал, что один из этих грузовиков встанет на бетонный постамент уже как музейный экспонат. «Что возил он? — спросят экскурсанты, проходя мимо.— Землю?» «Верю в будущее,— скажет Ангел.— И землю. Фундамент нашей черной металлургии». Правда, слово «черная» здесь не подходит. Она — капля крови с натруженной ладони. Она — замерзшая рукавица строителя. Она — синий отсвет, что пляшет в очках доменщика. Но черная — никогда.

...Шли безбородые ребята с чемоданами в руках и с фотографиями девчонок в нагрудных карманах. И Ангел шагал с ними. Потом приехали девчата со снимков, вышли замуж и родили коренных кремиковцев. У каждой семьи был свой календарь. Был он и у Ангела: родился Вихрен — пустили первую домну, появился Румен — зажгли коксовую батарею, в день рождения Славки — стан 1700 вступил в строй. У всех кремиковских улиц и станов появились ровесники.

Когда пошел чугун, Ангел заступил на свой пост в широкополой шляпе и темных очках. И остался здесь навсегда.

Из глубины памяти всплывает этот день. Люди, как сегодня, празднично одетые, микрофоны и цветы. Отец подогнал чугуновоз под жерло печи, а он, мастер Ангел Петров, и старший мастер Иван Котев должны были вылить первый болгарский чугун. Рванулась огненная река. Они смотрели на нее, замерев от счастья. Тяжелая река лилась в чугуновоз, люди обнимались и разбивали о печь бутылки шампанского.

«Ну, что же ты, отец? — Ангел-младший взглядом подбадривает Ангела-старшего, который так и застыл у чаши.— Сегодня твой день. Сегодня наш большой праздник!» И старик, словно услышав, двинулся навстречу сыну. Двадцать шагов. Каждый — как год, как строка родословной болгарской рабочей семьи.

ПРЕИМУЩЕСТВА ИНТЕГРАЦИИ

Борис РОДИОНОВ

Давно замечено, что журналисты склонны злоупотреблять символами. И все же трудно не усмотреть символику в том, что я увидел на советско-венгерской границе, в Закарпатье, у пограничного столба № 187. Минуя вспаханную по всем правилам контрольно-следовую полосу, привычно, как через заводскую проходную, направлялись под арку с надписью «СССР» люди в рабочей одежде. Это были работники знаменитого сада Дружбы имени В. И. Ленина, раскинувшегося по обе стороны государственной границы.

Осенью по узкой ленте асфальта, пересекающего и венгерскую и советскую делянки 220-гектарного яблоневого сада, шли автофургоны с «джонатаном». Теперь же, весной, через сад напрямик идут панелевозы с оренбургскими пропусками. Закарпатье и Оренбург? Да, социалистическая экономическая интеграция сблизила эти весьма отдаленные географические районы. Под Ужгородом завершит свой 2750-километровый путь трасса совместного газопровода стран СЭВ, сооружение которого уже в полном разгаре. С конца текущей пятилетки наши партнеры по строительству — европейские страны Совета Экономической Взаимопомощи — будут получать из Оренбурга больше газа, чем производится в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии, вместе взятых. Впервые в практике СЭВ столь сложный и дорогостоящий проект осуществляется не просто на паевых началах, а непосредственно руками строителей всех заинтересованных стран.

Тибор Соради, руководитель венгерской части оренбургского проекта, только что вернувшийся с трассы, рассказывает:

— Сначала предполагалось, что каждая страна-участница получает свой отрезок газопровода и сдает его, как говорят строители, под ключ. Но не все страны СЭВ располагают необходимой техникой, производственным опытом в этой области, как СССР или, скажем, Польша. В Венгрии, например, трубопровод диаметром больше чем 600 миллиметров никогда не строили, а тут сразу 1420 миллиметров! В ходе обмена мнениями было найдено, как нам кажется, удачное решение, удовлетворяющее всех. Советские строители взялись провести работы на головном, самом отдаленном от нас участке Оренбург — Александров-Гай, закрепленном за Венгрией. Дела у них идут очень хорошо, уже сданы под опробование 260 километров, а это почти половина всего участка. Что касается нас, венгров, то мы расплачиваемся за работу поставкой двух тысяч автобусов «Икарус», а также строительными механизмами, закупленными в Японии. Кроме того, венгерские строители приступили к сооружению жилых домов и других объектов для эксплуатационников в Закарпатье, на отрезке, закрепленном за Болгарией.

Оренбургский проект — это звено в цепи долгосрочных целевых программ, к разработке которых приступили государства, осуществляющие Комплексную программу социалистической экономической интеграции. Их стратегическая цель — построить трассу и тем самым обеспечить все страны содружества топливом, энергией, основными видами сырья, полнее удовлетворить спрос на товары народного потребления, поднять уровень машиностроения, ускорить развитие приборостроения.

Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК на XXV съезде КПСС, речь идет не только о большой взаимной экономической выгоде, но и о задаче огромного политического значения, речь идет об укреплении материальной основы нашего содружества. Именно за такую политику, за строгое и точное выполнение принятых обязательств выступают коммунистические партии братских стран. Экономическая интеграция — новый важный фактор воспитания социалистического интернационализма. В идеологической и политико-воспитательной работе братских партий этому направлению уделяется все большее внимание. Еще недавно для всех нас было предметом особой гордости, если новый завод целиком оснащался отечественным оборудованием, а новая машина была плодом собственного труда. Сегодня мы все чаще замечаем, что то или иное техническое достижение — результат сотрудничества братских стран. Уже свыше 800 предприятий и организаций Советского Союза установили прямые связи с родственными коллективами стран социализма. Эти ростки дружбы повсюду пестуют с особым тщанием.

Разделы «Интеграция в действии» становятся традиционными на международных ярмарках, промышленных выставках в странах СЭВ. Присуждены первые «интеграционные» медали. Например, высшей награды машиностроительной ярмарки в Брно удостоена Единая система электронно-вычислительных машин стран СЭВ. Над ее созданием трудились по согласованному плану более двадцати тысяч ученых, инженеров, техников, около трехсот тысяч рабочих. Таковы уже сегодня масштабы интеграционного сотрудничества, позволяющего в кратчайший срок решать самые сложные задачи эпохи научно-технической революции.

...В будапештском корпункте «Известий» я выбираю маршрут очередной журналистской поездки. Вот шоссе номер один — город Дьер, завод, снабжающий Львов, Ликино-Дулево, Энгельс ходовыми частями к автобусам и троллейбусам. Вот шоссе номер три — молодой центр большой химии Ленинварош, олефиновый комплекс, питающий по трубопроводам установки нашего комбината в Калуше, что на Украине. Или же лучше выбрать «семерку», балатонскую автостраду, и через час пути попасть на завод «Видеотон», где продолжается совершенствование ЭВМ Единой системы?

Маршруты интеграции. Им повсюду открывается в наши дни «зеленая улица».

Здесь ютится беднота.

ЗА ФАСАДОМ БЛАГОПОЛУЧИЯ

В Техасе царит самая страшная бедность в США — к такому выводу приходит американский журнал «ЮС ньюс энд уорлд рипорт». Большинство бедняков в южном Техасе живет в убогих, стихийно вырастающих поселках, которые их обитатели — американцы мексиканского происхождения — называют «колониями». В большинстве «колоний» практически отсутствует вода и канализация, улицы немощеные, отсутствуют элементарные санитарно-гигиенические условия.

Бальбоа — типичный пример такой «колонии». В этом пыльном, поросшем бурьяном поселке живут около 250 семей. Поскольку Бальбоа лежит в затопляемой низине, после проливных дождей здесь все бывает залито водой в течение нескольких дней.

Большинство бедняков батрачат у фермеров и вынуждены соглашаться на любую работу. Случаи заболевания различными формами тифа, амебной дизентерией и проказой здесь значительно чаще, чем в других районах США.

•

ПЕРВЫЙ ПРИЗ В ТОКИО

С 31 января по 5 февраля в Токио состоялся первый Международный конкурс балета. Его организатор вице-президент Японского международного фонда искусств госпожа Масако Оя заявила, что проведение этого важного мероприятия положило начало регулярным Международным конкурсам балета в Токио, которые будут проводиться один раз в два года.

В конкурсе приняли участие 24 лучшие балетные танцевальные пары из 11 стран.

Советская балетная школа во время этого конкурса еще раз со всей убедительностью доказала, что она по праву занимает ведущее место среди лучших балетных школ мира.

Солисты балета Большого театра Людмила Семеняка и Александр Богатырев стали обладателями первого приза. «По единодушному мнению жюри конкурса,— сказала его председатель, народная артистка СССР Раиса Стручкова,— они продемонстрировали отличную школу балетной подготовки, большой академизм, безупречную технику, точность и чистоту».

Медали за лучшее исполнение мужского танца на этом конкурсе был удостоен молодой солист балета из Киева Василий Клочко.

В. ДОМРАЧЕВ (АПН)

Токио.

Обладатели первого приза Людмила Семеняка и Александр Богатырев с устроительницей конкурса госпожой Масако Оя. Фото автора

1.

Арабское население западного берега реки Иордан продолжает демонстрации и забастовки против политики оккупационных властей, протестуя против грубых нарушений оккупантами элементарных прав и свобод. Наиболее острые столкновения местного населения с израильской полицией произошли в Иерусалиме. Для подавления демонстраций власти использовали танки и бронемашины. Полицейские избивали арабских патриотов прикладами и дубинками. Несколько человек ранено.

2.

В Японии ширится движение протеста против коррупции в связи с делом «Локхид», в котором оказались замешаны представители деловых кругов и политические деятели. Они получали крупные взятки от американской авиационной компании «Локхид» за содействие в закупках Японией ее самолетов.

3.

Этому старику приходится просить подаяние, иначе голодная смерть. Непрерывный рост цен и инфляция приводят к тому, что многим жителям Чили не по карману даже самые необходимые продукты питания. Таков результат антинародной экономической и социальной политики хунты Пиночета.

4.

Сотни дацзыбао появились в последнее время на стенах различных городов Китая. Как и в годы пресловутой «культурной революции», они призывают к расправе с «врагами Мао». Иностранные наблюдатели отмечают, что речь идет об очередной попытке покончить с партийными и государственными деятелями, ставшими почему-либо неугодными Мао и его ближнему окружению. В числе тех, кто подвергается наиболее резким персональным нападкам, заместитель премьера Государственного совета Дэн Сяо-пин.

5.

Жестокая расправа полиции над участниками демонстрации в Витории (провинция Алава) вызвала возмущение трудящихся всей Испании. В день похорон участников демонстрации, погибших в столкновениях с полицией, в городе состоялись массовые манифестации. Тысячи жителей Витории приняли участие в траурной процессии.

6.

В страхе перед ростом национально-освободительного движения на юге Африки правители Претории принимают меры по дальнейшей милитаризации страны. Военной подготовкой в ЮАР охвачено сейчас практически все белое население расистского государства.

7.

В Соединенных Штатах проведены первые испытания так называемой крылатой ракеты. Запуск ракеты был осуществлен с бомбардировщика «В-52» над пустыней в штате Нью-Мексико. Расчетная дальность полета крылатой ракеты — 1500 миль, при первом испытании дальность ее полета была ограничена 70 милями. Пентагон намерен превратить крылатую ракету в стратегическое оружие и принять ее на вооружение.

На снимке: новая крылатая ракета в подвеске на «В-52».

Фото ТАСС и журнала «Ньюсуик».

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

2.

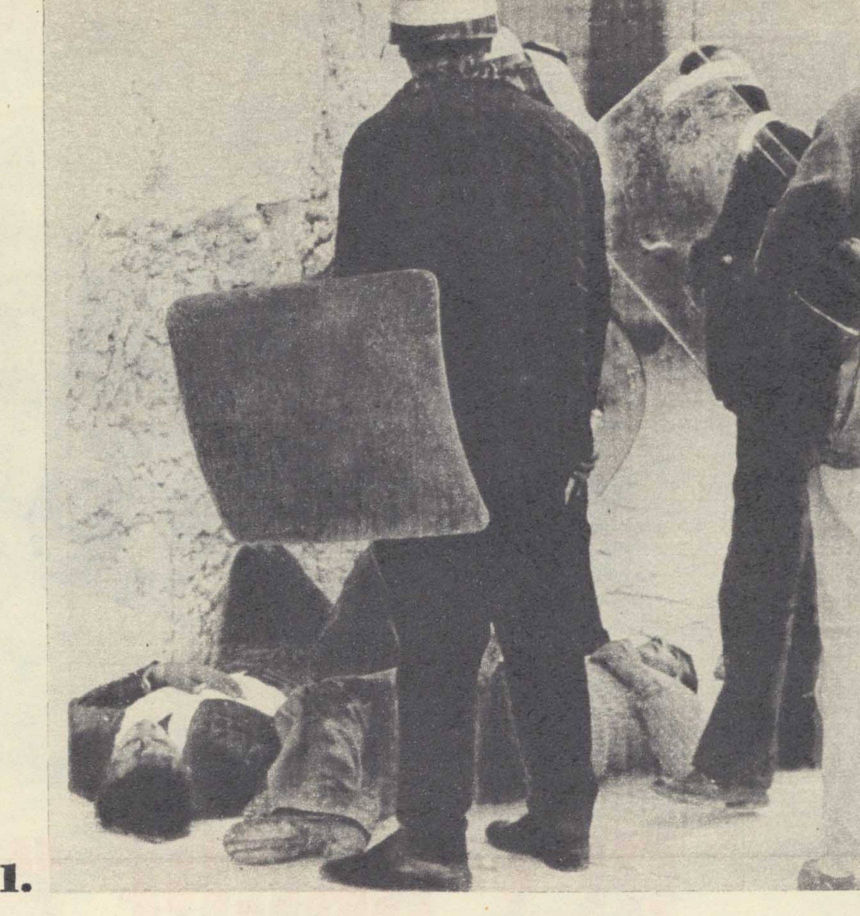

5.

1.

3.

4.

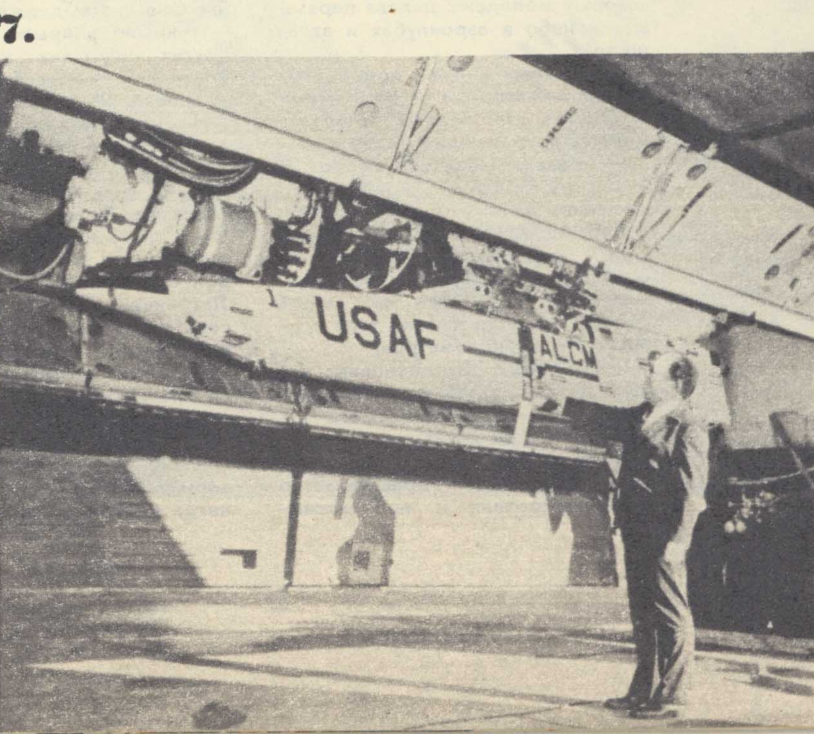

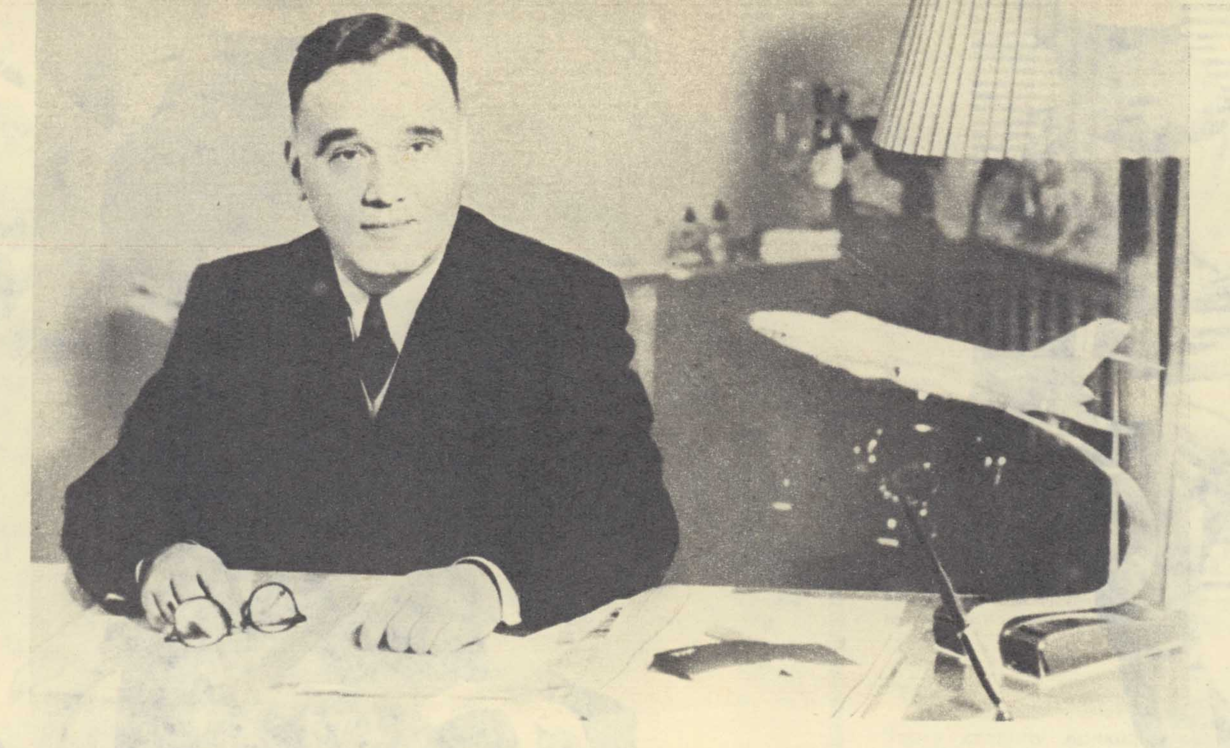

6.

7.

Дважды Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев.

ВСЕ ВЫШЕ И ДАЛЬШЕ

Генеральному конструктору Александру Сергеевичу Яковлеву 70 лет, 53 года из них отдано советской авиации. Яковлев прошел путь от рабочего мастерских Академии воздушного флота до руководителя конструкторского бюро, где созданы самолеты, завоевавшие признание во всем мире.

Его творчество развивалось стремительно, как требовало того наше советское время. Академию воздушного флота он заканчивает в 1931 году, уже имея на счету несколько построенных спортивных и легких самолетов, которые по своим характеристикам были среди лучших в своем классе.

Знаменитое в будущем КБ начало свою жизнь в помещении кроватной мастерской, о годовом производственном плане которой шутили: 10 тысяч кроватей и один самолет. Именно в таком невероятном производственном сочетании родилась первая яковлевская машина массового выпуска — учебно-тренировочный самолет УТ-1. Он и особенно выпущенный вскоре УТ-2 стали машинами, на которых молодежь делала первый шаг в небо в аэроклубах и авиашколах.

Опыт, накопленный при создании легкомоторных и спортивных самолетов, стал надежным фундаментом для решения более сложных конструкторских задач. В 1939 году в КБ А. С. Яковлева был построен двухмоторный фронтовой бомбардировщик ББ-22, ставший в какой-то мере сенсацией: он развивал скорость 560 километров в час, тогда как самый скоростной истребитель того времени — 460 километров.

Новая машина знаменовала начало нового этапа в жизни конструктора и возглавляемого им коллектива: КБ включилось в создание военной авиации. Близилась война. Партия и правительство концентрировали и мобилизовывали силы народа, чтобы как можно лучше подготовить страну к неизбежной схватке с фашизмом.

Нескольким КБ было поручено создание новых типов истребителей. Раньше всех, 1 января 1940 года, на испытательном аэродроме появился ЯК-1, в мае его запустили в серийное производство.

Организация массового выпуска новых типов самолетов для советских ВВС стала первоочередной, жизненно важной задачей. Стране нужны были не только конструкторы, но и организаторы производства. В январе 1940 года Совет Народных Комиссаров СССР назначает А. С. Яковлева заместителем наркома авиационной промышленности по опытному самолетостроению и науке. Ему не было в то время еще и 34 лет, но на этом ответственном посту в полной мере раскрылись его яркие качества руководителя нового типа, досконально знающего специфику своего дела.

Экзамен на зрелость советская авиапромышленность сдавала в небе Великой Отечественной войны. Она его выдержала блестяще.

И крыло в крыло с машинами других советских конструкторов сражались истребители А. С. Яковлева: ЯК-3, ЯК-7, ЯК-9.

На истребителях ЯК-3 — самом легком и маневренном истребителе второй мировой войны — советские летчики успешно сбивали «мессершмитты» и «фокке-вульфы», даже находясь в меньшинстве. На них воевали дважды Герои Советского Союза Луганский, Лавриненков, Покрышев. На них в советском небе сражались летчики эскадрильи «Нормандия».

«На ЯК-3 вдвоем можно драться против четверых, а вчетвером против шестнадцати. Летая на таких машинах, чувствуешь себя в воздухе полным хозяином»,— говорили французские летчики. И когда окончилась война, по древней французской традиции победители возвратились домой с оружием победы: эскадрилья «Нормандия» прилетела в Париж на подаренных Советским правительством ЯКах, символизировавших братство по оружию двух великих народов в общей борьбе с фашизмом.

Французское правительство отметило заслуги А. С. Яковлева, удостоив его высшей награды Франции — ордена Почетного Легиона.

ЯК-3, закончив «действительную службу», несет сейчас вахту памяти на монументах военной славы. Один из них — на Минском шоссе — в честь отважных защитников московского неба.

Но и после войны ЯКи не ушли из военной авиации. Первые советские реактивные истребители, ЯК-15 и Миг-9, поднялись в воздух уже 24 апреля 1946 года. За ЯК-15 последовали серийные ЯК-23, ЯК-25, ЯК-28.

Совершенно оригинальным, не имевшим в отечественной авиации прототипов был всепогодный барражирующий перехватчик ЯК-25, который мог патрулировать в воздухе продолжительное время. Самолет имел мощное радиолокационное и радиотехническое оборудование, что обеспечивало обнаружение воздушных целей в любое время суток и при любой погоде.

Схема ЯК-25, построенного в начале 50-х годов, оказалась перспективной и послужила основой для создания ряда многоцелевых сверхзвуковых самолетов, выпускавшихся в 60-х годах.

В 1967 году на воздушном параде в Домодедове был показан один из них — первый в СССР реактивный самолет вертикального взлета и посадки, сочетающий качества скоростного истребителя и вертолета.

Талантливый коллектив КБ Яковлева вместе с учеными создавал не только самолеты. Летом 1952 года партия и правительство приняли решение создать серийные модели советских вертолетов, не уступающие лучшим американским: одномоторный однороторный вертолет поручили строить КБ Миля, двухмоторный двухроторный — КБ Яковлева.

В исключительно сжатые сроки удалось преодолеть все технические трудности. «Летающий вагон» ЯК-24 поступил на государственные испытания зимой 1953 года. В то время он был одним из лучших в мире. Журнал «Интеравиа» писал: «Двухмоторный вертолет А. С. Яковлева может поднимать более 6,5 тонны груза на высоту 2000 метров. В этом отношении он сейчас, по-видимому, не имеет равных себе во всем мире».

В послевоенные годы А. С. Яковлев получает возможность вернуться к «первой конструкторской любви» — легкомоторным и спортивным самолетам. Появилось семейство ЯК-18. ЯК-18 образца 1946 года заменил УТ-2 в качестве самолета первоначального обучения. ЯК-18У, выпущенный в 1954 году, благодаря своим конструктивным особенностям позволял приблизить обучение летчика к условиям пилотирования реактивных самолетов. В 1960 году был создан ЯК-18П, затем ЯК-18ПМ, ЯК-18ПС — спортивные самолеты, на которых советские мастера неоднократно выигрывали чемпионаты мира по высшему пилотажу.

В конце 60-х годов КБ А. С. Яковлева в творческом содружестве с учеными и конструкторами промышленности создает современный реактивный самолет для местных авиалиний, пригодный для эксплуатации с грунтовых аэродромов. Удалось решить задачу, которая оказалась не под силу лучшим зарубежным фирмам.

Самолет получил «большую прессу», о нем писали крупнейшие газеты и журналы капиталистических стран. Французский «Авиасьон магазин» утверждал: «ЯК-40 оригинален по замыслу, по своим летным характеристикам и размерам. На Западе фактически нет сравнимого с ним самолета».

Сейчас Аэрофлот ждет ЯК-42 — 100 — 120-местный реактивный самолет для ближних магистральных авиалиний.

Коллектив КБ в ответ на обращение товарища Л. И. Брежнева принял и с честью выполнил обязательство по этому самолету. Вдохновляют слова Генерального секретаря ЦК КПСС: «Желаю товарищу Яковлеву А. С. и всем работникам его конструкторского бюро полного успеха в осуществлении большого и нужного для страны дела — скорейшего создания современного пассажирского самолета».

Пятьдесят три года в авиации... Созданная под руководством А. С. Яковлева, каждая новая машина являлась шагом вперед в развитии нашей авиации, отражением научно-технического прогресса страны. И сейчас, когда отмечается семидесятилетие дважды Героя Социалистического Труда, лауреата многих премий Александра Сергеевича Яковлева, вспоминаешь слова из его автобиографической книги «Цель жизни», которые читаются как девиз:

...«Проникать все дальше и дальше в неизвестное, достигая новых вершин!»

Л. ПЕТРОВ

Ю. Непринцев. Род. 1909. СОЛИДАРНОСТЬ.

Г. Томенко. Род. 1915. ШИРОКОЕ ПОЛЕ.

Взлетная полоса

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

●

Эти длинные марши
вдоль родимых полей!..
Становился я старше,
становился взрослей.

На плече моем —
скатка,
автомат —
на груди.
Сердце ухало сладко:
вся-то жизнь впереди!

«Вся-то жизнь...»
Стыла просинь.
«Вся-то жизнь!..»
И пока,
нет, не думалось вовсе,
что она
коротка...

●

Ушли из депо паровозы
на вечный прикол,
на покой.
И снятся им ливни и грозы
над полем,
над вешней рекой.

Ушли из депо паровозы
на вечный прикол,
на покой.
Ах, сколько безжалостной
прозы
в томительной доле такой!
Но даже и здесь,
не на трассе,
у жизни на самом краю,
они, как солдаты, в запасе:
стратеги их числят в строю...

РОЩА ДЕКАБРИСТОВ В ЯЛУТОРОВСКЕ

Осенний ветер заметает листья.
Их целые сугробы на лугу.
Березовая роща Декабристов
от белостволья —
словно бы в снегу.
А солнце нынче ясное,
как совесть,
а дали необычно глубоки...
И кажется:
стоят, в каре построясь,
мятежные гвардейские полки.

●

Ах, взлетная
родная полоса,
ты вся в огнях,
в зелено-синих звездах!..
Тяжелых самолетов голоса
расплескивают загустевший
воздух.

Какая даль,
какой вокруг простор!
Дух музыки над соснами
витает.
Ее,
такой суровой и простой,
мне, словно кислорода,
не хватает.
Ни есть, ни пить без взлетной
полосы,
без этого мерцающего чуда...
...Медлительны полетные часы,
но торопить их, право, не
хочу я.
Хочу, чтоб жизнь насыщенно
текла,
чтоб были в ней все нужные
регистры,
чтоб в душу мне
с небесного стекла
стекали звезд негаснущие
искры.

●

Человек красив в полете.
И седой
он молодой.
Приглядевшись,
вы поймете:
он не властен над собой.
Над судьбой своей
не властен,
хоть и спорил с ней не раз.
Это главный козырь счастья:
небо выбирает нас!
Тот, кто к солнцу шел однажды,
убедился навсегда...
Утоляет ярость жажды —
не вино
и не вода.
Всей душою,
смертной плотью
небу я принадлежу.
Человек красив в полете —
только это и скажу.

●

Здравствуй, Лева Фоминых!
Ты из тех, кто в небе реял,
покорял пространство-время
на дорогах неземных.

Обниму тебя, старик,
как при встрече,
на прощанье,
извини, не обещаю
очень много новых книг.

Но одну сложить смогу —
про друзей, уже погибших,
в летной школе с нами
бывших...
Перед ними мы в долгу.

Мы с тобою за столом.
Тешимся вином и хлебом.
А они — единым небом,
что пропело под крылом.

Здравствуй, Лева Фоминых,
дорогой, надежный кореш,
знаю, ты еще поспоришь
на путях, уже земных.

К черту лень и тишину!
Я не просто службу правлю,
я тебя сегодня славлю
не на школу —
на страну.

Ленинград.

Плывут плотогоны

Сергей МАКАРОВ

ПЕСНЯ

Голубиная высь голубая,
Отцеди облаков седину!
Из прикамских девчонок любая
Подойдет, улыбаясь, к окну,
Распахнет его в ярко-зеленый
Мир, где утро в росистых цветах,
В мир, где баско плывут плотогоны
На отволглых смолистых плотах.
Загорелые люди с баграми,
В мире нет еще песни про вас.
Грудь о грудь — вам сшибаться
с ветрами,
С быстриною бороться не раз.
Что вам молний колючие плети
И тягучий, надсадистый гром,
Если радуг покатые плечи
Недалече — достанешь багром!
А под вечер артельщик Серега,
С рыжих луковиц сняв шелуху,
Над костром поколдует немного
Да такую вам сварит уху —
Побледнеют созвездий ватаги,
Поперхнутся утробно ветра,
И завистливо чмокнут коряги,
Да над берегом сникнет ветла...
Кто-то после попросит Сережку
Песню спеть и сыграть перед
сном:
Как захватит он в руки гармошку,
И мехи — нарасхват, ходуном!
Приставучее эхо в затоны
Будет прыгать, как рыба
впотьмах...

Эх, по Каме
Плывут плотогоны,
Словно песня сама,
На плотах!

ОСТРОВ

Шло перетепленье:
Дождь-снег,
Осень и зима
Играли в прятки...
Ветру над излучиной
Замедляли бег
Отлиствелых ив
Плакучие прядки,—
Хватали за ноги,
Окрик даря:
«Видишь?!»
А в речке,
Как лиховестье,
Слепцом,
Потерявшим поводыря,
Щербатый остров
Топтался на месте,
До камушка вымокший,
Ни за что
Не помышлял
Выходить на сушу:
Улетевших уток
Немое гнездо
Острову
Все еще
Грело душу...

В ЭТО УТРО

Магнитогорска нет без домен!
Ветвисты сивые дымы...
Бредет шатун-мороз, бездомен,
Ворчливый прихвостень зимы,
Чтоб в это утро, по наитью
Как бы продлив ночную хмарь,
Все окна инеем, как нитью,
Заштопал просинец-январь.
На небо тучу нахлобучив,
Январь вершит свои шажки...
Но снегири на древках сучьев —
Как первомайские флажки!

Ленинград.

«В Западной Сибири продолжить формирование крупнейшего территориально-производственного комплекса — главной базы страны по добыче нефти и газа. Довести здесь в 1980 году добычу нефти до 300—310 млн. тонн, газа до 115—145 млрд. куб. метров».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

См. II стр. обл.

...И УСЛЫШИШЬ ГОЛОС

Ю. ЛУШИН,
фото автора

Вот снова земля Тюменская плывет под винтом вертолета. И снова поражает меня беспредельность снежных пространств, когда за час, и за два, и за три часа полета не увидишь внизу ни следа человечьего, ни живого дымка. Тюмень-Тюменщина... Как же ты все-таки велика и сколько, наверное, еще таишь в себе загадок, хитро упрятанных кладов, к каждому из которых придется подбирать свой заветный ключик! А сколько былей и небылиц породила ты за самое короткое время! Один мой приятель, узнав, что я лечу сюда, сказал мне с явным сожалением:

— Опять в Тюмень? Зря летишь, нового там ничего нет и не будет, все уже открыто...

Другой, напротив, меня подбадривал, явно завидуя:

— В Тюмень летишь? Прекрасно. Вот край — палку в землю воткнешь, а из дырки нефть фонтаном...

— Трудно сейчас палкой-то,— ответил я,— земля мерзлая.

Эх, друзья-приятели, вас бы в тот вертолет да на буровую номер сто восемь, что недалече от Уренгоя! Стоит она, голубушка, вся в инее, в туманище морозном, куржаком приодета, шапкой низкое тюменское небо подпирает, а ногами в землю уперлась, вслушивается, когда нефть голос подаст. Парни из бригады бурового мастера Александра Грекова, словно фокусники, одну за другой выдергивают из земли «свечи» — бурильные трубы длиной по двадцать пять метров и весом по три с половиной сотни килограммов. Рычит лебедка, то наматывая, то отдавая трос, становятся в ряд одна за одной свеча к свече. Надо поднять, развинтить, поставить в ряд два с лишним километра труб, потом, сменив износившийся турбобур и вновь свинчивая свечи, опустить постепенно всю колонну вниз и продолжить бурение до проектной отметки. Много часов тяжелой, однообразной работы, заменить которую нечем. Наверное, будут идти годы и годы, а дело это останется все таким же трудным. «Вот тебе и палку в землю!»— вспомнил я приятеля, притопывая по промерзшему настилу ботиночками, кои явно воспринимались тут как неслыханное пижонство, на что мне вскоре и намекнули. Покончив с очередной свечой, помощник бурильщика Василий Шитиков окликнул звеньевого:

— Слышь-ка, начальник, опять синоптики нас подвели — оттепель пообещали...

— Неужто оттепель?— включился в традиционную игру бурильщик Владимир Вдовичев, пристукнув валенком о валенок и искоса метнув в меня взгляд.

— Ну да. Сказали, черти, что ниже тридцати не будет, а сами под сорок подкинули...

Я смотрел на них, и они мне нравились, эти люди, приехавшие кто с Рязанщины, кто с Украины, кто с Кавказа, чтобы стать сибиряками. Они нравились мне презрением к трудностям и преданностью делу. За однообразием будней они видели свою светлую цель, которую не могли заслонить никакие тяготы. Цель эта — найти нефть.

Но северная нефть разведчикам недр давалась трудно. Покажет в в одном месте свой след, ударит небольшим фонтаном — и спрячется. И сколько ни бури вокруг — нет ее, исчезла. Вот газ — дело другое. Газ, тот заявил о себе сразу в полный голос. Уренгойской газовой копилке нет равной в мире, запасы ее исчисляются триллионами кубометров. Однако геологи (и практики и ученые-теоретики) твердо стоят на том, что нефть на Севере есть. Надо лишь найти ее. Четыре года назад здесь же, в Уренгое, видные геологи страны как раз обсуждали этот самый вопрос. Напомню, что говорили тогда корреспонденту «Огонька» в своем интервью Герои Социалистического Труда — директор Института геологии и геофизики СО АН академик Андрей Алексеевич Трофимук и один из первооткрывателей тюменской нефти, главный геолог «Главтюменьгеологии» Фарман Курбанович Салманов.

А. А. Трофимук:

— С тех пор как открыли нефть в Приобье, а газ — на Севере, теоретики стали искать причины и объяснения этим обстоятельствам. Почему природа распорядилась именно так, а не иначе? Некоторые объясняют это тем, что пласты с нефтью, образовавшейся в процессе переработки органических веществ в незапамятные времена, опущены на Севере на бо́льшую глубину, чем в Приобье, на глубину 4—5 километров. И вот здесь-то под действием высоких температур и давления нефть превратилась в газ. Если согласиться с этим, то на Севере просто больше нечего искать, все найдено. Но в том-то и дело, что газ своим составом, содержанием в нем изотопов и другими качествами как раз и не подтверждает своего глубинного происхождения, а свидетельствует о другом: о том, что он возник из окружающих пород. А раз так, то и ниже, на бо́льших глубинах, должен быть какой-то продукт переработки, предположительно газоконденсат и нефть. Получается как бы три этажа на одном и том же месторождении. Верхний этаж — газ, средний — конденсат, нижний — нефть. Причем, если бурить еще глубже, то где-нибудь в районе семи тысяч метров должна быть обратная, зеркальная картина — нефть, конденсат, а еще глубже — газ. И если наши надежды, например, здесь, в Уренгое, оправдаются — а все предпосылки ведут к этому,— то ценность месторождения возрастет многократно...

Ф. К. Салманов:

— Кстати, практика начинает подтверждать теорию: второй этаж уже найден, получен газ с конденсатом. Вы видели это собственными глазами, когда летали на буровую номер 58 в Уренгое. Помните? Теперь геологи, испытав скважину, продолжают бурить глубже, надеясь встретиться с нефтью.

Надежды эти позже оправдались, но все-таки Север крупных нефтяных месторождений пока не дал. Вернее, месторождения-то есть, но масштабы их пока неизвестны.

— Почему?— спросил я Салманова перед вылетом в Уренгой, напомнив ему тот наш давний разговор.

— Причина очень проста,— ответил он.— Нынешние масштабы развития нефтяной промышленности в Западной Сибири требуют резкого увеличения геолого-геофизических работ. А наши предыдущие открытия, как ни странно, видимо, создали в Госплане и Министерстве геологии СССР иллюзию легкости поиска новых месторождений. В результате внимание к нуждам и заботам тюменских геологов ослабло. Геологическая изученность области еще низка. Нам надо пробурить примерно восемьсот миллионов метров разведочных скважин, а их пробурено только шесть миллионов...

— И это, вероятно, средние цифры. А если взять только Север и Крайний Север, куда теперь направляется острие поиска?

— Тут контраст еще больший. Если, скажем, в Башкирии в среднем на сто квадратных километров пробурено сто метров скважин, то на нашем Севере — только один метр...

— То есть изученность в сто раз меньше?

— Да. Но не только это нас сдерживает. Выход разведчиков недр в труднодоступные места тундры и тайги ставит перед промышленностью задачу обеспечить их надежной, современной техникой, оборудованием, одеждой, жильем. Вопрос не новый. Все с нами соглашаются, поддерживают на словах, а дело не движется, потому что каждое ведомство пытается решить проблему в одиночку... Если помните, на том совещании в Уренгое мы говорили, что к восьмидесятому году в Западной Сибири будет добываться двести тридцать — двести шестьдесят миллионов тонн нефти. Жизнь опережает наши мечты. Недавно завершившийся XXV съезд КПСС дал глубокий анализ нашим достижениям и недостаткам, наметил дальнейшие перспективы жизни страны. В частности, перед нефтяниками Западной Сибири поставлена грандиозная задача — добывать в восьмидесятом году 300—310 миллионов тонн нефти. Нас, геологов, это ко многому обязывает, и мы уверены, что страна узнает о новых месторождениях, услышит и голос северной нефти...

Я бы тоже хотел его услышать, этот голос. Ради него и прилетел на буровую. Но еще больше, чем я, хотят этого рабочие, помбуры, бурильщики, дизелисты бригады. Уж они-то знают толк в своем деле и на вопрос «когда?» отвечают уклончиво: как дело пойдет. Как будто на всех на них напал приступ суеверия и они боятся назвать даже приблизительный срок, чтобы не сглазить ненароком удачу. Вот о прошлом, пожалуйста. Тут мастер Саша Греков обретал чуть ли не цицероновское красноречие, и в пять, десять минут я узнал, что их комсомольско-молодежной бригаде имени 50-летия Октября в прошлом году присвоено еще одно имя — Стаханова, что пятилетку они завершили на полгода раньше срока, что в соревновании заняли первое место не только по Уренгойской нефтеразведочной экспедиции, но и по всему главку... Пришел с вахты партгрупорг Виталий Константинович Шульгин, старший дизелист буровой, тоже вступил в разговор.

НЕФТИ

— Ну, как там?— спросил его Греков, хотя сам еще не успел остыть от стужи.

— Бурение идет.

— Хорошо. Когда бурим, душа спокойна,— расцвел Греков.

Я шагнул наружу и попал в жесткие тиски мороза. Осмотрелся. Буровая пыхала клубами пара, казалось, что она дышит, будто живая. Дальше на берегу речушки Нюды-Есеты-Яхи (сама малышка, зато название каково) курилась дымком банька, предмет зависти всей округи. Я пошел было к ней, но тут заметил, что к буровой в некотором возбуждении шагают Греков, Шульгин и еще кто-то. Повернув обратно, я бросился вдогонку...

Они окружили какую-то оледенелую трубу. Из трубы сквозь отверстие со спичечную головку в сварном шве хлестала струйка глинистого раствора.

— Что это? —спросил я.

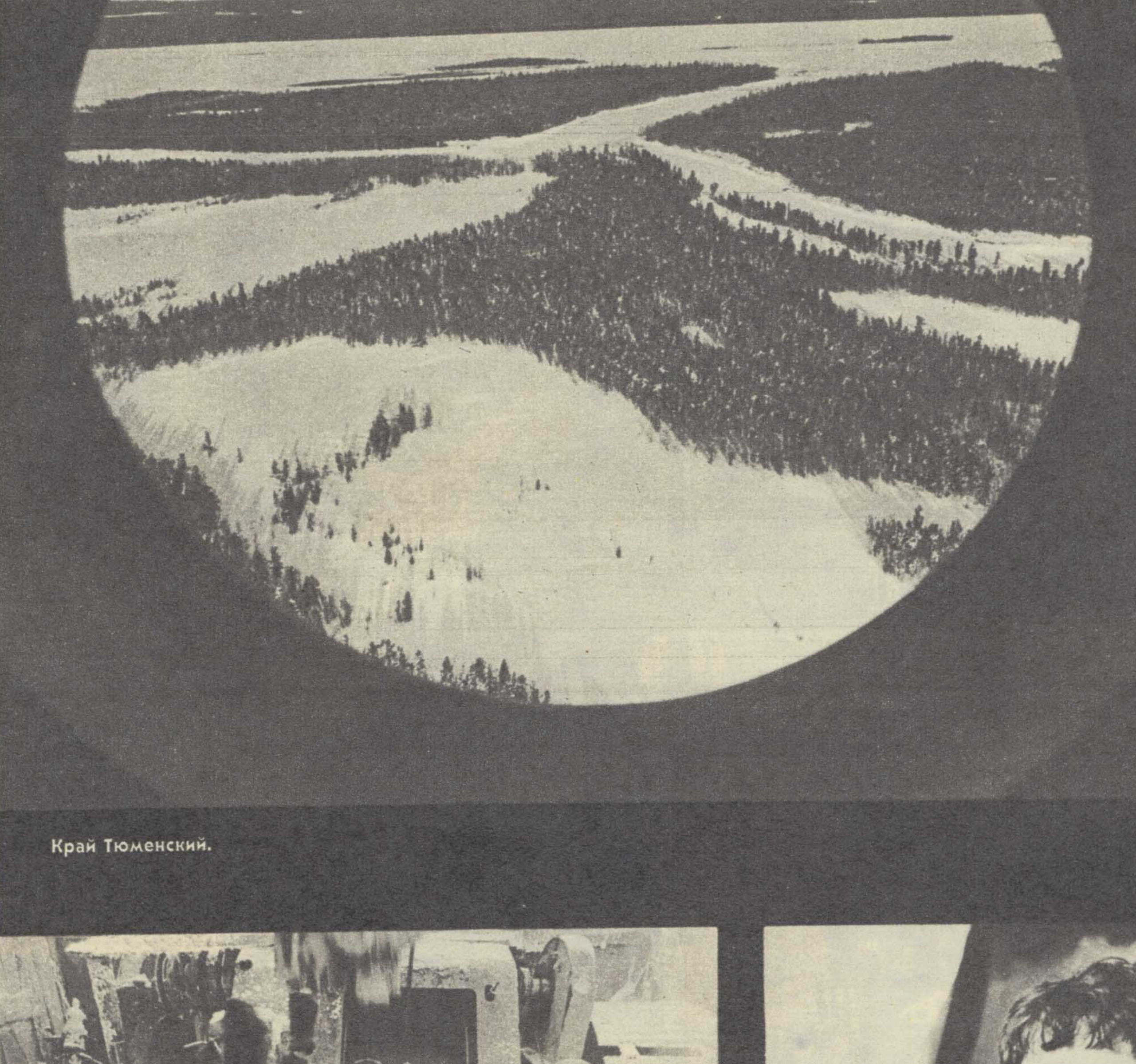
— Авария,— просто ответил Шульгин.— По этой трубе под давлением в двести атмосфер подается рабочий раствор в скважину...

— И что же теперь?

— Прекращаем бурение,— сказал Греков.— Я побегу на рацию, а вы поднимайте колонну, только, ребята, спокойненько, чтобы прихвата не было.

Я растерянно смотрел ему вслед. Значит, снова поднимать наверх сотни метров труб? И все из-за крохотной дырочки? Но, видимо, иного выхода не было... Теперь я уже не спрашивал: «А когда же вы, ребята, до нефти докопаетесь?» Было не до шуток. Вместе со всеми я ждал вертолета, который доставил сварочный аппарат. Вместе со всеми еще ждал семь долгих часов, пока сварщик, чертыхаясь, заваривал шов. Между прочим, за маленькой дырочкой в трубе оказалась приличная раковина, и не останови мастер работу, через несколько минут трубу бы просто-напросто разнесло в клочья. Но все обошлось. И буровая наконец снова ожила, пошло бурение...

— Вот видишь, как бывает, а?— хлопнул меня по плечу Греков.— В разведке как в разведке. Это, правда, все цветочки. А то наткнешься вдруг при бурении на какой-нибудь аномальный пласт, и сразу угроза выброса — аварийного фонтана. Тут уж не плошай — это как в засаду попасть, тут кто кого быстрее переборет. Но у нас будет все в порядке. В общем, жди сообщения о фонтане, но только о победном...

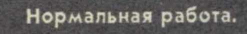
Край Тюменский.

Буровики.

Буровой мастер Александр Греков.

Помощник бурильщика Станислав Шукшин.

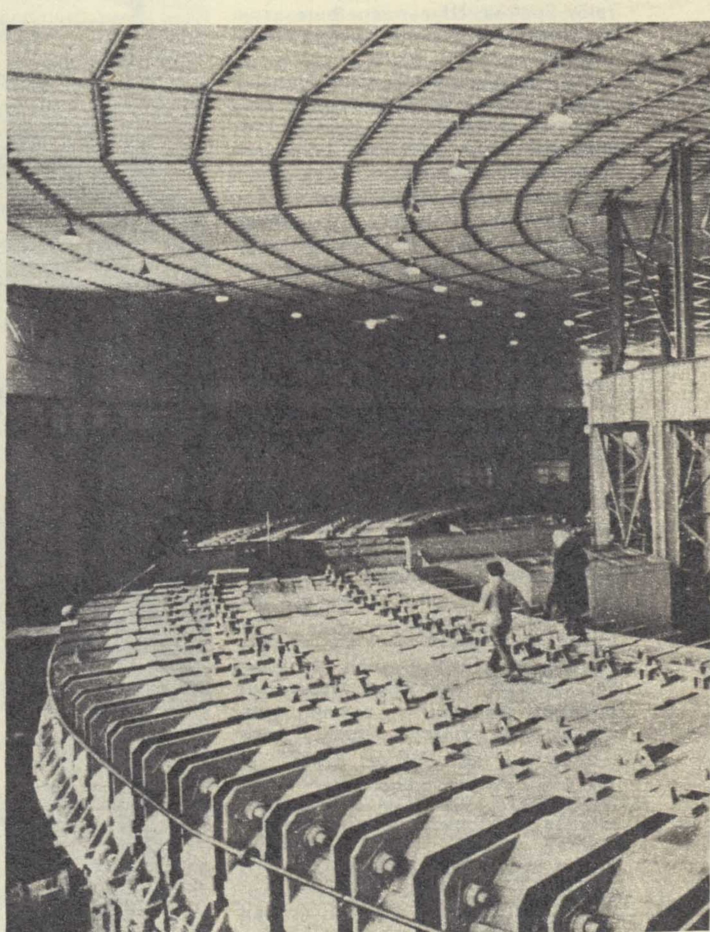

Нормальная работа.

Синхроциклотрон — «центр притяжения» исследователей.

Фото Юрия ТУМАНОВА

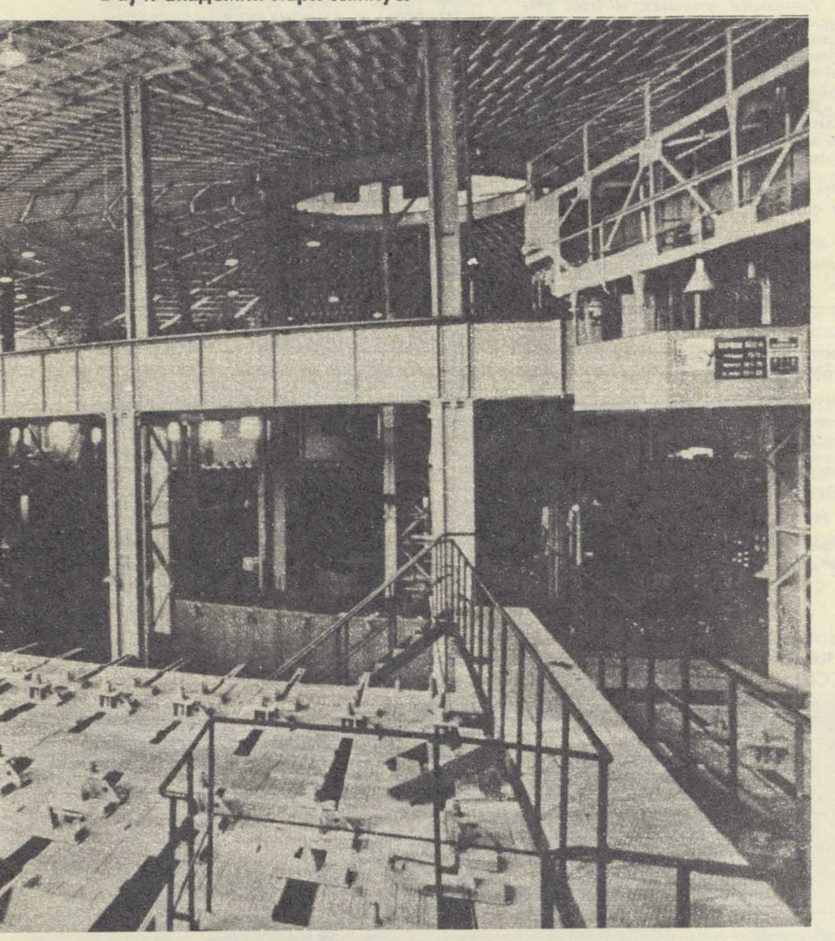
Синхрофазотрон — мощный «микроскоп» современной физики.

ДУБНА

Идет заседание ученого совета. Директор Объединенного института ядерных исследований академик Н. Н. Боголюбов (в центре) и вице-директора: профессор Честмир Шимане (слева) и академик Карл Ланиус.

«Правильно говорится: нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Мы прекрасно знаем, что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования.

Курс партии состоит в том, чтобы и впредь проявлять постоянную заботу о развитии большой науки...»

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXV съезде КПСС.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ТАК НАЧИНАЛСЯ ИНСТИТУТ

«Знание требует от человека мужества... Есть физическая связь поколений, она продиктована природой. Но есть и другая — работа, творчество, любовь, то, что остается, когда исчезает и человек и его имя...» Эти слова Жолио-Кюри невольно пришли мне на память в Дубне. Мы беседовали с вице-директором Объединенного института ядерных исследований чехословацким профессором Честмиром Шимане.

— Своей судьбой я обязан двум большим физикам и замечательным людям,— сказал профессор.— Один — мой учитель Фредерик Жолио-Кюри, второй — Игорь Васильевич Курчатов.

С начала пятидесятых годов наступил период в ядерной физике,— продолжает Шимане,— когда ученым стало ясно: для самого скромного результата необходимы сложнейшие приборы, огромные средства, необходим мощный экономический и, я бы сказал, «мозговой» потенциал. И поэтому небольшие страны, как, скажем, моя Чехословакия, для того, чтобы вести физические исследования, особенно остро нуждались в объединении усилий. Это прекрасно понимал Игорь Курчатов и пришел нам всем на помощь. Именно ему принадлежит благородная идея создания здесь, в Дубне, Международного научного центра социалистических стран — Объединенного института ядерных исследований.

— А когда вы впервые увидели Дубну? — спрашиваю я.

— Летом пятьдесят пятого. Я приезжал по приглашению Академии наук. Помню, был жаркий июльский день. Конечно, природа здесь очень красивая, но меня восхитила не только красота Волги и Дубны. Я впервые столкнулся с таким широким масштабом исследований в области ядерной физики. Особенно меня поразил ускоритель, тонкий и мощный инструмент познания, о котором физики всего мира могли только мечтать. И Советское правительство передало этот прибор в дар Объединенному институту. Это было счастьем. «Можно сразу начинать работать»,— подумал я тогда.

Честмир Шимане смотрит на меня веселыми голубыми глазами, будто заново переживает радостное чувство тех дней.

— В пятьдесят восьмом году, когда в Дубну приезжал Жолио-Кюри, вы уже работали здесь?

— Да, конечно. Я тут фактически с самого начала, с двадцать шестого марта пятьдесят шестого года, когда был подписан договор о создании Объединенного института ядерных исследований. Уже ровно двадцать лет.

Разговор наш прерывается. Профессора приглашают на совещание дирекции, а я иду побродить по Дубне. Зима еще лежит мягко и сыро на крышах домов, но с Волги уже дуют весенние ветры, и воздух свеж и прозрачен, как это бывает только в марте. На улице Жолио-Кюри перед административным корпусом развеваются флаги десяти стран — участниц института: Советского Союза, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Корейской Народно-Демократической Республики, Монголии, героического Вьетнама.

Помню, как нас, журналистов, побывавших здесь в первые годы создания Объединенного института, поражало буквально все. И слова «Атом не солдат, атом — рабочий», которые можно прочесть на дубненском доме; и тихие коттеджи, укрывшиеся за мохнатыми елями; и то, что для исследования мельчайших частиц материи создаются гигантские приборы, «микроскопы» современной физики; что рядом с ускорителем лес, а сам город расположился на острове. С трех сторон его окружают реки: Волга, Дубна и Сестра, а с четвертой — канал. Если открывалось в Дубне кафе, то его называли «Нейтрино», если бассейн — «Архимед». И в каждом человеке с портфелем нам виделись академики Векслер или Понтекорво.

Этот, скажем теперь честно, несколько поверхностный интерес к первому городу ученых быстро схлынул. Стало меньше популярных статей в газетах и журналах. Праздник рождения кончился. Но наука устроена так, что ее будни граничат с подвигом, ибо всегда «знание требует от человека мужества».

Я иду с улицы Жолио-Кюри, прохожу по улицам Вавилова, Векслера, Курчатова. А на площадку ускорителя, как к проходной завода, спешат их ученики. Работа, творчество, любовь остаются, — сказал Жолио-Кюри очень точно.

«ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА»

...Здание синхроциклотрона — своеобразный центр притяжения исследователей — одно из самых старых в Дубне, «визитная карточка города». Ускоритель начал работать 14 декабря 1949 года и до сих пор остается лучшим в своем классе. Мужественный, скромный работяга. Он трудится круглые сутки, как домна.

Мне повезло, и я попала в короткий перерыв. Вхожу в зал ускорителя. Бросаются в глаза сло-

ва: «Электросила, завод имени С. М. Кирова» — производственная марка синхроциклотрона. В сорок девятом они звучали гимном нашей отечественной промышленности, сумевшей создать для исследователей атома столь сложный прибор.

Основная хозяйка синхроциклотрона — лаборатория ядерных проблем. Ее директор профессор В. П. Джелепов приехал в Дубну задолго до основания Объединенного института. Сейчас он в отпуске, и с работами ученых меня знакомит его заместитель профессор Л. И. Лапидус. В исследованиях лаборатории два основных направления: физика элементарных частиц и ядерная спектроскопия.

Мне показалось символичным, что именно в этой старейшей дубненской лаборатории неподалеку от первого синхроциклотрона существует отдел, разрабатывающий новые ускорители. Им руководит профессор В. П. Дмитриевский, коллеги с улыбкой охарактеризовали его как «человека большого роста и большого таланта».

Чтобы забраться поглубже в недра ядра, надо его разрушить. Для этого физики обладают единственным инструментом — ускоренной частицей. И чтобы разогнать ее до скоростей, близких к световым, они строят гигантские приборы. Размеры ускорителей все возрастают, и, как грустно шутят физики, вскоре им будет мал прибор с кольцом, опоясывающим земной шар. Но увеличение энергии не единственный путь создания новых ускорителей. Есть и другие. Один из них — повышение интенсивности, увеличение числа частиц, плотности пучка. Виталий Петрович Дмитриевский работает над созданием таких сильноточных ускорителей.

Я была в Дубне в исторические дни XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Ученые, как и весь наш народ, подводили итоги сделанному, думали о новых высотах.

— На XXV съезде КПСС академик Александров, президент Академии наук СССР, и министр энергетики Непорожний говорили о новых источниках получения энергии, в частности атомной и термоядерной. А нельзя ли заставить работать на энергетику ваши ускорители? — спрашиваю я.

— В принципе можно. Как известно, вся ядерная энергетика работает на уране-235. Его небольшая примесь есть в обычном уране. Но запасы его не очень велики, и получение из руд делается все дороже. На атомных станциях накопилось уже много отходов урана, которые нельзя использовать в реакторе. Однако если эти «отходы» облучить пучком протонов высокой интенсивности, то образуется плутоний, основное сырье для атомных станций. Такой ускоритель, рождающий «горючее», в принципе сможет конкурировать с реакторами-размножителями на быстрых нейтронах. Причем интересно, что новый тип ускорителя нужен прежде всего для фундаментальных исследований, для науки. А «горючее» будет получаться попутно. Над этим мы работаем, но пока слишком много нерешенных научных и технических проблем встает перед нами,— отвечает Виталий Петрович.

НА ПУТИ К АНТИВЕЩЕСТВУ

...Фундаментальные исследования и практика. Иногда научные открытия и их практическое применение разделяют столетия. В наши дни разрыв резко сокращается. Примером служит пуск первой в мире советской атомной станции. И кто знает, какие полезные всходы могут дать те зерна открытий, что зреют сегодня в лабораториях Дубны? «Нами движет идея дать людям как можно больше энергии»,— мечтательно сказал мне один физик, занимающийся чисто теоретическими работами. Я думаю об этом, слушая выступления ученых на семинаре, который проводит Валентин Иванович Петрухин.

Долгое время слова «антивещество», «антимиры» были особенно популярны у авторов научно-фантастических романов. При соприкосновении материи и антиматерии происходит гигантский взрыв — аннигиляция. Количество энергии, которая высвобождается при этом, в миллионы раз превосходит термоядерную реакцию. Но для того, чтобы завладеть ключами от бесценного клада, надо прежде всего антивещество получить. До самого последнего времени миру были известны лишь антипротон, антинейтрон, антидейтрон и антигелий. Недавно интернациональная группа ученых под руководством В. И. Петрухина во время своих экспериментов на ускорителе в Серпухове получила новое ядро антивещества — антитритий.

В Объединенном институте ядерных исследований интернациональные работы — правило. И часто бывает, что исследование начинается в Дубне, продолжается в Кракове, Берлине, Улан-Баторе или Ханое и вновь возвращается на берега Волги. Я хотела отыскать в Дубне своего знакомого из Вьетнама Нгуен Дин Ты. В 1960 году группой дубненских физиков под руководством академика В. И. Векслера была экспериментально обнаружена новая частица антисигма-минус-гиперон. Вьетнамский ученый тоже входил в эту группу.

С Нгуен Дин Ты я встретилась еще в 1957 году, когда начал работать синхрофазотрон, второй крупный ускоритель в Объединенном институте. Нгуен Дин Ты был тогда в Дубне впервые. Он проработал здесь несколько лет и уехал на родину организовывать институт физики. Когда американцы начали активно бомбить Ханой, пришлось эвакуировать институт в джунгли, за 100 километров от столицы ДРВ. Там они, физики, копали котлованы для подземных убежищ, в них временно разместились лаборатории.

Все это мне рассказал Дин Ты в 1971 году, когда вновь вернулся в Дубну. О том, как работали вьетнамские физики под бомбами, он говорил спокойно, улыбаясь, а на меня дохнуло палящее видение, словно опять из далекого детства выплыл вой воздушной тревоги, канонада зениток... Казалось, почувствовав мои мысли, Нгуен Дин Ты сказал: «Вы, советские, удивительный народ. Мы учимся у вас. Победив фашизм, вы первые заставили атом служить миру. И наш физический институт был необходим стране в годы войны, как школа будущих ученых и как учреждение, дающее большой вклад в народное хозяйство: работы вьетнамских физиков в области радиоизотопов широко применяются в технике». А прощаясь, заметил: «Дубна — прекрасный город для занятий наукой. В Советской стране мы с женой чувствуем себя как дома. Сам я с Севера, но можно ли забыть, что моя жена... с Юга. Что там остались все ее родные и она не знает, что с ними?»

— Где сейчас Дин Ты? — повторяет мой вопрос Анатолий Алексеевич Кузнецов, доктор физико-математических наук, заместитель директора лаборатории высоких энергий, в которой работал вьетнамский физик.— Вы его чуть-чуть не застали. Совсем недавно уехал в Ханой. Он сейчас проректор университета, профессор.

— А родные его жены?

— Все живы,— радостно сообщает Анатолий Алексеевич.— Дин Ты рассказывал, что они с женой ездили на Юг, всех повидали. А наши совместные исследования с вьетнамскими физиками сейчас идут еще активнее. Мир и содружество всегда способствовали развитию науки.

На стене в кабинете Кузнецова висит схема. На ней три круга: синий, красный, зеленый. Синий — дубненский синхрофазотрон, красный — серпуховской, а зеленый — американский ускоритель в Батавии. Рядом — перечень стран, работающих на этих приборах.

Анатолий Алексеевич Кузнецов возглавлял группу первых советских физиков, работавших на ускорителе в Батавии. Американцы окрестили этот совместный эксперимент «русским», он проводился на основе советско-американского соглашения о научном сотрудничестве.

То, что на новый мощнейший ускоритель пригласили работать физиков именно из Дубны, понятно. В Дубне действуют мощные ускорители, накоплен большой опыт работы на них, создана высокая культура исследований.

Целью экспериментов в Батавии было получить данные о свойствах и размерах одной из фундаментальных ядерных частиц — протона.

— Самым главным из оборудования, которое мы везли в Америку, была газовая струйная мишень, разработанная и созданная в нашей лаборатории,— рассказывает А. А. Кузнецов.— А волновала нас больше всего возможность «точной стыковки» наших и американских ученых, а также нашей аппаратуры с американским ускорителем. Не хвастаясь, скажу: все прошло не хуже, чем в космосе. В штат Иллинойс впервые за много лет приехали советские люди. И сначала нас донимали вопросами, казавшимися нелепыми: «Почему без бород?», «Почему улыбаетесь?», «Разве русские танцуют?», «Разве разрешено модно одеваться?». Очень мало печатается в США о Советском Союзе...

Сейчас в Батавии побывали уже три группы ученых Объединенного института. «Дубна — очень высокая школа, крепкий тыл, который был у нас за спиной, помогал работать»,— отметил только что вернувшийся из США кандидат физико-математических наук Сергей Васильевич Мухин...

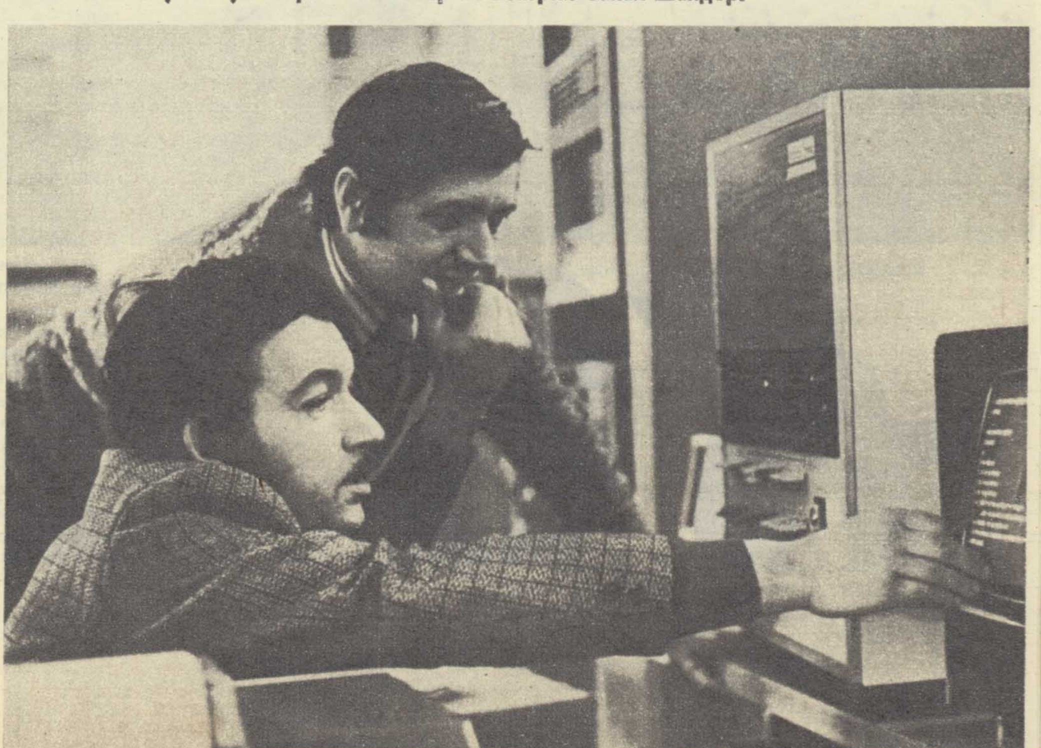
АТОМ-РАЗВЕДЧИК

...Объединенный институт ядерных исследований — сложный, живой организм, постоянно совер-

«Мы работаем над созданием ускорителя, рождающего «горючее», — говорит В. П. Дмитриевский.

В измерительном центре лаборатории нейтронной физики. Старший научный сотрудник Г. С. Самосват (СССР) и старший инженер из Венгрии Салаи Шандор.

шенствующийся, обновляющийся. В. И. Лущиков ведет меня на одну из новых строек. Скоро уже двадцать лет как работает он в Дубне. Приехал сюда сразу после окончания Московского университета, а сейчас он заместитель академика И. М. Франка — директора лаборатории нейтронной физики.

— Проекты таких мощных импульсных реакторов на быстрых нейтронах разрабатываются в Японии и США. Но там пока проекты, а мы думаем уже в будущем году начать исследования,— говорит Владислав Иванович.

В огромном зале, похожем на цех завода, сверкают огни электросварки. Здесь встанут исследовательские приборы. Как гигантские иллюминаторы, смотрят круглые отверстия трубопроводов. По этим каналам помчатся нейтроны. Сейчас можно пройти даже внутрь реактора.

Лущиков советует подняться по тонкой лесенке на верх стройки.

— Если не боитесь высоты,— предупреждает он.

Я боюсь высоты, но мне интересно. Сверху хорошо видна глубокая шахта, куда уйдут активные стержни, толстая стена радиационной защиты. Все это можно увидеть только сейчас, потом здесь людей не будет, только автоматика. Новый реактор — сложнейший исследовательский прибор, вобравший в себя высшие достижения современной техники. И опять в Дубне произносят слова «впервые в мире». И опять зовет ученых нехоженая дорога к разгадке новых тайн.

Одна из таких тайн, которую предстоит раскрыть,— использование нейтронов для биологических и медицинских исследований. В электронных микроскопах обычно изучается уже погибшая клетка. Рентгеновские лучи действуют на клетку тоже губительно. При помощи же медленных нейтронов можно просветить, изучать клетку живую, не повреждая ее.

В лаборатории нейтронной физики исследуют рибосому — «фабрику белков». По заданной программе она из аминокислот плазмы синтезирует белки. Но где, в каком месте она их собирает? Нейтроны помогают это «увидеть», хотя сами они в сто тысяч раз меньше атома.

Слушая о таких работах, понимаешь, сколь образно у физиков мышление! Ведь только люди с поэтичным складом ума могли назвать потоки космических частиц «дождями», «ливнями» и «снопами», а некоторые частицы «странными» и даже «очарованными». Да, да, не удивляйтесь. Сейчас физики ведут на ускорителях поиск неведомых, гипотетических частиц, обладающих «очарованием». Таким термином ученые назвали предположительное квантовое число, характеризующее частицу.

Эту поэтичность и нежность к своим «героям», которых и увидеть-то нельзя, ибо они не только чрезвычайно малы, но и живут тысячные доли секунды, я улавливаю в объяснениях Лущикова.

Движутся частицы с поистине космической быстротой, — попробуй рассмотри их. Как бы хотелось физикам крикнуть: «Мгновенье, продлись!» — и остановить частицу, чтобы изучить ее, думаю я и говорю об этом Лущикову.

— А мы продлили мгновение,— просто отвечает он.

— И обошлись без Мефистофеля?

— Как видите. — Владислав Иванович смеется. — Нет Мефистофеля в нашей лаборатории.

И он рассказывает об одном из самых недавних открытий в Дубне. Его авторы даже еще диплома не успели получить, но открытие уже зарегистрировано. Группа ученых, в которую входит и Лущиков, нашла способ поймать нейтроны в некий сосуд, замедлить их скоростной бег, сделать ручными. Новое вещество назвали нейтронным газом. Теоретически это явление было предсказано академиком Я. Б. Зельдовичем лет пятнадцать назад. Однако эксперимент казался столь фантастичным, что даже приступить к нему никто не решался.

— Можете посмотреть на нашу «бочку», в которой мы храним нейтроны, — говорит Владислав Иванович. — А сделать ее, довести идею до выполнения нам помог сварщик высокого класса Михаил Зайцев. У нас в Дубне рабочие очень высокой квалификации.

ЗНАНИЕ ТРЕБУЕТ ОТ ЧЕЛОВЕКА МУЖЕСТВА

...Труд и мысль, мысль и труд. Эти понятия, тесно переплетаясь, составляют тот незыблемый фундамент, на котором стоит город науки.

В Дубне трудится один из самых квалифицированных в мире коллективов физиков-теоретиков. Возглавляет лабораторию теоретической физики член-корреспондент Академии наук СССР Дмитрий Иванович Блохинцев.

У его заместителя профессора В. Г. Соловьева семинар, и я жду, пока он закончится. У меня к Вадиму Георгиевичу вопросы двоякого рода: какие научные исследования ведутся в лаборатории теоретической физики и как работает партком КПСС, Соловьев избран его секретарем.

Поздний вечер, но ученые не торопятся расходиться. Для них, тех, кто собрался за столом в кабинете Соловьева, мир физических явлений, выраженный в математических образах, отражается широко и щедро.

Дух человеческий открывается тремя ключами: цифра, буква, нота. И первой в ряду этих символов стоит цифра. Оказывается, с ее помощью можно познать весь окружающий мир.

Около ста шестидесяти человек составляют лабораторию теоретической физики. И каждый представляет присущий только ему научный метод, стиль работы.

Соловьев извиняется, что задержался. Подобные семинары проходят бурно и всегда затягиваются. Он рассказывает, что только за прошлый год в отделе теории атомного ядра сделано 167 научных работ. А если у сотрудника нет за год самостоятельного, интересного исследования, это уже целое ЧП. Введена система собеседований, на них выясняется, какие проблемы волнуют того или иного сотрудника, круг его научных интересов.

— И человек оценивается и работа. Ему полезно и коллективу, каждый делает выводы и для себя, — говорит Вадим Георгиевич.

У него самого теперь много времени отнимает партийная работа. В Дубне трудятся ученые из десяти стран. Партком КПСС (в институте 1 100 членов КПСС) работает в тесной связи с партийными организациями стран — членов института. Вместе, например, готовились к празднику 30-летия Победы, вместе принимали приветствие ученых Дубны XXV съезду КПСС, вместе намечают планы дальнейших работ.

Я спрашиваю, как подбираются молодые кадры физиков-теоретиков.

— Чрезвычайно тщательно. На практику, например, мы берем тридцать студентов. И сразу делаем их полноправными членами нашего коллектива, внимательно прислушиваемся к их самостоятельным идеям, особенно ценим самобытное мышление, нетривиальность. Молодежь должна поверить в себя. На стажировку оставляем десять из тридцати, а берем на работу одного. Получается, что своего нового сотрудника мы уже хорошо знаем, оценили его способности, особенности таланта, если хотите, характер, коммуникабельность. И главное — проверяем «на прочность», способен ли он трудиться, нет, не семь или восемь часов в день — всегда. Без труда и талант не поможет.

Я слушаю Соловьева и думаю, что одержимость настоящего ученого — способ не только его работы, способ его жизни. Он просто не может иначе. И еще отмечаю про себя, как похожи ученики академика Н. Н. Боголюбова на него самого. И прежде всего — доброжелательностью и требовательностью, умением ненавязчиво помочь человеку раскрыть в себе лучшее. Мне приходилось встречаться со многими учениками академика Боголюбова, и почти у всех я улавливала эти же черты, даже узнавала отдельные фразы, словечки, которые любит говорить Николай Николаевич Боголюбов. Например, знаменитую фразу: «Многочтение еще не научает»,— которую сам Боголюбов не раз слышал от своего учителя академика Крылова.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий академик Н. Н. Боголюбов в расцвете творческих сил, а для молодежи его имя уже стало дерзкой и прекрасной легендой о силе творчества.

...Невысокий светловолосый подросток входит в кабинет известного профессора: «Я бы хотел просить разрешения присутствовать на ваших семинарах». «Так. А сколько вам лет?» «Уже четырнадцать».

Этим профессором был Николай Митрофанович Крылов, мальчиком — Коля Боголюбов. Крылов с любопытством рассматривает юного посетителя. «Ну вот что, коллега, берите бумагу и пишите. Эту задачу решите к четвергу». Через два дня профессор держал в руках решение. Он быстро проглядел несколько листков, сплошь исписанных математическими символами. «Дельно, весьма дельно. Через двадцать минут начнется семинар. Оставайтесь».

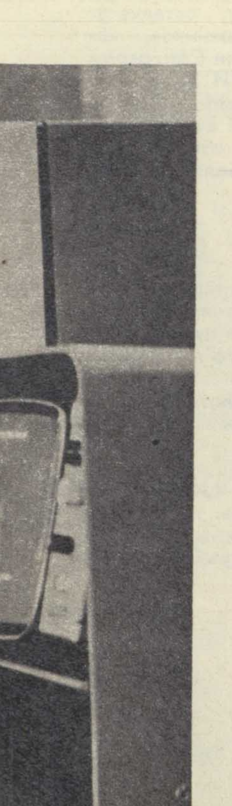
Под руководством академика Крылова Боголюбов необыкновенно быстро одолел вузовский математический курс и принялся за собственные исследования. С шестнадцати лет вопреки всем правилам он был принят в аспирантуру Украинской Академии наук, в восемнадцать лет защитил кандидатскую диссертацию, а в двадцать стал доктором математики.

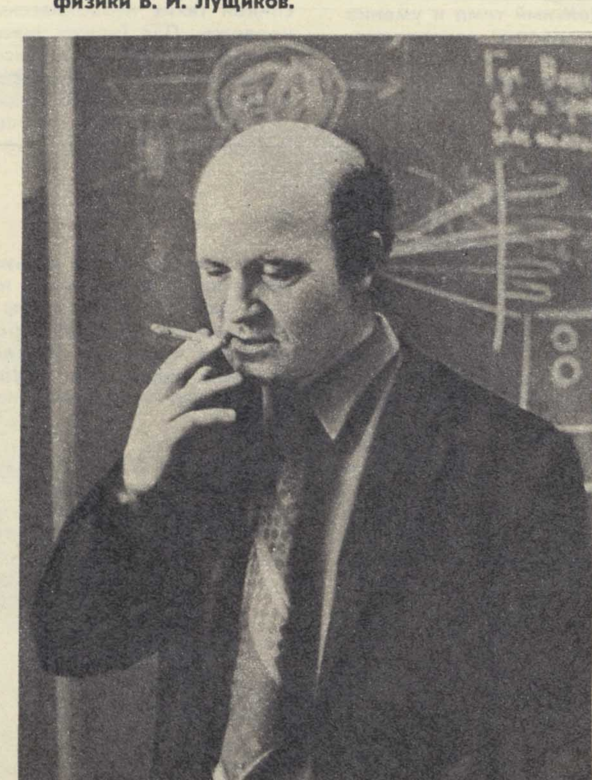
Дальнейший путь ученого был также заполнен трудом и творчеством. Одно время среди зарубежных математиков даже распространился слух о том, что академик Боголюбов не реально существующее лицо, а псевдоним, под которым публикуют свои труды несколько крупных ученых. И действительно, не зная Боголюбова, трудно представить, что один человек может создать такой огромный комплекс разнообразных по тематике, фундаментальных работ, проникающих в самую сущность дотоле непознанных физических явлений.

В 1965 году Комитет полномочных представителей единогласно избрал академика Боголюбова на пост директора Объединенного института ядерных исследований в Дубне. А до избрания на пост директора академик Боголюбов руководил вот этой лабораторией теоретической физики, «кузницей кадров» теоретиков, работающих в институтах многих социалистических стран. Например, кафедру физики, ту самую, которую создал когда-то великий Эйнштейн, возглавляет теперь в ГДР доктор Франк Кашлун; весь путь от аспиранта до академика прошел в Объединенном институте молодой болгарский теоретик Иван Тодоров; директором Института физики в Ханое стал сейчас профессор Нгуен Ван Хьеу; учеником Николая Николаевича Боголюбова является и научный руководитель исследований, ведущихся на серпуховском ускорителе, вице-президент Академии наук СССР, делегат XXV съезда КПСС академик А. А. Логунов. Все они работали в Дубне.

...Возвращаясь в гостиницу, я думаю о том, какие большие изменения произошли за последнее время в физике. Атом стал мастеровым, он дал людям энергию, свет, тепло, он научился даже лечить людей. И все-таки разгадка тайны строения материи еще очень далека. Почему природа нуждается в столь огромном количестве частиц для постройки Вселенной? Какое отношение имеют все эти частицы к окружающему нас миру, к вечерним звездам, к мартовскому талому снегу, к Волге, по которой плывут льдины?

Физики — оптимисты, они не сомневаются, что когда-нибудь ученые разгадают эту тайну... Знание требует от человека мужества...

Заместитель директора лаборатории нейтронной физики В. И. Лущиков.

НАША ОЛИМПИАДА

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Белая Олимпиада промчалась, как бобслейные сани, промелькнула по крутым альпийским склонам, и остались на горе Бергизель два потухших олимпийских светильника, сотни снимков и репортажей в газетах всего мира и официальный том протоколов, выданный аккредитованным при Олимпиаде журналистам. А она все еще потрясает наше воображение, открывает все новые детали, подсказывает все новые выводы. И вот снова мы видим зеефельдскую лыжню, алмазный лед катка и рядом с ним ледяную площадку под крышей Айсштадиона — три олимпийские арены, на которых зрела и поднималась наша победа.

Когда двенадцать лет назад здесь же, в Инсбруке, команда СССР завоевала 11 золотых медалей и добилась своего самого впечатляющего успеха на Белых Олимпиадах, нам казалось, что для новых спортивных поколений этот результат будет на многие годы недосягаемым образцом. И действительно, и в неудачном для нас Гренобле в 1968 году и даже в удачном Саппоро четыре года спустя так это и было. И вот образец улучшен! Да еще как улучшен! Ведь еще никогда за всю историю Белых Олимпиад, начиная с того 1924 года, когда на французском горном курорте Шамони впервые встретились на олимпийском уровне лучшие представители зимних видов спорта, ни одной команде не удавалось достигнуть таких выдающихся результатов, хотя вечные лидеры зимних Олимпийских игр — норвежцы и были близки к этому.

Первые зимние Олимпийские игры можно было бы назвать играми норвежского лыжника Торлейфа Хауга, завоевавшего три золотые медали, вторые — именем другого норвежского гонщика, Юхана Греттумсбротена, двукратного олимпийского чемпиона. Правда, третья Олимпиада прошла под знаком скороходов США, но это было лишь исключением из общего правила, потому что четвертые Олимпийские игры по праву получили имя норвежского конькобежца Ивара Баллангруда, следующие — трех норвежских прыгунов: Петера Хугстеда, Рууда Биргера и Торлейфа Шьелдерупа, занявших все места на пьедестале почета, а шестая Олимпиада могла бы быть названа Олимпиадой Ялмара Андерсена, замечательного норвежского конькобежца.

Но на этом монополия спортсменов северной страны кончилась. Уже на Олимпийских играх 1956 года в Кортина д'Ампеццо, когда среди участников появились спортсмены СССР, отличных результатов добились советские скороходы Евгений Гришин и Борис Шилков, а советские хоккеисты смело нарушили канадский приоритет. Правда, после этого были неудачные для нас игры в Скво-Вэлли, но потом пришел Инсбрук — Олимпиада Лидии Скобликовой, завоевавшей на катке золотые медали на всех четырех дистанциях. А как именовать вторую инсбрукскую Олимпиаду? Нет, ее фамилией какого-нибудь одного спортсмена не окрестишь, даже такой фамилией, как Аверина. Ведь с таким же правом XII зимние Олимпийские игры можно было бы назвать играми советских лыжников Сергея Савельева, Николая Бажукова, Раисы Сметаниной или играми наших биатлонистов и фигуристов. XII Белая Олимпиада — это Олимпиада команды СССР. Это наша Олимпиада, и вряд ли кто-нибудь станет спорить с этим утверждением.

Итак, наша Олимпиада! Как же она выглядит уже не вплотную, а на некотором отдалении? Не преувеличиваем ли мы свои успехи? Так ли они убедительны издали, какими казались с пылу, с жару, вблизи?

Вспоминается первая наша победа на следующий день после торжественного открытия, всегда волнующего, всегда вызывающего обостренное желание угадать, что ждет нас в ближайшем будущем, измеряемом двенадцатью днями. Вспоминается встреча с известным гонщиком Анатолием Акентьевым, в прошлом неоднократным участником крупнейших международных соревнований, а ныне работающим тренером, ставшим непосредственным воспитателем молодого лыжника Сергея Савельева и приехавшим на игры туристом, чтобы хоть бы издали посмотреть, как сложатся дела на лыжне у его питомца.

«Нам бы выиграть первую гонку»,— сказал тогда Акентьев. ...Не знали мы, что эта мечта близка к своему осуществлению и что победителем этой гонки станет не кто иной, как Сергей Савельев! Тогда, в день открытия, мечта Акентьева казалась почти несбыточной. Ведь всего лишь один раз удалось советскому гонщику выиграть на Олимпийских играх эту трудную дистанцию, сочетающую в себе способность развивать стремительный темп и умение до конца бороться с усталостью на протяжении долгих полутора часов. Этого смог достигнуть Вячеслав Веденин в Саппоро, но ведь его нет в Инсбруке. Кто же способен его заменить? Кто может взять на себя роль лидера и создать команде тот боевой настрой, без которого невозможна победа?

Слушая тогда Акентьева и соглашаясь с его оценкой стратегической важности победы в гонке на 30 километров, я, признаться, не видел лыжника, который мог бы заменить Вячеслава Веденина. Да и не только я не видел. Уж слишком много огорчений нам доставляли за последние годы лыжные гонщики, слишком много неудач накопилось на их счету. И вот победа Сергея Савельева. Убедительная, яркая победа над сильнейшими лыжниками скандинавских стран...

За многие годы моей журналистской работы не раз приходилось мне брать интервью и у тренеров и у спортсменов. И я всегда лучше или хуже выполнял поставленную перед собой задачу. Но должен сознаться, что интервью у старшего тренера лыжной команды Венедикта Ивановича Каменского взять мне не удалось. И не потому, что он не мог со мной побеседовать. Когда после конца гонки, проскочив сквозь все оцепления и кордоны, я прорвался в домик, предоставленный нашим гонщикам, то застал там такое ликование, такую радость, что потерял дар речи. Помню, что я о чем-то спрашивал Венедикта Ивановича, что он мне что-то охотно отвечал, но в памяти ничего не осталось, а в блокноте сохранилось лишь несколько листков неразборчивых каракулей.

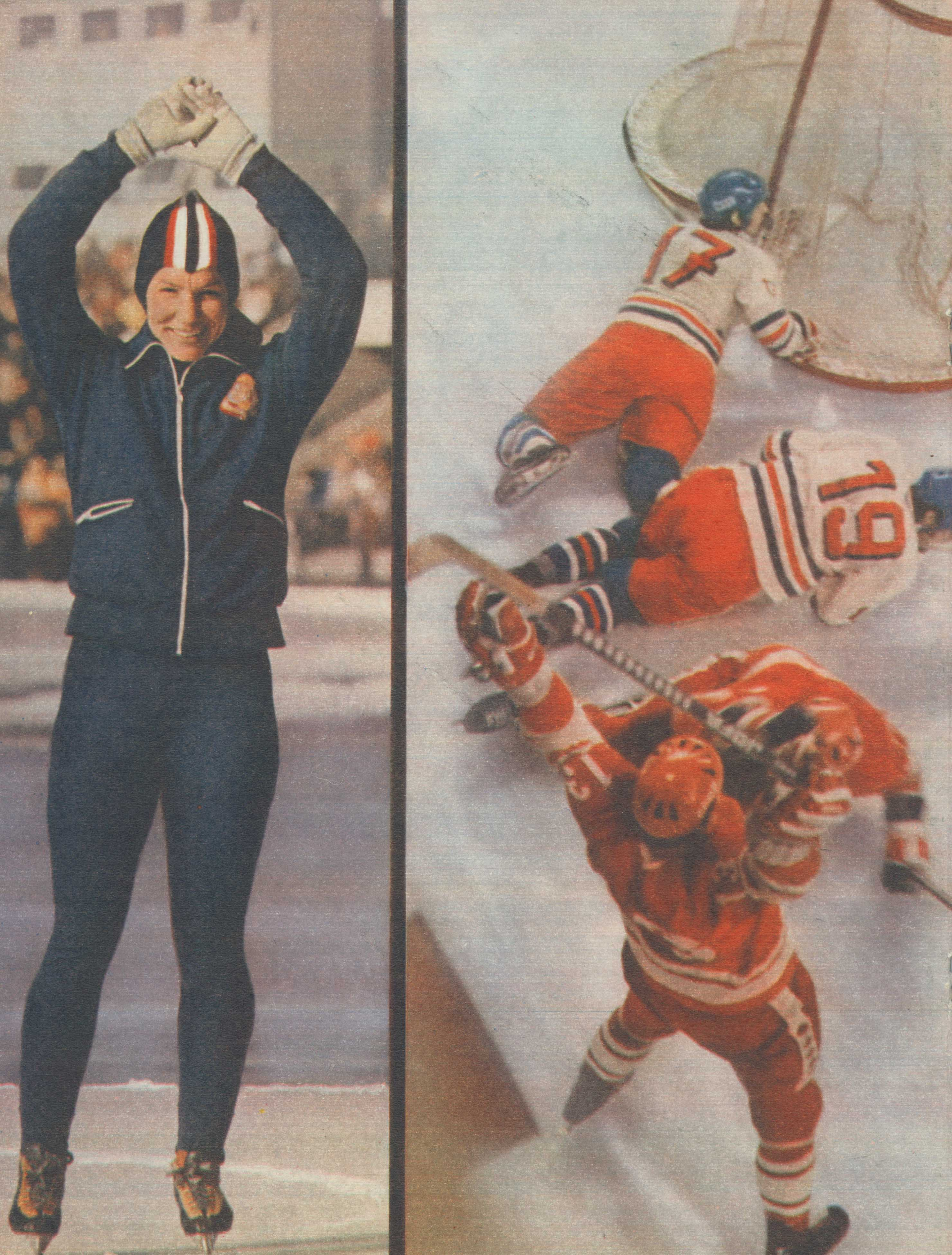
Не предполагали мы тогда, что эта первая победа — только первая, что тот мрачный, безмерно уставший молодой неудачник, стоявший белым изваянием среди общей радостной суеты, Николай Бажуков, лидировавший почти все тридцать километров и оказавшийся на финише лишь пятым, найдет в себе силы через два дня никому не отдать золотой медали в гонке на пятнадцать километров. А ведь на этой дистанции наши лыжники еще никогда не побеждали ни на Олимпиадах, ни на чемпионатах мира. И что было особо радостным и в первой и во второй гонках, это то, что рядом с Савельевым занял место на пьедестале почета Иван Гаранин, получивший бронзовую медаль, а рядом с Бажуковым — Евгений Беляев, завоевавший серебряную: победы на лыжне были победами не одиночек, а всей команды, в которой почти каждый мог с полным основанием претендовать на роль лидера. И в этом-то главное отличие нынешней лыжной команды от всех прежних. Оно в равноценности ее состава, ее возможностей — это-то и придавало ей силы в минуты трудных испытаний. А наступили эти минуты в день эстафеты — того вида лыжных соревнований, где нам дважды удавалось добиваться золотых олимпийских медалей, сперва в Кортина д'Ампеццо, а затем, после долгого перерыва, в Саппоро, и где, казалось бы, мы могли чувствовать себя уверенно.

Наши гонщики и чувствовали себя уверенно. Евгений Беляев, молодой богатырь, уступавший в росте и весе только финну Мието, сразу же со старта возглавил гонку, оставив за спиной таких первоклассных лыжников, как норвежец Пал Тилдум, швед Бенни Сёдергрен, гонщик из ГДР Герд Хесслер. И вдруг уже невдалеке от финиша первого этапа мы услышали по нашей рации, держащей связь с дистанцией, тревожное сообщение: «Беляев просит лыжу!..» Больше ничего... «Беляев просит

Раиса Сметанина не только выиграла лыжную гонку на 10 километров, но и прекрасно прошла свой этап эстафеты. ❄ Много чудес натворил в Инсбруке герой тирольского фольклора, снежный человечек Шнеемантель. ❄ Николай Бажуков никому не уступил золотой медали в гонке на 15 километров. ❄ На горе Бергизель.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Татьяна Аверина — две золотые медали из четырех возможных. ❄ Хоккейные страсти. ❄ Скороход Евгений Куликов — лучший спринтер Олимпиады.

7
1
55

19

34

лыжу». Что это значит? Лыжа сломана? Полетело крепление? Не все ли равно? И то и другое означало поражение. На такой короткой дистанции, как десять километров, потеря не то что минуты, но и секунды невосполнима. И действительно, Беляев передал эстафету не первым, не вторым, а одиннадцатым. Как оказалось, на восьмом километре у него треснул пластиковый носок ботинка и вывалилось крепление.

Беляев, конечно, понимал, что это катастрофа, но продолжал двигаться на одной лыже, с надеждой всматриваясь в лица зрителей: кто поможет? Вдруг он увидел тренера Савельева — Анатолия Акентьева, услышал его голос: «Потерпи, потерпи секунду!». И вот уже летит под ноги Беляеву лыжа вместе с ботинком. Нужно продолжать борьбу. Ведь на втором этапе эстафету от Беляева получит чемпион Олимпийских игр на 15 километров Николай Бажуков. Неужели он не наверстает потерянное? Должен наверстать!

И Бажуков действительно обогнал восьмерых гонщиков, третьим передал эстафету Савельеву. Значит, еще можно бороться за победу, впереди ведь еще двадцать километров, два этапа борьбы! Но и Савельева ждала беда: изменилась погода, перестала «работать» смазка, и Гаранин ушел на последний этап не вторым, как мы надеялись, а шестым. Неужели все? Неужели эстафета безнадежно проиграна? Нет, Гаранин не смиряется с неудачей, ведь за его спиной команда, она питает его своими силами, помогает собрать в кулак всю волю. И вот итог: первым финиширует финн, норвежец — вторым, а Гаранин — третьим. И честное слово, эта бронзовая медаль после двух золотых радовала нас не меньше.

И все же когда мы немного успокоились, заколола горестная мысль: «Если бы не ботинок. Ведь все было бы иначе. Ведь Беляев развил такую скорость!» Удивительно возросли скорости в лыжном спорте. Конечно, трудно сравнивать одни результаты с другими, слишком различны условия каждой гонки — погода, снег, профиль дистанции. Но все же попробуем сравнить. В 1928 году на вторых зимних Олимпийских играх победитель гонки на 50 километров швед Пер Хедлунд прошел дистанцию за 4 часа 52 минуты 3 секунды. На следующей Олимпиаде финн Вели Сааринен — за 4 часа 28 секунд, в 1952 году в Осло другой знаменитый финский гонщик, Вейкко Хакулинен, потратил на 50 километров только 3 часа 33 минуты 33 секунды, и вот в Инсбруке победитель самой длинной лыжной гонки норвежец Ивар Форму уложился всего в 2 часа 37 минут 30,05 секунды.

Цифры поистине разительные. Насколько же быстрее стали бегать гонщики! И в этом немалую роль сыграли не только атлетическая подготовка и возросшее спортивное мастерство, но и техническая оснастка. Если сравнить лыжное снаряжение двух олимпийских чемпионов — Вейкко Хакулинена и Ивара Форму, будет от чего прийти в изумление. Как умудрялись ходить на таких тяжелых лыжах, в таких громоздких костюмах гонщики? — удивится сегодняшняя лыжная молодежь.

Еще на чемпионате мира 1974 года в Фалуне гонщики стали выступать не на деревянных лыжах, а на пластиковых. А какой невесомой стала их одежда! Обувь! Конечно, все это не могло не способствовать росту скорости, но новое снаряжение, случалось, становилось источником и неудач, а то и катастроф. Как в случае с Беляевым. Фабриканты лыжного инвентаря торопятся завоевать рынок, использовать благоприятную конъюнктуру — и вот западногерманская фирма «Адидас», до сих пор выпускавшая летнюю спортивную обувь, переключается на производство лыжных ботинок и новых креплений, таких же невесомых, как и все современное снаряжение,— и это не до конца испытанное снаряжение привело к неудаче в эстафете и едва не лишило нас победы в другой эстафете — биатлонистов.

На каждом шагу в Инсбруке мы видели, что борьбу ведут не только спортсмены, но и спортивные фирмы. Каждый день мы находили в своих пресс-центровских ящиках приглашения посетить лыжные центры таких всемирно известных фирм лыжного инвентаря, как «Россиньоль», «Саломон», «Кнейссль», «Фишер». Шла гонка технических новинок, и фирмы пытались привлечь на свою сторону журналистские перья.

Еще до открытия Белой Олимпиады пресса много писала о том, что последняя новинка горнолыжной моды — обтекаемые костюмы, для которых используется новая синтетическая ткань, настолько уменьшают сопротивление воздуха, что скорости слаломистов возрастают не на доли, а на целые секунды. Казалось бы, прекрасно, но применение этих костюмов приводило к тяжелым травмам, потому что на огромной скорости спортсмену не всегда удавалось затормозить в случае опасности. Было даже несколько смертельных случаев на слаломных трассах, но, несмотря на это, лыжные костюмы, напоминающие трико акробатов, продолжали рекламировать вовсю: ведь они давали возможность развивать высокую скорость, а значит, и побеждать...

На каждом шагу наблюдали мы в Инсбруке стремительное вторжение техники. Телевизоры теперь стояли не только в пресс-центре, но прямо на снегу, а портативная передающая аппаратура давала возможность следить за ходом лыжных гонок на самых недоступных участках дистанции. А портативные рации? Они превращали тренеров в дирижеров гонки, позволяли им в любой момент контролировать ход борьбы.

Значительно возросла и чувствительность аппаратуры, с помощью которой осуществляется допинговый контроль. Но здесь мы еще раз могли убедиться, как техника, если человек теряет над ней свою власть, приводит к абсурду. Когда на Белую Олимпиаду обрушилась эпидемия гриппа, врачи спортивных команд стали пытаться оградить своих пациентов от заболеваний, а в случае болезни старались побыстрее поставить их на ноги. Но вот беда: во многих лекарствах современная фармакология использует средства, которые числятся в антидопинговом списке. Конечно, в капли против насморка эфедрин входит ничтожной долей грамма и никак не влияет на результаты спортсмена, но современная аппаратура четко регистрирует его присутствие в организме и поднимает тревогу. Это и привело к ряду недоразумений, совершенно неожиданных, никогда не случавшихся на предыдущих Олимпиадах.

Вот как разнообразно было вмешательство науки и техники в ход спортивных соревнований! Они помогали спортсменам, но, случалось, и мешали. Так или иначе, но этот новый фактор, так остро проявившийся в Инсбруке, не отклонишь, не отвергнешь, и сейчас мы понимаем, сколь наивны были попытки организаторов Олимпиады 1964 года в Инсбруке закрыть двери спортивному бизнесу. Были даже запрещены на Олимпиаде торговые рекламы. Под угрозой дисквалификации оказывались спортсмены, связь которых с фирмами удавалось установить. А теперь в специальной брошюре, в которой хозяева Олимпиады 1976 года знакомили нас со своими горнолыжниками и прыгунами, три страницы были предоставлены для перечня не спортсменов, а многочисленных фирм, выпускающих лыжи, обувь, костюмы и даже косметику, предохраняющую от ультрафиолетовых ожогов. И вот президент Международного Олимпийского комитета лорд Килланин со вздохом тревоги констатирует, что внедрение последних достижений науки и техники в зимние виды спорта может подчинить себе личность спортсмена, подавить ее, что мы должны стремиться к тому, чтобы техника и ее достижения не подменяли спортсменов.

Это очень важная мысль. Да, спортсмен должен прежде всего надеяться на свои силы, а не на совершенство своего спортивного инвентаря. Он должен чувствовать себя хозяином, а не рабом своих лыж, своего костюма. Ведь лыжи сами до финиша не докатятся. И именно об этом никогда не забывают наши гонщики. Готовясь к Олимпиаде, они преодолели огромные тренировочные нагрузки, освоили самые сложные трассы, тщательно изучили возможности самых грозных соперников и только тогда поверили в то, что могут с ними состязаться. Вот что стоит за их четырьмя золотыми, двумя серебряными и четырьмя бронзовыми медалями, за 67 очками, внесенными нашими лыжниками и лыжницами в общую копилку команды СССР. (Стоит отметить, что финские гонщики, занявшие второе место, набрали только 34 очка.)

Вполне возможно, что найдутся читатели, которые сочтут, что автор нарушил пропорции в своем рассказе. В самом деле, все лыжи да лыжи. Да, даже и для биатлонистов, добившихся победы и в индивидуальной гонке и в эстафете, не нашел он места. А где же рассказ о наших конькобежцах, завоевавших всего на два очка меньше, чем лыжники? А где же именитые наши фигуристы?

Объяснить такую диспропорцию нетрудно. Мы привыкли к тому, что наши гонщики такие же «заднескамеечники», как слаломисты и прыгуны. И вдруг они именинники Олимпиады! Разве уж это одно не заслуживает размышлений?

Советские фигуристы, мастера парного катания, побеждали на всех Олимпийских играх со времен 1964 года. А теперь в том же Инсбруке, где когда-то прозвенели впервые имена Белоусовой и Протопопова, с блеском дебютировали танцоры. Пахомова и Горшков так же, как и Роднина и Зайцев, стали героями Белой Олимпиады, и мы не ждали другого исхода.

Со скороходами дело обстояло сложнее. Наши мужчины после той же первой инсбрукской Олимпиады золотых медалей не получали, женщины выступали не многим удачнее. Но последние успехи тех и других, особенно на спринтерских дистанциях, подготовили нас к тому, что и на Олимпиаде они могут победить. И мы не ошиблись. Неожиданность ждала нас уже после Олимпиады, на чемпионате мира, когда двукратная олимпийская чемпионка Татьяна Аверина на всех четырех дистанциях показала худшие результаты, чем в Инсбруке, и заняла второе место. Что же здесь решило? Физическая или духовная усталость? На этот вопрос следует ответить тренерам.

И, наконец, несколько слов о хронических «заднескамеечниках». Мы давно привыкли к тому, что наши горнолыжники, а в последнее время и прыгуны не могут добиться не только места на пьедестале почета, но даже в первой десятке участников крупнейших международных соревнований. И к этому как будто привыкли и сами спортсмены. Неудачно они выступили и на XII Белой Олимпиаде. И это тем более обидно, что по традиции и скоростной спуск, и слалом, и прыжки с трамплина особо приметны в программе олимпийских соревнований. Если вплоть до четвертых Олимпийских игр скоростной спуск и слалом вообще не входили в их программу, то впоследствии стали привлекать все большее внимание зрителей. Но на Олимпиаде в Инсбруке Владимир Андреев занял в скоростном спуске 44-е место, в слаломе 25-е, а наши прыгуны, выступавшие на двух трамплинах, выше одиннадцатого места подняться не смогли.

Пора, давно пора научиться занимать и в слаломе, и в прыжках — этих популярных разделах олимпийской программы — достойные места, как научились этому гонщики, так порадовавшие нас на Олимпийских играх в Инсбруке.

Их достижения — это символ выдающегося успеха советского спорта на XII Белой Олимпиаде, успеха, в котором выразились присущие нашим спортсменам огромное трудолюбие и упорство, самоотверженность и воля к победе.

Инсбрук — Москва.

●

Победой завершили эстафетную гонку советские биатлонисты. Александр Тихонов, выступавший на последнем этапе, принимает поздравления. ❄ Ирина Роднина и Александр Зайцев — чемпионы XII Белой Олимпиады. ❄ Танцоры впервые приняли участие в Олимпийских играх. На пьедестале почета: победители Людмила Пахомова и Александр Горшков, серебряные призеры Ирина Моисеева и Александр Миненков и бронзовые — фигуристы США К. О'Коннор и Д. Милнз. ❄ Лыжные гонки стали гвоздем олимпийской программы и привлекали множество зрителей. ❄ На трассе слалома.

Лариса ЛАТЫНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА

...ДВА ДНЯ НАЗАД

КОМАНДА

3

...Два дня назад в хорошем настроении мы начали чемпионат. А сейчас мы его почти закончили.

После первого дня, когда прошла обязательная программа, мы опередили чехословацкую команду почти на два балла. Сегодня утром прошли произвольную. А сейчас я сижу в боковой ложе и смотрю выступление гимнасток в вечерней смене. Как выступят чехословацкие девушки? Это сегодня главное. Это-то и волнует меня. А остальное? Что же входит в остальное?.. То, что я заняла на этом чемпионате не первое место, как на прошлом? То, что я не попала в число шести лучших ни в одном упражнении? Так ведь все это я знала и пережила заранее.

Днем я сняла свой купальник, который официально называется гимнастическим трико. Уложила его в разноцветный целлофановый пакет и спрятала на самое дно чемодана. Кто-кто, а я-то уже твердо знала: мне его больше никогда не надеть. Яснее ясного! И почувствовала я себя увереннее. Выходит, и печальные истины все же духовно обогащают... Остальное уже не печальное. Лидер чехословацких гимнасток, Вера будет первой, как и в Токио,— предугадать это было легко. Вот что Наташка будет в многоборье второй — об этом я только робко мечтала. А оно оказалось реальностью. И вот Наташа будет выступать во всех финалах. Вот почему сейчас вечером можно улыбаться. И еще потому, что рядом со мною в ложе сидит Семеныч.

Приехал в Дортмунд мой тренер туристом. Но это не так уж важно. Я смотрю на Семеныча. Он разложил на коленях программу и испытанную черную записную книжку и считает, считает. Время от времени к нему в книжку заглядывает руководитель делегации Борисов и начинает теребить свой модный полосатый галстук. Они волнуются... Идет спор за первое место. И я не успеваю сказать, что не стоит тревожиться раньше времени, как начинаю волноваться и сама.

...Арбитр и судьи на брусьях занизили оценку американке Грейс. Ее высокий замах и смелые перелеты между жердями, пожалуй, заслужили большего. Я смотрю на пунцовое, обиженное лицо американки, которая ходит вдоль скамеечки, и думаю: «Конечно, жалко Грейс. Но и ей пора к этому привыкнуть. Судьи — нормальные люди. Десятая туда. Десятая сюда. Субъективно? Плохо? Но это так. Да и десятая эта ей практически ничего не дает». Вслух я сказала:

— Даже с 9,8 Грейс не попала бы в финал. Она же обязательную завалила.

Слева от меня загудел Франьо Раселинович:

— Это правда, Лорочка, но судьи дают зацепиться. По-моему, очень не вовремя.

В сектор, где стояли брусья, направился Глах. Он шел медленно, улыбаясь Грейс, и размахивал белым листком бумаги. Это не белый флаг. Американский представитель подавал протест, оспаривал оценку. Соревнования на брусьях прервали.

Борисов посмотрел на часы и покачал головой.

На центральной трибуне закричали нестройно: «Гоу, Америка, гоу!» Арбитр у брусьев встала и протестующе замахала рукой. И это совершенно неожиданно стало сигналом для новой волны криков. Сначала укрепился хор голосов на центральной трибуне. А затем начали скандировать и на остальных.

— Ох,— сказал Франьо,— плохое продолжение.

...Слишком плохое... Воронка маленького конфликта быстро увеличивалась, втягивая все новых зрителей.

Прошло десять, двадцать, тридцать минут, а соревнования все не продолжались. Большинство из десяти тысяч зрителей быстро уверились в несправедливости судей, в том, что те жестоко обидели американку, и кричали на все голоса.

Я увидела служителя, который вчера провозил пьедестал на тележке. Он озабоченно смотрел на часы. Да, расписание нарушено бесповоротно. Но только ли расписание?

«Зиги, Зиги, Зиги! Гоу, гоу, Америка! Гоу!» — плыло под куполом «Вестфаллен-халле» и наплывало на гимнастический помост. И на нас тоже. «Все дело в том,— думала я,— что мы уже ничего не можем изменить. Ничего! Самое худшее, когда от тебя ничего не зависит. Даже когда у тебя рвут зуб, ты можешь сделать веселое лицо и хоть немного помочь врачу. Но вот сейчас — ничего ровным счетом. Почему я думаю о нас? Сдают нервишки? Или шестое чувство?»

В центральной ложе привстал Тассен и, улыбаясь, глядел все туда же — на столик арбитра. А там рядом с Глахом уже выросла фигура мадам Бертини. Руководительница женского технического комитета международной федерации была полна энергии и негодования. Поэтому-то Тассен и улыбался не заученно, а искренне. Неприятности Бертини — бальзам для президента. Когда избрание Тассена оставалось под вопросом, Бертини цвела, как майская роза. Они синхронно улыбаются, здороваясь. За глаза же она называет его выскочкой. Он ее — авантюристкой.

— Сейчас первые ряды успокоятся,— сказал Франьо.— Бертини — корсиканка.

— Ну и что же?— спросил Борисов.

— Кричат-то люди той породы, которых быстро умиротворяет властный вид. О таких когда-то великий император сказал, что они очень любят маленьких наполеончиков. Мадам Бертини — землячка Бонапарта.

«Ну, о чем только они говорят?— с раздражением подумала я.— Корсика, Наполеон. Ведь Бертини сейчас изменит оценку».

— Изменит, а?— вслух спросила я Семеныча.

— Не то страшно, что изменит...

— А что же?

Я спросила, а сама уже понимала: не в этой оценке дело. После вынужденного сорокаминутного перерыва и вмешательства в их дела судьи дрогнут. Все они станут щедрее. Десятые пойдут вверх. Чуть-чуть. И вот этой малости может хватить нашим соперницам. Им — чтобы победить. Нам — чтобы проиграть. Не такое у нас большое преимущество.

Конечно же, и Семеныч сейчас думает о том же. Он подвинулся ко мне, положил руку на плечо и сказал хрипловато:

— Где тонко, там, кажется, и порвалось.

— Точно ли, Семеныч? Может быть, только кажется?

— Не будем рассчитывать на чужое несчастье.

Я кивнула.

...Мы досмотрели последний вид: прыжки. И мой тренер подвел итог:

— Тридцать восемь тысячных. Пушинка! Но взять негде.

Мы — вторые.

— Обидно, но не катастрофа,— сказал Борисов.

Я смотрела в записную книжку Семеныча.

— Что же, вы были правы? Не помогла я команде.

Семеныч встал и положил руку на мое плечо. Второй раз за вечер. Давно я уже отвыкла от этого.

— Ты еще поможешь! Поговоришь с девочками. Разберетесь, что к чему.

— Конечно. А затем я лягу спать. И буду спать часов двенадцать.

— Позитивная программа? (Это уже Борисов.)

— Единственно приемлемая.

...Я быстро нашла девочек неподалеку от того места, где с опозданием устанавливали пьедестал. И первое, что я сказала им, было полнейшей бессмыслицей:

— Если разобраться, мы не проиграли.

На минуту они растерялись. Я смотрела на них и на девушек в вестфальских костюмах, раскладывающих медали на подносах. Мелькнуло очень желтое и очень довольное лицо Ампье. Он по-французски говорил спутнику:

— Сенсация! Первый проигрыш за пятнадцать лет! Первый!

Оля спросила меня с затаенной надеждой:

— Разве тысячные здесь не считаются?

— Считаются-то считаются, но...

Причем тут «но»? Ведь факт же — впервые проиграли.

А еще утром одна десятая, пять сотых... Сколько раньше их у меня было лишних! Лишних — ненужных. Теперь нужной ни у меня, ни у других не оказалось. ...Соревнования в разных потоках... Инцидент на брусьях... Несправедливость судей... Об этом нечего и говорить.

Продолжение. См. «Огонек» № 12.

Малый запас прочности. Маловато опыта у одних, избыток лет у других. Это коротко. Потом сформулируют полнее: «Команда оказалась неспособной бороться за первое место в экстремальных условиях». Мы слабее, и не надо отговорок. Сильные в центре пьедестала, а наше место рядом. Разве совсем недавно не говорили: «Если ты сделал все, что мог, любое место почетно». Вот теперь показывай пример не в теории, а на практике.

— Что же, девочки, пойдем поздравим победительниц. И головы повыше! Серебряные медали тоже очень высокая награда.

«Спорт учит достойно проигрывать». Сейчас самое время подтвердить слова Хемингуэя. А другие его слова? «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения». Испытать и терпеть — это разные понятия. Уметь достойно проигрывать — это ведь не только подниматься и на вторую ступеньку пьедестала и на третью, улыбаясь. Главное, не терпеть поражения покорно, а научиться превращать их в первый шаг к победе. Разве ты не умела этого делать? Одна умела. Но как научить этому всех? Как это делают вместе?

...Мы не знали, что такое поражение. Мы были непобедимой «чудо-командой». И когда нам говорили: «Команда без единого поражения — миф»,— лишь снисходительно улыбались. Неужели это ушло? Неужели? Хорошо, что эти мысли не надо высказывать вслух. Это я знаю... Что ты еще знаешь? Знаю, что сейчас мы будем улыбаться. Знаю, что сегодня вечером будет много слез.

...Вечером мы сидели с Линой на балконе нашего номера. Мы опять проходили двенадцатилетнюю дистанцию в нашей сборной. Что было с нами в этот вечер? «Горечь поражения». Горьковатый запах, смешанный со сладостью прелых яблочных листьев. Осень пройдет, а горечь поражения еще надолго останется. Привкус этот долго будем мы ощущать.

Кто-то прошел под нашим балконом. Не все спят сегодня в «Вестфаллен-отеле».

— Лина, а почему на этой телебашне огоньки вертятся?

— Это ресторан. Говорят, не очень посещаемый. Все уже накрутились.

— Вот хорошо-то...

— А ты, что, Лора, туда собираешься?

— Не сейчас, Линочка, не сейчас.

4

Оказывается, на переживания дополнительного времени не отводится. Утром узнаешь: лимит на самоанализ исчерпан, занимайся текущими делами. Впрочем, часок свободный еще остался. А честно говоря, и он ни к чему. Я сидела в кресле — вязала. Вернее, теряла поочередно то клубок, то крючок. А Лина лежала одетая и, как только в дверь постучали, шепнула:

— Я сплю.

Вошел Борисов и, поздоровавшись, сказал:

— Вот ведь какое дело... Лина, хватит притворяться. Вчера были молодцами, и сегодня надо. Отерли слезы?

— Садитесь, Дмитрий Леонидович,— произнесла Лина голосом человека, который только что проснулся.

Он сел и продолжал:

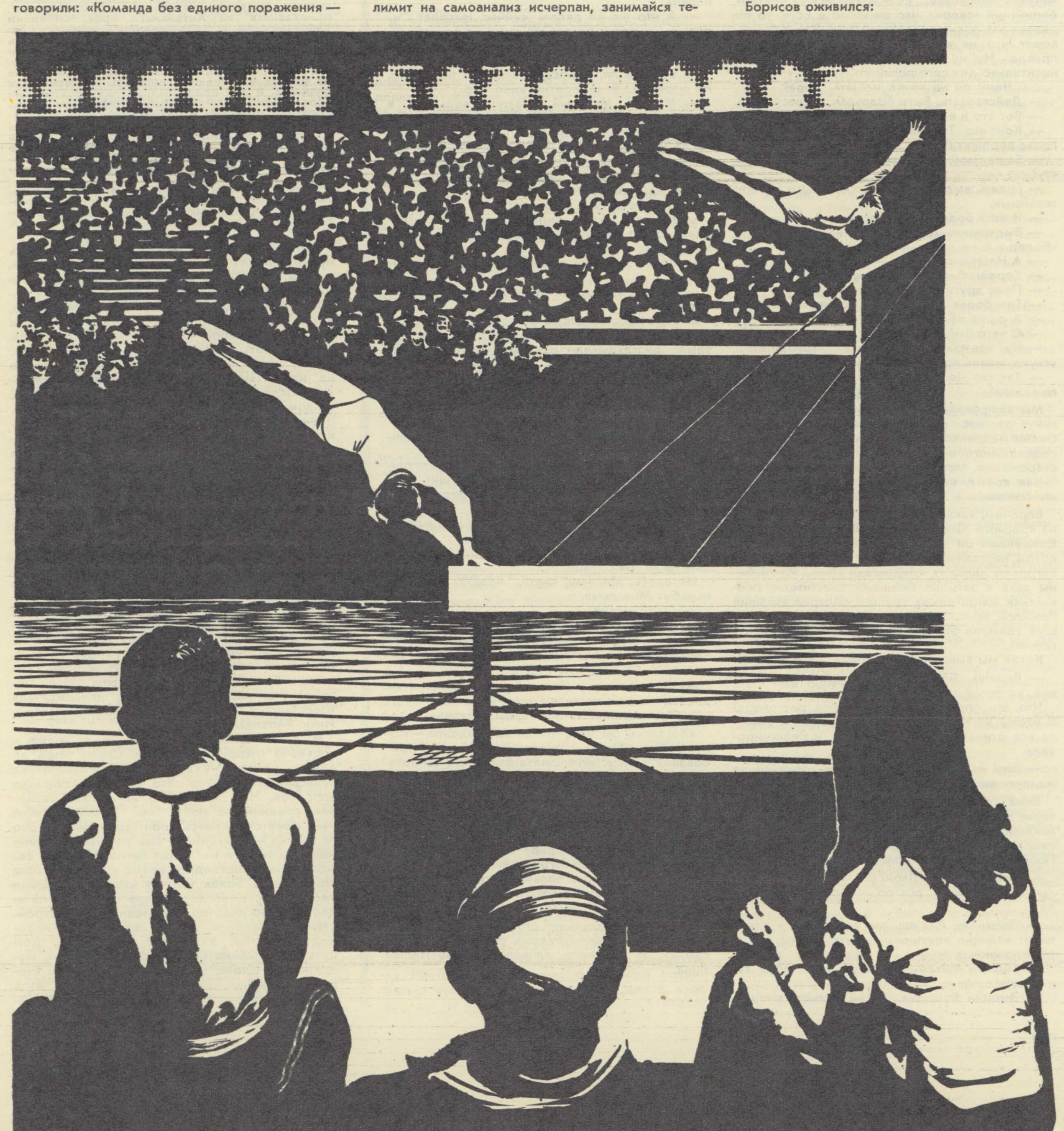
— Будем потихоньку разбираться. Очень хорошо, что у вас все нормально.

— Конечно,— ответила я.— Нормально. Появились вчера компенсационные потребности в настроении, и мы соотнесли их с компенсаторными возможностями. По науке.

— Да?— переспросил Борисов.— По науке или по классику: «Плачущий ночью к слезам побуждает другого»?

— По науке. По профессору Бокареву.

Борисов оживился:

— По Бокареву всю жизнь можно проплакать. А нам работать надо. Помнишь наш договор в Москве, Лариса?

— Помню, я все помню, Дмитрий Леонидович, но плана мероприятий не имею.

— План не обязательно. Мероприятие — это же скучное слово. Но различные события, в том числе и грядущего дня, укладываются в это понятие.

— Грядущий день? Да, конечно, мы будем с девочками. Правда, Лина? У вас это в плане стояло: зайти к нам?

Лина дипломатично покашляла.

— В плане, в плане,— ответил Борисов.— И чтобы глаза у вас были сухие, и чтобы вы улыбались — все это в плане.

— Всю жизнь план. Не скучно, Дмитрий Леонидович?

Он посмотрел на меня внимательно:

— Пока не можем уйти от расписания. Да и дальше, когда победит команда, не уйдем.

— А вы верите в это, Дмитрий Леонидович?— спросила Лина.

— Вы-то верите! А я в вас привык не сомневаться.

— Может быть, по должности?

— Относительно логики такого рода у англичан есть присловье... Если архиепископ Кентерберийский говорит, что он верит в бога, то он делает это в силу своего звания. Вот если говорит, что не верит,— это уж стопроцентная правда... Ну, не буду вам мешать. Думайте относительно дня сегодняшнего.

...— Чему он не хотел мешать, Лора?

— Действовать. Быть бодрыми и красивыми.

— Вот это и есть мероприятие?

— Конечно. Тебе же сказали: мы не имеем права переживать.

— Боже мой,— вздохнула Лина.— А попросту?

— Будем выдержанными, мудрыми, общительными.

— И еще бодрыми и красивыми?

— Выдержим. Ты знаешь, Зина и Ольга идут «болеть» и на дневные соревнования.

— А Наташа говорила — в кино!

— Хорошая мысль. Присоединимся?

— Пока других мыслей нет.

— Тем более. Попросим у Борисова машину.

— А он не обиделся?

— С чего бы?

— Ну, все-таки. Такие слова руководителю: «скука, жизнь по расписанию».

— Так это же правда! А что он нам хорошего сказал?

Мы завтракали поздно и медленно. Неподалеку от нас в одиночестве экс-президент Ойени медленно, но методично атаковал полуразделанного омара. На нас он взглянул настороженно. Может быть, он и специально выбирал время, когда в ресторане пусто, а тут мы пришли...

Впрочем, также настороженно он смотрел и на красного омара и на бокал с белым вином. Временами он закрывал глаза и дремал. Но потом пергаментные пальцы вновь брались за багровую клешню, придвигали вино... Из глубины зала в затылок бывшему властителю гимнастики мечтательно, грустно смотрел высокий пожилой официант. Наверное, он помнил лучшие времена этого восьмидесятилетнего господина.

Когда мы вышли из ресторана, Лина сказала:

— Видишь, Лора, печальная картина... Человек, который явно задержался. Плохо, плохо.

Что это, продолжение ночного разговора? Я ухожу из команды, а она остается? Я решила все отнести к экс-президенту и резюмировала:

— Ему надо было давно уже перейти на манную кашку. Ну, пусть с вареньем.

Лина пошла за Наташей, а я стояла на пятачке перед выходом. Погода средняя, автомобили все подъезжают. Еще несколько дней сверхпроцветания нашему отелю обеспечены. Подошел Михаил Михалыч.

— Самочувствие, Лариса?

— Отплакалась, доктор,— коротко объяснила я.

— Понимаю. Видишь ли, все коллеги отмечают: великие чемпионы плачут так же, как и обыкновенные люди.

— Михаил Михалыч, нам уж ни к чему такие категории.

— Эмоции большие. Да не только эмоции. Кожин вон говорит: кое-кого снимут, кое-кого назначат.

— Послали бы вы его ко всем чертям... этого любителя отчетиков.

— Грубовато, Лариса.

— У меня нервозность... после проигрыша.

— Ничего, ничего. Займись вязанием.

— А если «иглотерапия» не поможет?

— Я не настаиваю. Предлагай свои рецепты.

— Мы собираемся в кино.

— Идти далековато.

— Машина будет.

— Вот это — другое дело. И кто же поедет?

— Лина, Наташа, я. Наверное, шеф делегации, если у него дел нет.

— Ты уже смотрела «Вестсайдскую историю»?

— Да. Но я за вторую попытку.

— Вот-вот. А мне хотелось бы, чтобы сегодня Наташу этот фильм не впечатлял.

— Почему?

— Почему? Мне кажется, не то переключение. Фильм, не спорю, хороший. Но знаешь ли, любовь, смерть и все такое. Это днем. А вечером ведь вас не удержишь — ребята соревнуются... Завтра ей выступать в финале. Что же получается? Как вы сами говорите, «все на нерве».

— А что же ей делать сейчас, Наташе? Сидеть в номере и повторять текст из психорегулирующей тренировки: «Я успокаиваюсь, я успокаиваюсь»?

— Видишь ли, Лариса, сейчас это не нужно. Не утрируй. Я не против кино. Но...

— Михаил Михалыч, главное ведь не в формуле «ты не должна». Главное как раз в том, чтобы она понимала, что должна делать. Тогда и окажется, что «нет», «нельзя» как система не нужны. Поймите же, и в семнадцать лет человек тоже вполне готов кое-что объяснить нам, умудренным.

— Что же он нам объяснит?

— Многое... Свое видение мира. В семнадцать-то лет ох как много его — своего. Забыли, доктор?

— Вот это вполне возможно. А ты не забыла?

— И я забыла. А сейчас вспоминаю. И с удовольствием.

...Но на «Вестсайдскую историю» мы все-таки не попали. Ее перестали демонстрировать. Мы уныло разглядывали рекламу каких-то «Пяти золотых кошек».

Я сказала:

— Пойдет! Это то, что доктор прописал. Переключение внимания, минимум сильных эмоций.

— Лицо очень звероподобное,— усомнилась Лина.

— Ничего, Линочка. Какой-нибудь симпатичный и мужественный герой его сокрушит.

— Разве что... Значит, идем, Дмитрий Леонидович?

— Идем! Один вопрос. Сколько вам можно мороженого?

Из-за его спины Наташка выбросила не то два, не то три пальца.

Но здесь, конечно, «нет», «нельзя» сработает и без Михалыча.

— Один шарик...

— А ты что сказала, Наталья?

— И я сказала: один. То есть по одному каждого сорта. Орехового, шоколадного, ванильного, сливочного.

— О сливочном, Наташа, ты забудь лет на десять,— тихо заметила Лина.

— Так надолго?! — ужаснулась Наташа.

«Хотелось бы нам, чтобы так надолго,— подумала я.— Очень хотелось бы... Ах, эти требования к весу: «Из показателя роста вычтите цифру сто десять. Это ваш вес в килограммах. Не больше. Лучше еще на пять килограммов меньше». И соответствующий режим питания. Сколько же гимнасток не выдерживали научно обоснованного недоедания! Да разве в одном питании дело? Борьба с постоянными ограничениями. С самоограничениями... Кто уходил? Те, кто пришел только получать от спорта. Хочешь многого в спорте — умей от многого отказаться... Аксиома...»

Мы сели за маленький столик.

— По праздникам будешь радоваться фруктовому. И никакого сливочного,— повторила Лина.

Продолжение следует.

ТВЕР... ШАГ А...

Пять лет назад, весной семьдесят первого, «Огонек» пригласил к себе в гости делегатов Двадцать четвертого съезда партии, приехавших из Алтайского края. Сибиряки рассказывали о себе, делились впечатлениями, а в блокнотах журналистов фиксировались самые важные результаты знакомства: темы для будущих очерков и репортажей. Читатели, возможно, помнят: дела алтайских тружеников не раз за эти годы освещались на страницах журнала. В дни празднования пятидесятилетия образования СССР делегация сибиряков вновь посетила «Огонек». И вот теперь — третья встреча. На этот раз в редакцию прибыла группа алтайских посланцев — делегатов XXV съезда КПСС во главе с Героем Социалистического Труда, первым секретарем Алтайского крайкома КПСС Александром Васильевичем Георгиевым.

...Были знаменитые алтайские хлеб да соль, были теплые дружеские приветствия. В отчете, который публикуется ниже,— основное содержание бесед, длившихся до позднего вечера.

«ОГОНЕК». Коллектив редакции рад вновь приветствовать у себя алтайских товарищей.

А. В. ГЕОРГИЕВ. Спасибо. В нашей делегации на XXV съезде партии пятьдесят один человек. Делегация большая. Все в редакцию, к сожалению, приехать не смогли. Зато почти все здесь — Герои Социалистического Труда.

Дни работы XXV съезда... Они незабываемы. Съезд станет важной вехой в жизни каждого из нас. Неизгладимое впечатление произвел доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева. Многое, очень многое из того, что говорилось в докладе, непосредственно касается жизни нашего Алтайского края. Думаю, и в сегодняшнем разговоре вы обязательно почувствуете: каждый из нас, сибиряков, буквально заряжен, вдохновлен новыми идеями и мыслями. Теперь наша задача: как можно полнее передать этот творческий, созидательный дух съезда у себя дома, воплотить его решения во все дела алтайских тружеников.

Наша земля славится прежде всего своим хлебом. Одной целины на Алтае поднято три миллиона гектаров! За последний год мы вышли на среднегодовой валовой сбор зерна в шесть миллионов тонн. Перед нами поставлена в десятой пятилетке новая цель — восемь миллионов тонн. Хлеб — слава, гордость Алтая, без хлеба Алтай непонятен. Наверное, правильно будет, если мы послушаем сейчас одного из алтайских хлеборобов, председателя известного у нас передового колхоза «Россия» Илью Яковлевича Шумакова.

И. Я. ШУМАКОВ. На съезде очень много и серьезно говорилось о селе. Скажу лишь об одном вопросе — улучшении благосостояния сельских тружеников. Это один из коренных вопросов. Наш колхоз по алтайским размерам средний, но по уровню благосостояния нам, кажется, удалось добиться немалого. Это не только мое мнение — ваш журнал «Огонек» недавно писал о нас и дал такую оценку. В самом деле, за последнее время у нас в колхозе прибавилось более трехсот квартир со всеми удобствами, ежегодно теперь сдаем до пятидесяти таких квартир. По уровню благоустройства мы, наверное, уже не село, а поселок городского типа. Универмаг, гостиница, Дом культуры, библиотека, детский комбинат, музыкальная школа, торговый центр, шесть столовых, центральная котельная... Иначе жить нельзя, ведь культура села растет. Сейчас, на-

ДЫЙ
ЛТАЯ

Посланцы Алтайского края — делегаты XXV съезда КПСС в редакции журнала «Огонек».

пример, в колхозе из девяноста специалистов половина имеет высшее образование. Забота о людях дает свои плоды. Вот данные: за последние пять-шесть лет на пенсию ушло около трехсот колхозников, а число трудоспособных прежнее — молодежь родных мест не покидает. Отсюда, в частности, и результаты: задания пятилетки, несмотря на погодные сложности, перекрыли. Чистая прибыль колхоза — свыше двух с половиной миллионов рублей...

А. В. ГЕОРГИЕВ. Вопрос закрепления кадров для нас весьма важен. В Сибири народа пока не хватает... Есть на Алтае колхозы, где некому убирать урожай. И поэтому с каждым годом все больше делается для того, чтобы люди оставались в селе, главным образом молодежь. Боремся за каждого человека. Большой опыт накоплен в Шипуновском районе, где первым секретарем райкома партии Христенко. Василий Тимофеевич, поделись опытом.

В. Т. ХРИСТЕНКО. У нас разработана целая программа работы на селе с молодежью разного возраста — от дошкольников до демобилизованных. Одно из важнейших звеньев этой программы — работа с допризывниками. Получается, что ежегодно мы отправляем в армию целый колхоз, сотни крепких, сильных ребят. Как сделать, чтобы этот «колхоз» вернулся домой, на поля? Торжественные проводы, торжественная встреча — этого мало. Комсомольская организация села поддерживает связь с каждым своим земляком, служащим в армии. Парень в курсе всех сельских дел, он как бы не отрывается от дома, чувствует связь с родным колхозом. Кроме того, мы для служащих в армии уже третий год подряд открываем лицевые счета. Пока он служит, в колхозе ему отчисляется до тридцати процентов заработка. Вернувшись домой, парень получает эти деньги, если остается в колхозе.

А. В. ГЕОРГИЕВ. Могу добавить, что краевой комитет партии смог принять такое решение: ежегодно строить в каждом колхозе и совхозе по пятнадцать — двадцать домов для демобилизованных воинов. Парень еще во время службы получает по почте ордер и письмо: мол, тебя ждет новая квартира. Ребята почти все возвращаются теперь домой.

Е. Е. ПАРФЕНОВ, первый секретарь Каменского горкома партии. Я хочу сказать несколько слов о той же проблеме, показать ее на примере нашего района. У нас происходит интересное явление: город как бы сливается с сельским районом, мы живем одними заботами. В сельское хозяйство широко стали внедряться индустриальные методы. Я сейчас не буду приводить примеры бытового устройства — здесь делается многое, но с этим вопросом все, как говорится, ясно. Мы взялись еще и за другое: проводится серьезная реконструкция животноводческих помещений, молочных ферм. Что это дает? Главное — облегчается ручной труд. Ведь обычно доярка, например, встает в пять утра и возвращается домой ночью, весь день в работе. Не легче трудиться и на других участках... Теперь, после реконструкции, одна телятница может обслуживать уже не тридцать — сорок телят, а сто восемьдесят — двести и считает это в порядке вещей. Такой труд и рациональнее и интереснее. Опыт показывает, что молодежь не станет расставаться с тем рабочим местом, которое оборудовано на высоком техническом уровне.

И. Е. БЕРЕЖНЯК, первый секретарь Павловского райкома партии. У нас есть интересная форма строительства, которую мы переняли от Украины — механизация ферм за счет кооперативных связей. Где взять каждому отдельному колхозу средства для строительства животноводческих комплексов? А несколько колхозов, скооперировавшись, могут поднять это дело. Кроме хозяйственных вопросов, такие комплексы помогают нам решать и другие проблемы. Например, раньше доярка могла сказать своей дочери: «Посмотри, какие у меня руки, все изъеденные, огрубевшие. Ты не иди после школы работать на ферму, поезжай лучше в город». Теперь она так не скажет, потому что условия работы на комплексе стали не хуже городских. Объемы сельскохозяйственного производства растут. А такие задачи можно решить только средствами кооперации и специализации. Это видно на примере птицеводства. Десять лет назад район продавал три с половиной миллиона яиц, а сейчас, после переоборудования ферм, продаем около ста миллионов. Вот что такое специализация. Такая же революция предполагается в животноводстве — мы строим восемь крупных комплексов, один уже вступил в строй.

Много нового появилось на Алтае за последние годы. Рождаются и новые формы социалистического соревнования. Например, у нас возникло соревнование между целыми династиями хлеборобов!

И. А. МАКСИМЕНКО, комбайнер совхоза «Путиловский». Недавно мы перешли на звеньевую систему — работаем группами по четыре комбайна. В прошедшем году намолотили пятьдесят три тысячи центнеров зерна. Кстати, к нам на уборку приезжали помогать ростовские комбайнеры, и был среди них знаменитый Бочкарев. Они первыми начинали работать звеньями, мы переняли их опыт, но разница в наших системах есть. У Бочкарева четыре комбайна, и на каждом — два опытнейших аса-комбайнера. Алтайское звено ставит двоякую задачу: выработка плюс школа опыта. У нас в группу обязательно включаются два малоопытных, начинающих комбайнера. Поработав с мастерами, они на следующий год уже сами берут к себе в звено новичков. Так у нас появилось двадцать четыре тысячи хлеборобов-наставников. А на будущий год алтайцы взяли обязательство — составлять звено из трех неопытных комбайнеров и одного мастера. Рекорды в таких звеньях ставить сложнее, зато общей выработке, качеству всей уборочной кампании такой метод, несомненно, принесет большую пользу. И все же от соревнования я не отказываюсь — с Бочкаревым мы поспорим...

Делмек ТОЕДОВ, чабан колхоза имени XXI партсъезда. У нас в Горном Алтае рассказывают такой случай: альпинисты долго-долго поднимались на неприступную гору, поднялись, а навстречу им выходит чабан... Тот, кто бывал у нас, поймет, что в такой шутке есть правда. Пастбищ у нас мало, приходится подниматься высоко в горы. Есть такие места, куда пешком не пройдешь, только верхом вслед за овечками проехать можно. Я стал чабаном в четырнадцать лет, у нас многие чабаны работают с детства, и сейчас наши дети нам помогают, когда летом у них в интернате каникулы. Нам их помощь бывает нужна, но еще нужнее то, что с детьми в горах жить веселее.

А. В. ГЕОРГИЕВ. На днях Делмек мне сказал: плохо, мол, что в Москве нельзя овечек попасти, за десять дней уже соскучился по своей отаре...

Д. ТОЕДОВ. Да, соскучился. У меня шестьсот овцематок. Последние два года я получал от каждых ста овцематок по сто тридцать ягнят. Прошлую пятилетку выполнил за три года и три месяца, эту пятилетку взял обязательство выполнить за три года...

А. И. ЯЗАРОВА, козовод совхоза «Улаганский». Козоводство — это новая отрасль сельского хозяйства. Наша продукция знаменитая: все знают, что есть такой оренбургский платок, а он делается из пуха наших коз. На платок идет пятьсот граммов пуха, как раз с одной козы. А у меня их — 550! Чтобы добыть пух, надо каждую козу вычесать вручную гребешком. Я ее чешу, а она кричит... Работа трудная, никакой механизации здесь пока не придумано. Но наша продукция нужна людям...

П. Н. ПЕЧЕНКИН, бригадир механизаторов колхоза имени Фрунзе. У нас в крае широко развернулось соревнование за экономию и бережливость. За пятилетку сэкономлено четырнадцать миллионов рублей. Практически пришлось изменить совершенно всю технологию обслуживания, а это сразу отразилось и на качестве работы машин и на их долговечности. Главное же, молодые механизаторы воспитывают в себе подлинно хозяйское, социалистическое отношение к труду. Даже внешне все выглядит иначе: механизатор по расписанию приезжает с поля, его машину принимает диспетчер, осматривают мастера-наладчики, отправляют на пункт диагностики, заправляют горючим, ставят в теплый гараж... После такого обслуживания машин мы вправе требовать от механизаторов самого высокого качества работ в поле!

Л. В. РУДАКОВ, слесарь Бийского химкомбината. Так получается, что разговор здесь сегодня ведется в основном с сельскохозяйственным уклоном. Это понятно: Алтай — край хлеборобов! Я, как представитель промышленности, тоже хочу сказать о том, что мы даем алтайскому караваю. Это тракторы, мощные двигатели, сельхозмашины и огромное количество товаров бытового назначения. На каждом предприятии есть, конечно, свои проблемы, свои задачи, но бывает в году такое время, когда все мы начинаем жить одной заботой: уборка! Тысячи рабочих едут на помощь в колхозы, совхозы, многие уже успели освоить профессии комбайнеров, трактористов и трудятся на полях не хуже сельских «профессионалов». Уборочная страда как бы приходит и в город: тем, кто остается на предприятиях, надо в это время трудиться за двоих-троих, ведь производство не стоит!

А. В. ГЕОРГИЕВ. Вот когда чувствуется настоящее единение рабочего класса и крестьянства! И в этой дружбе — залог успехов Алтая, твердо шагающего в новую пятилетку.

ЧЕРТОВЩИНА,

ИЛИ ЛЖЕПРОРОКИ НА СЛУЖБЕ АНТИКОММУНИЗМА

Юрий ЖУКОВ

II

«МИССИЯ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА»

В начале семидесятых годов на тусклом небосводе буржуазной прессы взошла звезда нового лжепророка — на сей раз вождем новой религии, названной «Миссия божественного света», был провозглашен ввезенный в Европу из Индии мальчишка по имени Бальогешвар Парам Хан Сатгуру Дев Шри Сант Джи Махарай.

Вокруг этого имени была поднята невероятная шумиха. Газеты и журналы, что называется, на полном серьезе писали, что интеллект этого мальчишки, родившегося в маленьком городке на берегу священной реки Ганг, представляет собой невероятный духовный феномен. Он, видите ли, уже в возрасте двух с половиной лет произнес речь (!) о познании бога, а когда ему исполнилось шесть лет, он якобы вдруг заговорил перед десятками тысяч своих поклонников на английском языке, хотя его никто этому языку не учил.

Его отец, который сам слыл пророком и предсказателем судеб, провозгласил: «Хотя Сант Джи еще мал по своему возрасту, он велик в своей мудрости и озарении. Он будет сиять над миром, как солнце сверкает над землей». Тут же начали действовать таинственные и притом весьма могучие силы, которые быстро сварганили доктрину новой религии, основателем которой был провозглашен этот мальчик, и обеспечили ему широчайшую рекламу на всех континентах.

Было объявлено, что необычайный дар нового пророка объясняется тем, что в нем воплотилась древнейшая душа, завершающая цикл бесчисленных переселений из одного бренного тела в другое, именуемый «карма», и таким образом достигшая наивысшего совершенства. Стало быть, это гений.

Пресса назвала Бальогешвара Парам Хан Сатгуру Дев Шри Сант Джи Махарая «супергуру». А слово «гуру» означает дословно «тот, кто источает свет». Отсюда и название новой религии: «Миссия божественного света». Далее толкователи этой миссии объясняли, что учение, которое будет проповедовать «супергуру», будет представлять собою «духовное посвящение, позволяющее путем размышлений войти в прямой контакт с богом». Его ставили в один ряд с Кришной, Магометом, Иисусом Христом и Буддой.

Мальчишку начали возить по белу свету. Он бормотал что-то невнятное, а толкователи разъясняли его «учение» слушателям. В 1971 году, когда этот «супергуру» в возрасте 13 лет завершал свое первое турне по Соединенным Штатам, мэр Лос-Анджелеса торжественно провозгласил в его честь «всемирный (!) день размышлений и молитв». На следующий год, во время своего второго американского турне, «супергуру» был принят в муниципалитете Нью-Йорка, и ему были торжественно вручены ключи от этого крупнейшего американского города. В том же году мэр города Токио преподнес «супергуру» ключи от японской столицы.

В 1973 году этого пророка, уже пятнадцатилетнего, привезли в Западную Европу. Здесь его, как и в Америке и на Дальнем Востоке, ждал невероятно пышный прием. Журнал «Пари-матч», например, на самом видном месте опубликовал под огромным заголовком «Супергуру прибыл» пространный репортаж, в котором говорилось, что у Сант Джи «насчитывается уже шесть с половиной миллионов учеников во всем мире», что повсюду создаются «ашрамы» — места поклонения этому новому святому, где его ученики собираются для размышлений и молитв, и что даже во Франции, которую он еще не посетил ни разу, нашлось 1300 последователей «Миссии божественного света», штаб-квартира которой находится в Бри-сюр-Марне.

Все эти путешествия, как утверждала пресса, были организованы якобы организацией «божественного света», основанной его отцом, который, кстати сказать, умер еще в 1966 году, когда мальчишке было всего восемь лет. Откуда брались средства? Организаторы турне об этом умалчивали, хотя было известно, что религиозные гастроли «супергуру» стоили бешеных денег. Один лишь его трехдневный «фестиваль» в Лондоне, учиненный в 1973 году, обошелся, как писал «Пари-матч», организаторам в 520 тысяч франков в переводе на французские деньги: почитатели «супергуру» жили в кемпинге, их возили автобусами на сборища в арендованный для этой цели зал «Александра пэлэс» и к тому же кормили. Стало быть, нашлись достаточно богатые источники финансирования новой религии, кто-то решил, что и она пригодится для того, чтобы соответствующим образом воздействовать на умы молодежи.

ЯВЛЕНИЕ «СУПЕРГУРУ» НАРОДУ

Вот как пресса описывала первое явление этого «супергуру» его британским поклонникам: «Объект этой веры, которую не в состоянии поколебать никакое разочарование,— чудо-ребенок «божественного света»: пятнадцать лет, рост 1 метр 35 сантиметров, 84 килограмма (!). Бальогешвар Парам Хан Сатгуру Дев Шри Сант Джи Махарай собрал на трехдневный фестиваль в лондонском «Александра пэлэс» шесть тысяч охваченных экстазом учеников. Учителя жизни эскортировало его священное семейство. Мать «супергуру» — маленькая женщина с округлыми формами, в белом сари, в очках в черепаховой оправе — занимала почетное место на балконе, затянутом бледно-голубой тканью. Сам он восседал на своем троне, который был как бы подвешен над эстрадой, замкнутой в круг семи цветов радуги. Над ним красовался его гигантский портрет — в 25 раз больше натуры. «Супергуру» выглядел как маленький невозмутимый будда в ожерелье из ноготков и маргариток. Он даже не отвечал на истерические крики: «Гуру Махарай Джи! Мы тебя любим!»

Примерно полчаса «супергуру» молчал, как будто погрузившись в размышления. Потом он заговорил. Речь его было почти невозможно расслышать. Но слова не имели никакого значения — по лицам впавших в транс учеников текли слезы, они переживали общение с богом. Это не были хиппи, и тщетно было бы искать следы воздействия марихуаны. Большая часть последователей «Миссии божественного света» работает, но свою зарплату они отдают руководителям ашрамов—их храмов размышлений и молитв...»

Эта одержимость чем-то в высшей степени неопределенным и неясным, эта отрешенность от окружающей действительности — как раз то, что требуется тем, кто озабочен растущей политической активностью молодежи. И вот уже в награду «супергуру» и его семье на них, как и на Билли Грэхэма и на других лжепророков, сыплется золотой дождь. В их постоянное распоряжение предоставляется роскошная постоянная резиденция в Лондоне, великолепный «роллс-ройс» и... неограниченное количество мороженого. Не следует забывать, что «супергуру» в это время всего лишь 15 лет.

Год спустя очередной фестиваль «божественного света» был организован в Копенгагене, куда специальные поезда, пароходы и самолеты доставили со всех концов Западной Европы его поклонников. К этому времени в жизни «супергуру» произошли важные события: ему исполнилось 16 лет, и он женился на своей двадцатичетырехлетней секретарше.

Репортер парижской «Фигаро» так описывал этот «фестиваль» 18 июля 1974 года, захлебываясь от восторга: «Не хватает слов, чтобы описать это сообщество любви... Потрепанные джинсы здесь соседствуют с солидными костюмами, длинные волосы с седыми шевелюра-

Продолжение. Начало см. № 12.

«Супергуру» прибыл. Со всей Европы в Лондон стекаются тысячи верных учеников Махарая Джи, пятнадцатилетнего индийца, который разъезжает в «роллс-ройсе».

Охваченные фанатизмом поклонники «супергуру».

Моление главе «Миссии божественного света», чей портрет стоит на столе.

Фото из журнала «Пари-матч»

ми. В течение целой недели, несмотря на усталость, вызванную длительными путешествиями и малокомфортабельными условиями пребывания здесь, несмотря на плохую погоду — дождь льет не переставая,— я не видел ни малейшего признака недовольства или разочарования. Все время, везде и повсюду — все то же братство, все та же терпеливость, отражение глубокого внутреннего умиротворения. Как тут не вспомнить первых христиан, о которых говорили: «Вы видите, как они любят друг друга?» Источник, их объединяющий,— этот юный индус, большой любитель спортивных автомобилей и реактивных самолетов. Гуру Махарай Джи — господь вселенной, король мира, хранитель света, божественное воплощение — так именуют его верующие. Это невозможно объяснить. Это надо видеть...»

Вот так-то! Трудно было бы поверить, что такую чушь можно пропагандировать на рубеже последней четверти XX века, но передо мною целая груда фотографий, газетных и журнальных вырезок, документально свидетельствующих о том, что и этакое шарлатанство все еще может оказывать влияние — и немалое! — на юношество в интересах тех, кто заинтересован в отвлечении людей от суровой действительности современной классовой борьбы...

А сколько таких новостей приносит каждодневная почта, приходящая с Запада!

КОЛДУНЫ XX ВЕКА

«Оккультизм на подъеме,—писал не так давно французский журнал «Экспресс».— Сегодня больше колдунов, чем их было в средние века. И не только в Калифорнии, где колдовство идет рука об руку с сексуальным «освобождением». В буржуазных квартирах Лондона на оскверненных престолах горят черные свечи, при свете которых голый пророк приносит в жертву черного петуха на теле девственницы. В моду вошли колдуньи Патриция Кроутер, Элеонора Бон и леди Ольвин. Мадлен Монтальбан руководит курсами заочного обучения черной магии... XX век становится великой эпохой оккультизма — так же, как им был XVI век, и в силу той же причины: кризис религии и общества...»

Что касается общественного кризиса, точнее было бы сказать: кризиса капиталистической системы,—то он становится все более явным и очевидным даже для тех, кто хочет любой ценой эту систему сохранить. Отсюда и судорожные попытки затуманить общественное сознание людей всяческой чертовщиной, болтовней о сверхъестественных явлениях, запугиванием их россказнями об опасности материалистических воззрений, свойственных коммунизму,— неверующих, дескать, зверски покарает бог, а день страшного суда близок, уверяют Билли Грэхэм и ему подобные лжепророки.

В январе 1976 года французская газета «Фигаро» посвятила целую серию статей этому явлению в духовной жизни капиталистического мира. В большой статье «Америка между богом и долларом» Жак Ренар писал, что влияние «классических» религий в Соединенных Штатах (да и не только там!) слабеет. Правда, официальная статистика утверждает, что в США все еще насчитывается 72 миллиона протестантов, 49 миллионов католиков, более 6 миллионов последователей иудаизма, около 4 миллионов православных. Но очень многие из них в церковь не ходят, а молодежь вообще перестает верить в бога.

В то же время, утверждает Жак Ренар, бурно расцветают секты — и старые, вроде мормонов, «свидетелей Иеговы» или «адвентистов седьмого дня», и «новые религии». Почему? Обозреватель «Фигаро» пишет: «Объяснение

Владимир КУЛАГИН

Когда снега растают

ПРОТИВОТАНКОВЫЕ РВЫ

Среди раздолий луговых
И на полях
Средь озими
Противотанковые рвы
Позаросли березами.
Стоит в них
Черная вода,
Когда снега растают.
И утки дикие
Сюда
Гнездиться прилетают.
Помимо этих волчьих
Рвов,
Что рыть она заставила,
Война других своих
Следов
Зловещих не оставила.
А ведь могла б, могла,
Могла.
Всю б землю испахала,
Немного только
Не дошла,
А рядом громыхала.
...Вчера меня
Ошпарил вдруг
Один юнец
Словами:
«Какой чудак
Поля и луг
У вас
Испортил рвами?»

ШЕЛЕСТ ОСИН

Когда идешь
Лесной чистиной,
Услышишь ты издалека,
Как долго
Шелестят осины
При легком всплеске
Ветерка.

Остановись,
Постой на месте —
И чуткий слух
Уловит вдруг
Сухой,
Как будто шелест жести,
Шуршащий
Глуховатый звук.

ДАТА

Она ни в чем не виновата,
Но до сих пор,
Из года в год,
Терзает душу
Эта дата,
Что каждым летом
Настает.

Зарей июньской
Утро пышет,
Безмолвна неба глубина,
А мне все мнится,
Я все слышу
То слово жуткое
«Война».

Ее железной крутовертью
Меня захватит,
Понесет.
И лишь судьба
От верной смерти
Каким-то чудом
Упасет.

ЗВЕЗДА

Дует ветер,
Воет ветер,
Наступают холода.
И в окно мне
Ночью светит
Снова яркая
Звезда.
Словно кто ее
Повесил,
Чтобы было посветлей,
Над лохматым
Чернолесьем,
Над разливами полей.

Новгород.

этому явлению найти непросто. Некоторые говорят: оно подобно движению маятника. Верующие отворачиваются от традиционных религий, так как они не отвечают больше их чаяниям и не дают ответа на вопросы, которые возникают в современном мире. Поэтому они ищут новых духовных отцов... Современный человек, уставший от одиночества, ищет новых учителей и новую дисциплину жизни. Его больше привлекают требовательные, суровые религии, принуждающие его отказываться от пагубных привычек».

Правильнее было бы сказать обратное: не сами люди, ставшие неверующими и взбунтовавшиеся против векового ига духовных тюремщиков — попов всех мастей,— ищут новых «мудрецов», «пророков», а сами шарлатаны, претендующие на роль самозваных «духовных отцов», пытаются перехватить вчерашнюю клиентуру «традиционных» церквей, выполняя тем самым социальный заказ буржуазии, обеспокоенной развитием радикальных настроений в народе.

И вот ловцы человеческих душ закидывают в бушующее человеческое море новые и новые сети, уснащенные самыми разнообразными и подчас поистине невероятными приманками. Наиболее разнообразно и пестро выглядит эта ярмарка фальшивых духовных ценностей в Соединенных Штатах, где кризис идейных ценностей сказывается особенно остро. Там подвизаются сейчас триста различных сект. Одни поклоняются богу, другие — дьяволу. Одни боготворят Кришну, другие — Будду. А недавно в Соединенных Штатах появилась ультрамодернистская религия обожателей Неопознанных Летающих Объектов, верящих, будто мифические «летающие тарелки» суть воплощение божества...

«ЗАРОДЫШИ КОСМОСА»

Минувшей осенью там же, в Соединенных Штатах, много шуму наделало таинственное исчезновение примерно пятидесяти человек, попавших в духовные сети другой модернистской религии, во главе которой стояли анонимные «Двое» — «Он» и «Она», уверявшие своих последователей, что они «зародыши (!) космоса». Начиная с весны 1975 года «Двое» начали вербовку желающих принять участие в «путешествии к более высокой (!) жизни», что, как они поясняли, означало бы «перемещение на высший вибрационный уровень, который христиане именуют раем».

В порядке подготовки к этому перемещению в горние кущи верующие должны были отрешиться от всех материальных благ и от всяких земных удовольствий. «Двое» объехали со своими проповедями Калифорнию, Орегон, штат Вашингтон, Аризону, Техас, Висконсин, заглянули даже в Канаду и, представьте себе, нашли немало людей, решивших последовать за ними, оставив семьи и даже детей, покинув свои дома и работу. Они сообщали родным, что отправляются к месту старта чудодейственной машины, которая доставит их в рай.

Эти доверчивые люди словно в воду канули. Исчезли и анонимные «зародыши космоса». На их поиски с опозданием устремилась полиция, но было уже поздно. Следы искателей рая затерялись. Удалось установить лишь, кем были таинственные «Двое». «Он» оказался бывшим преподавателем музыки, «Она» — медицинская сестра, увлекавшаяся астрологией. «Ему» было 44 года, «Ей» — 48. Но так и осталось загадкой, то ли «Он» и «Она» были наводчиками банды гангстеров, которые уничтожили без следа «путешественников в рай», обобрав их, то ли они сами в припадке фанатического транса вместе со своими последователями совершили где-либо коллективное самоубийство. Во всяком случае, все они исчезли бесследно.

Еще страшнее многие истории поклонников дьявола. Ссылаясь на первую поправку к американской конституции о свободе религии, каждый человек в Соединенных Штатах может провозгласить и даже официально зарегистрировать любой, даже самый абсурдный культ, в том числе и культ дьявола. «Великим мэтром» этого культа в США является некий Антон Шандор. Он утверждает, что главной целью основанной им «Церкви сатаны» является «освобождение людей от лицемерия». «Рассматривая сатану как героя,— заявляет он,— мы провозглашаем, что он не является носителем зла, он представляет собой составную часть той двойственности, которая характерна для мировоззрения человека».

Впрочем, многие ученики дьявола меньше всего интересуются философской стороной этого культа. Вспомним хотя бы пресловутого Мэнсона, который, провозгласив, что в его лице соединились Иисус Христос и Сатана, создал из фанатичных юношей и девушек банду, которая по его приказанию совершала зверские и бессмысленные убийства в Голливуде. Мэнсон сейчас сидит в тюрьме, но его последователи, оставшиеся на свободе, по-прежнему исполняют его волю. Одна из учениц Мэнсона, Линетт Фромм, как известно, в 1975 году совершила покушение на президента Форда...

«Ах, всем этим фальшивым пророкам нетрудно убеждать молодых,— сокрушенно писал недавно в своей книге «Эти секты» доминиканский монах Шери.— Даже если их философия ничтожна, сам современный мир дает им все необходимые аргументы. Идет ли речь об угрозе атомной войны или об опасности загрязнения окружающей нас среды, о материализме индустриального общества или об отсутствии взаимопонимания между поколениями, о захвате заложников, о наркотиках, о насилии или порнографии, эти лжепророки, что называется, выигрывают на всех досках, привлекая к себе чувствительных, утративших ориентацию молодых людей».

ПОЧЕМУ ЖЕ ИХ ПООЩРЯЮТ!

Может возникнуть такой вопрос: но, коль скоро действия всех этих шарлатанов — будем называть вещи своими именами! — социально опасны самому строю, который их порождает, почему же их там терпят, более того, широко рекламируют и тем самым поощряют? Но в том-то и дело, что подобный неизлечимой раковой болезни порок все глубже разъедает буржуазное общество, и вся эта чертовщина стала неотъемлемой частью его образа жизни.

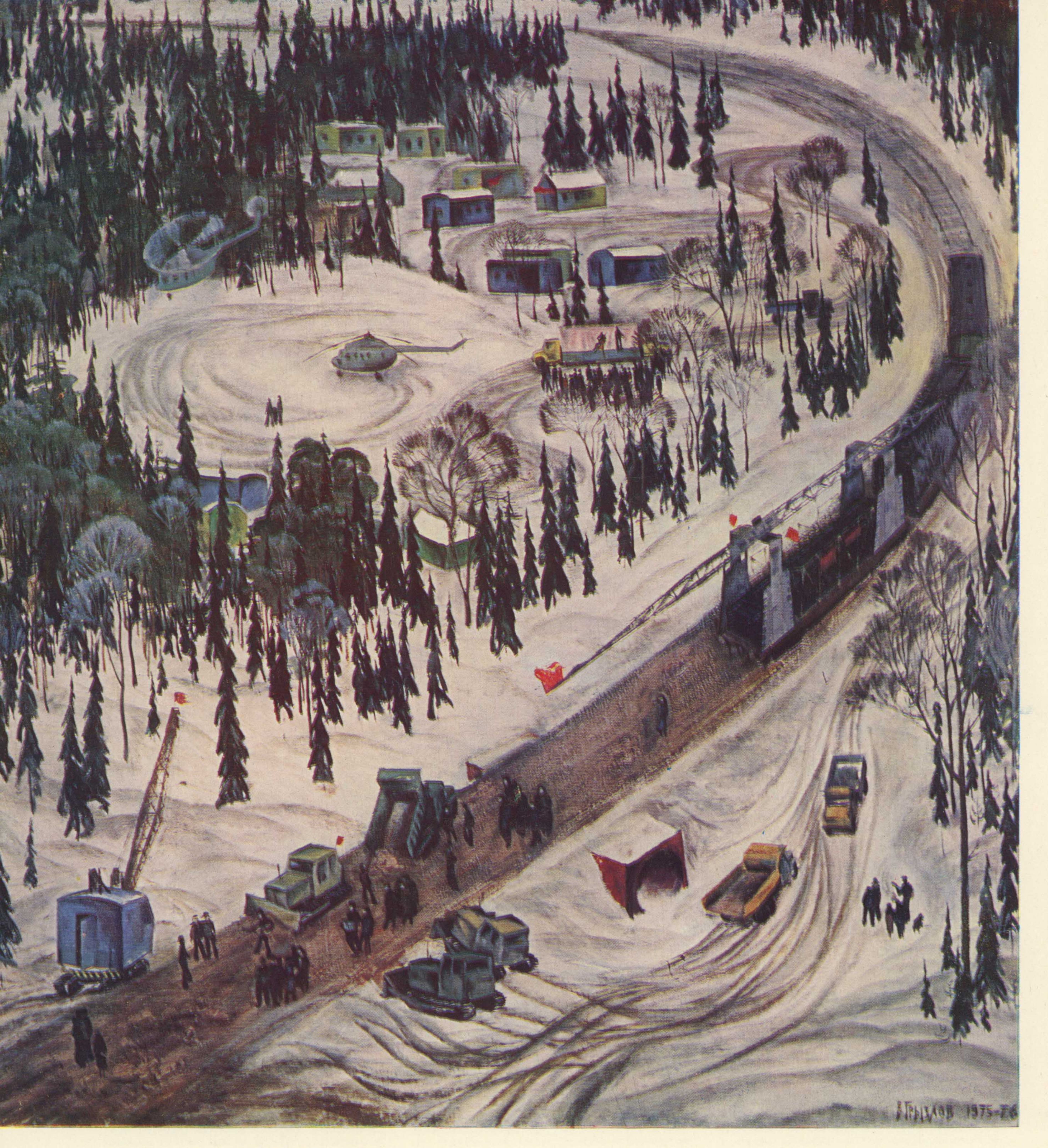
И больше того, как я сказал вначале, лжепророки оказались нужны буржуазному обществу как противоядие против коммунистических идей, которые для его властителей куда страшнее, чем, скажем, действия банды Мэнсона или таинственные махинации «Двоих». Они рассматривают такие явления лишь как издержки, досадные, но, быть может, неизбежные, при осуществлении большого и поистине дьявольского плана, целью которого является оболванивание молодежи с помощью лжепророков, квинтэссенцией проповедей которых является антикоммунизм.

Главное, как они считают,— отучить людей мыслить, внушить им, будто борьба против социальной несправедливости не нужна, заставить их быть «послушными овцами божьего стада». А какой бог имеется в виду — это неважно. Им может быть и Иисус Христос, и Кришна, и Вельзевул, и даже «летающие тарелки». Самое главное, чтобы люди жили в страхе божьем, как это доказывает наиболее авторитетный из лжепророков — Билли Грэхэм.

Это тем более важно, что «послушных овец божьего стада» можно при случае пустить на пушечное мясо. К такому выводу пришел, в частности, самозваный преемник Иисуса Христа из Сеула — тот самый Сан Мьюнг Мун, с упоминания о котором я начал эти заметки. Подробно о нем я расскажу в следующем очерке.

Э. Илтнер. Род. 1925. ВРЕМЯ ПОКОСА.

В. Грызлов. Род. 1942. ПРАЗДНИК. БАМ.

ПОЕТ НЕСТЕРЕНКО

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

Фото Н. Кочнева

По телефону его голос прозвучал совсем не «оперно». Да и позже, при встрече, не услышала я ожидаемой «бархатистости», «вкрадчивости» либо, наоборот, «властности», свойственных, как считается, солирующим басам. Напротив, говорил артист буднично; интонации казались даже обыденными, обесцвеченными — то ли усталостью, то ли вообще нежеланием вести разговор... Сдержанная внимательность в глазах, склоненная голова, покой и удобство, с которыми певец расположился в кресле, заставляли думать, что он, скорее, принадлежит к людям слушающим, чем говорящим. Прекрасное качество — если бы только сложились иначе обстоятельства, оборачивающиеся у меня вынужденной бесцеремонностью: «Ну, а теперь расскажите о себе...»

— О себе...

Анкетная сжатость, с какой отвечал артист, опять же не оставляла надежды на очерк. Нет, человек был вежлив, но замкнут. И в глазах его уже читалось нетерпение: «Ну, что вы еще хотите спросить?..»

В нем-то самом явно жила потребность в размышлениях, уводящих его каждодневную работу певца, артиста как бы вглубь. Процесс этот менее нагляден и куда более сложен. Потому, наверное, и не спешил он ни отвечать, ни рассказывать о себе. Тем более что биография его связана вплотную с сыгранными ролями — образами, над которыми он работал, и поэтому, если называть какую-то первую дату, определившую его судьбу, то скорее всего это будет не год рождения, а год поступления в театр.

Таким годом стал для Евгения Нестеренко 1963-й, когда певец был приглашен в Ленинградский Малый оперный театр. А в 1967-м он стал работать уже в Кировском оперном, получив к тому времени звание лауреата на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки и серебряную медаль на конкурсе молодых певцов в Болгарии.

Уже тогда в репертуаре Нестеренко были такие роли, как Мефистофель в «Фаусте» Гуно, Дон Базилио в «Севильском цирюльнике» Россини, Андрей в «Октябре» Мурадели, Григорий Мелехов в «Тихом Доне» Дзержинского, Варяжский гость в «Садко» Римского-Корсакова, Борис в «Борисе Годунове» Мусоргского...

В 1970 году Нестеренко завоевал первую премию на Международном конкурсе имени Чайковского. И был приглашен в Большой театр, где в сезоне 1971/72 года выступил в спектакле «Руслан и Людмила», поставленном Б. Покровским. Но об этом чуть позже...

Итак, начало летосчисления — 1963 год; но ведь и до того была целая жизнь — и совсем другая... Была учеба в Ленинградском инженерно-строительном институте, была специальность инженера-строителя... Уже занимаясь в консерватории, Нестеренко оставался прорабом на стройке.

Голос... Как все же он ненадежен, как хрупок! Долгое время он может оставаться неприметным, пока не ошеломит вдруг человека неожиданным открытием: «Неужели это я!..»

Вообразите, что такое приключилось с вами: конечно, тут и радость и счастье. Но и без тревог, без сомнений тоже не обойтись,— ведь были же какие-то другие планы, иные цели... И что ж теперь — все менять?..

Семья, воспитание, окружение — все это влияет на личность, на образ жизни и вкусы человека. Ирина Архипова, как известно, закончила архитектурный — об этом недавно рассказывал «Огонек». Юрий Мазурок — Львовский политехнический институт. В судьбе многих других певцов были такие же переломные моменты... Нет, конечно, нужно определенное мужество, чтобы вот так решиться на новую жизнь. Но все же, кроме такого вот трезвого обдумывания судьбы, в сердце человека живет и все больше крепнет невозможность не петь.

Талант, безусловно, обладает стихийной силой, способной подчинить себе человека — все помыслы и желания, вынудить его пойти на жертвы и на риск.

— Перед таким искушением трудно устоять,— говорит Евгений Нестеренко.

Искушение... И гигантский труд. Впрочем, труд для молодого артиста не был неожиданностью. Когда-то Россини говорил, что для оперного певца нужны три условия: голос, голос и голос. Сейчас мы знаем, что, кроме чисто вокальной одаренности, нужно еще и свободное, раскованное творческое существование певца на сцене. Нужно знание теории, гармонии, сольфеджио, музыкальной литературы. Ведь художественность исполнения зависит от общей культуры певца, от способности широко мыслить.

— Певческий дар,— говорит главный режиссер Большого театра Б. Покровский,— подразумевает не только голос, но и потребность человека петь, выражать мысль и эмоцию в пении. Необходимо гармоническое существование всего человеческого организма в музыкальном потоке. Иными словами, пение должно быть сродни поэзии или живописи, где творческая сила побуждается самой потребностью человека — и выразить себя и одновременно восполнить себя в творчестве.

Именно в творчестве мы прежде всего узнаем *личность* и понимаем ее особенности.

С появлением в оперном искусстве таких сложнейших психологических полотен, как произведения Мусоргского, Шостаковича, Прокофьева, певцу уже нельзя обладать только голосом. Оперный репертуар постоянно пополняется новыми произведениями. И все это опять-таки требует умения осмысливать постановку заново, вобрать свежее дыхание современности, сблизиться с замыслом композитора так, будто тебе первому предстоит его воплотить.

В работе актера над ролью необходима именно смелость первооткрытия, иначе как же носить одежду Годунова с чужого плеча, чувствуя за спиной гигантскую тень Шаляпина? Тогда открытие не состоится, не будет счастья творчества.

— Конечно,— говорит Нестеренко,— репертуар басов всегда будет напоминать о Шаляпине. Но нельзя забывать и главный шаляпинский завет — его призыв к актерам ни в коем случае не подражать, творить самостоятельно, исходя из собственной индивидуальности.

Было бы опасно и бестактно проводить какие бы то ни было параллели между исполнительским искусством Шаляпина и нынешними оперными басами. Поэтому возьмем за основу то, что «второго» Шаляпина нет и быть не может. Величие образов Годунова, Варлаама, которыми Шаляпин прославился на весь мир, незыблемо. Но их будут наново прочитывать, осмысливать певцы — наши современники. Хотя живи Шаляпин в наше время, он, возможно, и жил бы, и творил, и пел бы иначе.

— Каждый тенор, как только начинает петь, мечтает о Германе, о Ленском,— говорит Нестеренко.— Басы думают о Борисе, о Филиппе. Подготовка к этим ролям, можно сказать, идет всю жизнь, и к моменту, когда певцу предлагают какую-то новую партию, у него уже, как правило, есть свое представление о ней; если же он встречается с новым, недавно написанным произведением, где традиции еще не сложились, тут тоже, конечно, помогает и предшествующий опыт и артистическая интуиция. Но углубление образа, накопления в нем продолжаются от спектакля к спектаклю...

— Новая партия обычно приходит к артисту двумя путями,— рассказывает артист.— Либо тебя «вводят» в уже готовый спектакль, и ты должен органически в него «вжиться». Либо — для меня это интересней, радостней — ты присутствуешь при самом рождении режиссерского замысла, участвуешь в самом главном празднике. В премьере...

Появление Нестеренко в труппе Большого театра счастливо ознаменовалось новой постановкой «Руслана и Людмилы». Этот спектакль выдвинул Евгения Нестеренко в ряды наиболее интересных дарований. Его Руслан многолик и целен в одно и то же время.

— Работа над «Русланом» была яркой и счастливой порой для всех участников спектакля,— вспоминает Евгений Нестеренко.— Когда прозвучала вторая песнь Баяна, для многих по-новому открылась вся драматургия оперы, более ясным стал сюжет... Мне ни разу не пришлось испытать потерю контакта со слушателями, а в Руслане он был особенно радостен. «Руслан» — великая опера, и я считаю, что «сокращать», купировать Римского-Корсакова, Мусоргского немыслимо. Это всегда очень обидно. Лучше сокращать время в антрактах, при смене декораций, а не за счет музыки...

Многие наши оперные певцы выступают с сольными концертами. Там, на пустой сцене, без подспорья привычной театральной магии, индивидуальность певца, его голос открываются всем. Единственно признаваемая слушателями власть в это время — только голос, голос и голос.

В своих сольных программах Евгений Нестеренко часто исполняет произведения, мало известные широкой аудитории.

— Надо талантливое произведение делать известным, любимым, популярным у слушателей. И я горжусь,— говорит Нестеренко,— когда это мне удается. Радуюсь, когда просят петь Мусоргского, Шостаковича, Свиридова, чьи произведения совсем непросты для восприятия. Значит, музыка понята, значит, ее полюбят.

Борис ГУСЕВ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

ПАССАЖИР

Сейчас может показаться странным: как же вся эта генеральская гвардия, имея такую власть, не могла сделать самого небольшого, но крайне необходимого самодержавию и церкви дела — содействовать проникновению в озолинский домик священника. Хотя бы на полчаса, да что там — на десять, на пять минут, чтобы он, выйдя оттуда, провозгласил на весь мир:

— Раб божий Лев покаялся...

И вранье пошло бы в ход, ибо среди представителей прессы, дежуривших в Астапове, были и корреспонденты консервативных газет вроде «Нового времени». Они с величайшей готовностью подхватили бы эту весть. Почему же сам Столыпин, весьма жесткий и решительный человек, фактический диктатор России, без колебания вешавший революционеров, не отдал секретной директивы, например, такой: «Обеспечить присутствие священнослужителей при умирающем»? Ведь мог. Власть была.

Но этот хитрый и умный политик, запрашивая обер-прокурора святейшего Синода о том, как высшая церковная власть собирается реагировать в случае рокового исхода, сам не подписал ни одного документа касательно мер в отношении великого писателя. Все регламентирующие секретные приказы и телеграммы, безусловно, продиктованные премьером, подписаны второстепенными лицами. Как будто губернские и жандармские власти предпринимали эти меры по своей инициативе, а правительство не имело к ним никакого отношения.

У рязанского губернатора князя Оболенского был формальный повод выслать приехавшего в Астапово друга и единомышленника Толстого — Черткова. Ибо по ранее еще изданному высочайшему повелению Черткову запрещался выезд из Тульской губернии. И Оболенский попытался воспользоваться царским указом. Но как? Опять-таки сам он не решился на встречу с родовым аристократом и бывшим офицером гвардии Чертковым, но послал к нему жандарма Филиппова с приказом: «Скажите Черткову, что ему выезд из Тульской губернии воспрещен и чтоб он в двадцать четыре часа убрался отсюда». Несчастный унтер, на котором отыгрывались высокие начальники, пошел к Черткову и передал ему приказ рязанского губернатора. Умный и резкий Чертков ответил так:

— Передайте его сиятельству, что я нахожусь не в Тульской и не в Рязанской губернии, а у постели опасно больного друга. Я не оставлю Толстого... Взять меня отсюда вы можете только трупом.

Заикаясь, Филиппов передал эти слова грозному губернатору. Молча Оболенский повернулся, пошел на вокзал и более ничего не предпринимал.

...На одном из стендов музея приведено вынужденное признание Суворина, издателя «Нового времени»: «Два царя у нас: Николай Второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай Второй ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии».

Толстой проповедовал непротивление злу насилием. А сам? Следовал ли он сам своей проповеди? Нет. Он постоянно отступал от нее. Разве толстовское «Воскресение» не есть один из самых страшных ударов, которые нанесла русская литература по самодержавному строю России? Разве в драме «Живой труп» автор словами Протасова не указал, на какой путь должны вставать честные и смелые люди России? Разве в многочисленных статьях и памфлетах последних лет жизни Толстой прямо и косвенно не призывал не служить «большому разбойнику», то есть правительству? Где же тут «непротивление»?

Пожалуй, с большим основанием, как это ни парадоксально, можно констатировать «непротивление» правительства Николая II, которое теоретически могло послать в ту же Ясную Поляну взвод жандармов и арестовать Толстого; вот тут он не воспротивился бы, а тихо пошел в тюрьму, на страдания. В 1908 году в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» Лев Николаевич писал: «...Казалось бы, ясно, что одно разумное средство прекратить то, что не нравится в моей деятельности, — это то, чтобы прекратить меня. Оставлять же меня и хватать и мучить распространителей (запрещенных произведений Толстого. — **Б. Г.**) не только возмутительно несправедливо, но еще и удивительно глупо... Как мне ни больны страданья моих друзей, я не могу, пока жив, прекратить эту мою деятельность...»

И все-таки правительство не шло дальше ареста друзей Толстого и его секретаря да скрытого науськивания на великого писателя фанатиков-изуверов. Когда же Толстой сам пришел в московское жандармское управление с требованием освободить арестованных и вместо них взять под стражу его самого, начальник управления генерал Слезкин ответил: «Граф, слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить»,— «красивый» ответ, рассчитанный на историю! И все же спасовал перед гением: арестованные за распространение толстовского рассказа «Николай Палкин» молодой филолог М. А. Новоселов

Окончание. См. «Огонек» № 12.

Публикуемые фотографии предоставлены Государственным музеем Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой и Д. П. Маковицкий в Ясной Поляне. 1909 год.

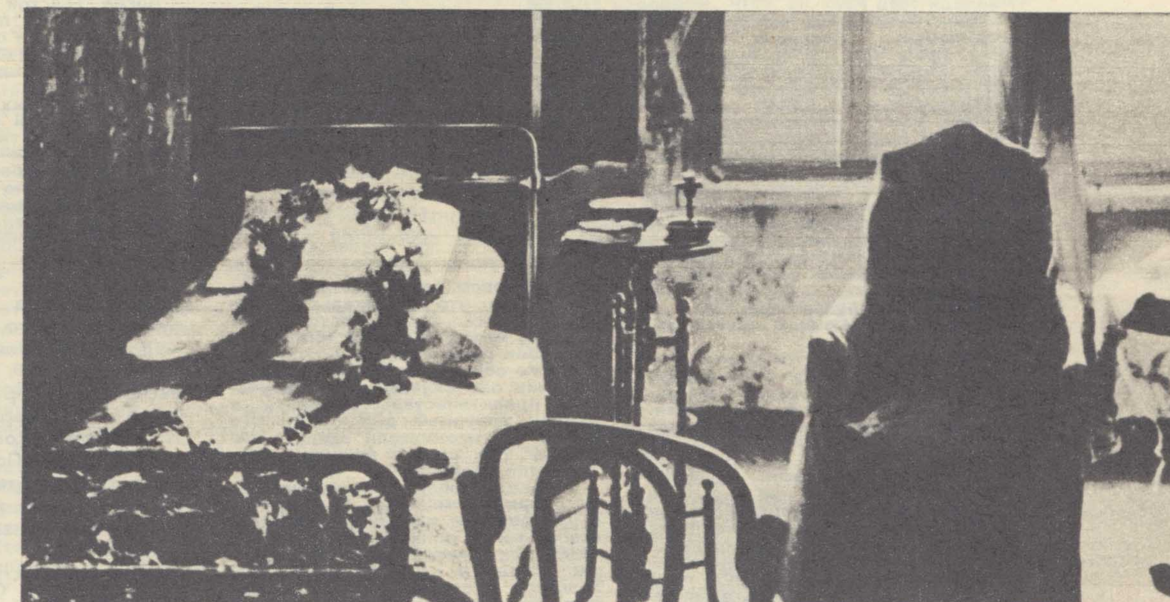

Последний путь Льва Толстого.

Прощание с Л. Толстым. У «дерева бедных» в Ясной Поляне.

Комната Толстого в астаповском домике.

ПОЕЗДА №12

и его друзья были вскоре выпущены из тюрьмы.

Строк же Толстого, будто к нему прямо обращенных: «И вы, получая 20 числа по двугривенному за пакость, надеваете мундир и с легким духом куражитесь над ними, над людьми, которых вы мизинца не стоите...»,— генерал, разумеется, не хотел принимать на свой счет.

С Толстым правительство ничего не могло поделать. Он уже принадлежал всему человечеству. Даже Столыпин не пошел на то, чтобы пренебречь мировым общественным мнением и не стал уговаривать Николая II принять радикальные меры против Толстого,— скандальные последствия отлучения Толстого от церкви в 1901 году послужили уроком.

Приходилось довольствоваться малым — отругиваться. Правительство нанимало бойких и бессовестных журналистов. И те отлично кормились: сочиняли пасквили на Толстого и выдумывали глупые анекдоты вроде: «Ваше сиятельство, пахать подано». А он, некоронованный властитель дум, продолжал властвовать над умами.

* * *

Наступает утро седьмого. 6 часов 05 минут. Гольденвейзер открывает форточку окна той комнаты и жестом зовет корреспондентов, которые ждут «печального мирового события». У изголовья покойного сидит старенькая Софья Андреевна, гладит его волосы, шепчет: «Светил, светил... И угас».

Из Астапова во все концы мира идут телеграммы: «Умер». Сотни телеграмм с одним роковым словом.

«Отошла в область былого душа великая, душа, объявшая собою всю Русь, все русское»,— отозвался М. Горький.

А жандармы и чиновники в тревоге.

Департамент полиции указывает:

«Секретно.

Полицмейстерам и приставам.

Установите наблюдение магазинами венков, обяжите не выпускать лент революционными надписями. Не допустите убранства трауром зданий... Модль. № 452 7 ноября 1910 г.».

Рядом телеграмма: «Калуга. Преосвященному епископу Вениамину. Граф Толстой скончался сегодня, седьмого ноября, шесть часов утра. За два часа до смерти находился без сознания, семья была при нем с пяти часов утра. Умер без покаяния. Меня не приглашали... Грешный игумен Варсонофий».

Видя, что от него явно уплывает обещанный епископский сан, бывший полковник выпросил у губернатора справку, свидетельствующую о том, что он, отец Варсонофий, приложил все старания, дабы проникнуть к умирающему, но родные и друзья покойного не допустили его. И такой «документ» был ему выдан.

...Последняя комната музея. Вот уже 65 лет все вещи этой скромной комнаты сохраняются в неприкосновенности. Все те же поблекшие обои с желтыми и зелеными цветочками; на обоях, на высоте ложа, над железной кроватью, — карандашный набросок профиля почившего Толстого, как видно, по тени, падавшей от свечи. Работники музея предполагают, что рисовал его один из железнодорожников, первым зашедший проститься с покойным. На кровати — плед Толстого... Рядом на круглом небольшом столике — железная кружка, пузырьки с лекарствами, медный подсвечник. Из мебели в комнате еще три стула и вторая постель, где спал врач, небольшой продолговатый столик, на нем керосиновая лампа с зеленым абажуром. Все.

«Умер Лев Толстой, — писал В. И. Ленин.— Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».

Но что же вынудило Толстого уйти? В Астаповском музее мы читаем его слова:

«Положение мое, человека, сознающего всю тяжесть греха моей жизни и продолжающего жить в этих преступных условиях безумной преступной роскоши, среди нужды всех окружающих, мне стало невыносимо...»

...Последняя схватка происходит при выносе гроба с телом Толстого из домика начальника станции. Толпа поет «Вечную память», жандармы, заглушая хор, кричат «ур-ра!». Постыдно-мерзко и глупо. Борьба началась еще ранним утром, когда люди, собравшиеся на вокзале, запели «Вечную память». Подскочили жандармы с приказом замолчать, но появился Матренинский и сказал: «Я разрешаю, здесь командую я, пойте!..» Но жандармы бросились в толпу. Хор сбился. Тогда Матренинский объявил, что он снимает с себя ответственность за порядок на дороге, и жандармы отступили. Пение продолжалось, хотя и с перерывами.

Управляющий дорогой Матренинский не был ни революционером, ни последователем толстовских идей. Но, видимо, он понял, что волей судьбы стал на одном из поворотных пунктов истории. (Ленин в своей статье «Не начало ли поворота?» связывал новый революционный подъем в России с трагической смертью Толстого.) И Д. А. Матренинский исполнил свой долг честного человека.

* * *

По пути следования поезда с телом Толстого из Астапова до станции Засека (близ Ясной Поляны) на станционных платформах собирались люди. Жандармы усердно разгоняли их.

От станции Засека до Ясной Поляны несколько километров. Толпа около пяти тысяч человек; гроб по очереди несли на руках. И сюда было согнано большое количество конных и пеших жандармов. Потом прощание яснополянских крестьян со своим защитником и гражданские, без церковных обрядов, похороны у оврага, где была запрятана фантазией маленького Левушки зеленая палочка.

При первом размышлении может показаться, что правительство Николая II вело себя просто глупо: ему бы, наоборот, взять инициативу в свои руки, придать похоронам Толстого общенациональный характер (как оно случилось и без участия правительства), объявить в России траурные дни и т. п. И в итоге, как это хотели сделать либералы, под шумок нажить политический капитал.

Однако, проследив по документам взаимоотношения Л. Толстого с церковью и царским правительством, легко понять, что это было совершенно невозможно. Слишком уж стары и велики были счеты Толстого с правительством; слишком сильны были удары, нанесенные писателем династии Романовых. Если над Александром I Толстой просто иронизирует, то Николая I он уничтожает совершенно и как личность и как правителя, описывая, как император в перерыве между обедом и посещением любовницы накладывает изуверскую резолюцию о студенте: «...Провести 12 раз скрозь тысячу человек. Николай», — и при этом размышляет: что была б Россия без меня?

Последнему русскому царю тоже досталось. Начиная с первого же дня его царствования. По поводу тронной речи, в которой Николай II категорически отверг очень робкие предложения, точнее, пожелания представителей земства оказывать царю помощь в делах внутреннего управления, Толстой писал в статье «Бессмысленные мечтания»: «Необдуманный, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал... фактом... общество... проглотило оскорбление...». И еще: «...Царь, ничего не понимающий ни в управлении, ни в жизни, ответил, что это — бессмысленные мечтания».

В статье «Пора понять» (декабрь 1909 года) Толстой называет правительство Николая Чингис Ханом с телеграфом. «Чингис Хан останется Чингис Ханом, только не с ордой диких убийц, а с благовоспитанными, учтивыми, чистоплотными убийцами, которые так сумеют устроить разделение труда, что грабеж и убийство людей будет одно удовольствие...»

Да, по-другому реагировать на смерть Толстого царь и высшее духовенство не могли. Но формальная попытка соблюсти приличие перед Европой была предпринята в известной уже нам резолюции Николая. Но и тут были «признаны» заслуги Толстого лишь до «Войны и мира» включительно. О позднейших произведениях вовсе не упоминалось.

Несомненно, в среде русского духовенства были и сторонники Толстого. Доказательством тому служит хотя бы известный рассказ А. Куприна «Анафема», опубликованный в феврале 1913 года в журнале «Аргус». Герой рассказа дьякон вместо «анафемы» провозгласил: «Болярину Льву многая лета!» (Журнал был конфискован.)

Исторически рассказ не совсем точен, но верно отражает определенные настроения. Несмотря на постановление Синода, констатировавшее отлучение Толстого от церкви, приказа о предании его анафеме наравне со Степаном Разиным и Пугачевым не поступило. Постановление Синода вызвало такую бурю возмущения в России и во всем мире, что С.-Петербургскому митрополиту Антонию пришлось публично оправдываться в печати; в своем письме к Софье Андреевне Толстой он писал: «...Напрасно вы упрекаете служителей Церкви в злобе и нарушении высшего закона любви, Христом заповеданной. В синодальном акте нарушения этого закона нет. Это напротив есть акт любви, акт призыва мужа вашего к возврату в Церковь и верующих к молитве о нем».

Словом, святейший Синод, видя, что он своим постановлением лишь способствовал авторитету Толстого и росту его популярности, постарался замять этот вопрос или трактовать отлучение как «заботу о ближнем».

Когда Толстой «бил» пастырей церкви, он не прибегал к подобным уверткам и оговоркам. В письме царю в декабре 1900 года (за три месяца до отлучения) Толстой писал:

«Из всех этих преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, злодеем, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю, — Победоносцевым».

* * *

Ровно через семь лет после смерти великого писателя произошел предсказанный им «неизбежный переворот». И в час народной расправы с царизмом подвиг зачелся ему. Впервые без цензурных купюр в России зазвучал голос Толстого. По инициативе Советского правительства был разработан план первого полного собрания сочинений великого писателя...

...Недвижны стрелки часов, остановленные в час его смерти. Полуденное июньское солнце уже в зените. А современный городок Лев Толстой занят своими обычными заботами. Это тихий, светлый городок с десятью тысячами жителей. Неподалеку от музея находится большая и одна из лучших в Липецкой области школа имени Льва Толстого. Перед ней бюст Льва Николаевича.

Интерес к Толстому проявляется у детей с того возраста, когда они начинают задавать вопросы: «А почему наш город называется Лев Толстой?» В тот день, когда я был там, в школе шла торжественная линейка, посвященная окончанию учебного года. Взволнованные, стояли с цветами мальчики и девочки. Гранитный Толстой смотрел на них со своего постамента.

Музей Толстого в бывшем домике Озолина создан постановлением СНК СССР в 1939 году. Но перед войной его лишь начали организовывать, а настоящая работа началась в 1946 году, когда сюда приехали нынешняя заведующая музеем Вера Ивановна Кузовкина и научный сотрудник Майя Александровна Глаголева. Они-то и разыскали тогда еще живых свидетелей событий, которые мы описали. Нашли бывшую служанку Озолина — Марту Андреевну Сысоеву. Вот что она рассказала:

— В доме Озолина была обстановка небогатая, а сами хозяева очень хорошие люди... Когда граф Толстой неожиданно остановился у нас, Иван Иванович наказал мне во всем слушаться графа, а денег от него брать не велел. Но я всего раз зашла в комнату Льва Николаевича. Он спросил, сколько я получаю в месяц, и дал мне 3 рубля. Я не посмела отказаться...

Нашли фельдшера железнодорожной амбулатории, готовившего лекарства для Толстого; проводника из его вагона... И записали их воспоминания.

Судьба Ивана Ивановича Озолина оказалась трагической. Здоровья он был некрепкого, а семь напряженных, бессонных суток вовсе подкосили его. Он заболел от нервного потрясения, а после болезни был переведен в Нижний Новгород с понижением, там снова заболел и умер в бедности в 1913 году всего 39 лет от роду. Но семья его неизменно получала деньги от адресата, оставшегося неизвестным: предполагают, что это от сыновей и друзей Толстого, возможно, и от Черткова.

Сейчас в музее предполагают сделать стенд, посвященный И. И. Озолину. И справедливо: он достоин того.

«Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого»,— писал Ленин.

Эта мысль Ленина чрезвычайно важна для всесторонней оценки учения Толстого. Толстовская идея нравственного самоусовершенствования живет в современном мире и борется за добро. Можно спорить об идеале личности — каким хотел видеть его Толстой и каким видим мы,— но его: делай себя лучше, работай над собой,— остается непреходящим.

Работники музея извлекли из сочинений Толстого замечательные высказывания, собранные в прекрасно оформленном альбоме. Открываем, читаем:

«Ничто так, как труд, не облагораживает человека. Без труда не может человек соблюсти свое человеческое достоинство».

«Существующий строй жизни подлежит разрушению...

...уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитрацией... одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей».

«Равенство капиталиста и рабочего такое же, как равенство двух борцов, из которых одному связали бы руки, а другому дали оружие в руки...»

Я назвал этот рассказ «Пассажир поезда № 12». Говорят, что Толстой так сказал о себе сам. Когда растерянный доктор Стоковский в недоумении остановился перед графой «должность», Лев Николаевич улыбнулся и ответил: «Какая разница? Пишите,— «пассажир поезда № 12». Все мы пассажиры в этой жизни. Но один только входит в свой поезд, а другой, как я, схожу...»

ГОДЫ БОЕВЫЕ

Что такое «танклерист»? Это слово не значится ни в одном из словарей. Но тем не менее оно имеет полное право гражданства, в чем убеждаешься, прочитав одноименный рассказ Сергея Алексеева, помещенный в его новой книге «Идет война народная». Своим происхождением оно обязано артиллерийскому капитану Садовскому. Бесстрашный офицер во главе группы разведчиков ушел ночью во вражеский тыл. Выполнив задание, он «попутно» захватил с товарищами фашистский танк. На рассвете смельчаки открыли убийственный огонь прямой наводкой по скопищу машин с паучьими крестами. Затем капитан благополучно на трофее вернулся в расположение своей части. «Ушел артиллеристом, пришел танкистом»,— дружески шутили над Садовским однополчане и прозвали его танкистом-артиллеристом, то есть «танклеристом». Вот и вся новелла, сюжетом которой стал боевой эпизод, каких немало было в те огненные годы...

Рассказы С. Алексеева, прославляющие воинскую доблесть и ратный подвиг, давно и прочно завоевали широкую популярность у читателей разных возрастов, и прежде всего, конечно же, у детей. Им адресует автор и эту книгу. Она состоит из трех больших разделов, трех циклов, посвященных Великой Отечественной войне: битве за Москву, великому сражению на Волге и завершающему, победоносному этапу — штурму Берлина. Среди героев — известные каждому военачальники Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, К. К. Роноссовский, В. И. Чуйков, бойцы и командиры, партизаны и труженики тыла.

Глубокое осмысление автором богатого исторического материала, умелый, тщательный его отбор позволили создать яркие, запоминающиеся образы, как бы высветить изнутри нравственные истоки не имеющего равных подвига советских людей.

Рассказы — героические, поучительные и одновременно нередко забавные, а то и просто смешные, типичные солдатские «истории» — воспринимаются, по сути, как фольклор. Во многих из них тесно переплетаются лукавинка и юмор, народная мудрость и естественный, от сердца идущий высокий гражданский пафос. Чувство советского патриотизма в прозе С. Алексеева органично сочетается с бытовой, разговорной речью и простотой авторского слога. Особенно примечательны в этом отношении «Орлович-Воронович», «Аэростатчик», «Тулупин», «Буль-буль», «Какой род войск сражается?» и некоторые другие рассказы.

Порой автор отходит от традиционной «прозаической» стилистики и, ритмизуя прозу, стремится добиться наибольшей выразительности. Облик целого поколения воплощает писатель в трех друзьях с Волхонки, заменивших у станков своих родителей. По-ударному трудятся они на заводе, вызывая зависть у детворы, когда возвращаются со смены домой: «Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алешка — три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки, лет военных пареньки».

Тщательно выверенная рассказчиком достоверность происходящего и точность стиля делают новую книгу Сергея Алексеева заметным явлением в детской литературе о Великой Отечественной войне.

А. ХОЛОДКОВ

Сергей Алексеев. Идет война народная. М., «Детская литература», 1975, 319 стр.

СТРАНЕ И ВРЕМЕНИ

У Льва Романовича Шейнина, которому в эти дни исполнилось бы семьдесят лет, была неспокойная, богатая событиями жизнь.

Перечитывая сейчас его рассказы, повести, пьесы, еще и еще раз убеждаешься: пришедший в литературу комсомолец двадцатых годов неизменно боролся своим пером против тех, кто мешал советскому народу претворять в жизнь предначертания ленинской партии. И всегда страстно, с горячностью и большой любовью воспроизводил он образы верных сынов Советской Родины. Вспомним, например, талантливого конструктора оружия Леонтьева, героя повести «Военная тайна», написанной в годы Великой Отечественной войны и проникнутой верой в победу нашего правого дела над фашизмом.

Яркой страницей биографии Льва Романовича Шейнина было его участие в качестве одного из советских обвинителей в Нюрнбергском процессе над группой главных нацистских военных преступников.

Особой популярностью у читателей пользовались «Записки следователя», созданные Шейниным на основе непосредственных наблюдений за время многолетней следственной работы. И все же не эта тематика главенствовала в его творчестве. Лев Шейнин последовательно создавал пьесы и книги, которые по достоинству можно считать духовным оружием в борьбе за мир. Пьесы «Игра без правил» и «Вдали от Родины», книга антиимпериалистических памфлетов и очерков «В середине века», повесть «Ответный визит», показывающая антисоветскую деятельность и крах крупного вражеского резидента,— наглядные тому доказательства.

На рабочем столе писателя остался незаконченный роман «Позор империи», направленный против реакционных националистов, в том числе сионистов.

Лев Романович был незаурядным драматургом. И не случайно к его пьесам обращались лучшие театры страны. В драматургическом наследии Шейнина немало веселых, искрометных комедий. Стоит назвать «Роковое наследство», «Заморских гостей», «Внука короля», подолгу не сходивших со сцены.

Добрым юмором и сатирическим сарказмом пронизаны многие — даже далеко не комедийные — произведения писателя. Очень метко заметил Аркадий Первенцев в предисловии к сборнику пьес Льва Шейнина: «Он был веселым и остроумным человеком, но никогда не позволял себе острить по поводу понятий, священных для чувств советского человека. Многие могут подтвердить именно эту черту Льва Романовича. Были принципы, на которые никто не имел права замахнуться: это встречало ярость Шейнина. Его убежденная идейность и чувство Родины позволили ему иметь массу друзей-единомышленников».

Цезарь СОЛОДАРЬ

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЙ

СТИХИЯ И ЛЮДИ

Самолет доставил в Местиа продукты.

По календарю уже весна, а в горах Верхней Сванетии не прекращается борьба с неотступающей зимой, которая натворила немало бед: замела дороги, оборвала линии связи, обрушила мосты и дома, повалила столбы. Десять дней шел снег. А потом с ураганным ветром задвигались в горах лавины. В штаб борьбы со стихией, в Местийский райком партии, стали поступать тревожные донесения. Одна лавина обрушилась на селение Дизи, где добывается знаменитый сванский мрамор, другая ночью дала о себе знать вблизи села Цхумари, не дошла до него, наткнулась на препятствие, завернула к другому склону и сбрила там лес...

Неутомимо, без сна и отдыха работали в эти дни все, кто мог управлять механизмами или держать лопату в руке. На вахте были радисты. Была брошена мощная техника на главную сванскую магистраль, но дорога не расчищена до сих пор, и единственный путь, связывающий высокогорный край с Большой Землей,— воздушный. Долго пришлось утрамбовывать в Местиа аэродром, чтоб он смог принять самолеты. До этого мешки с продуктами сбрасывались с воздуха.

И все же жители Верхней Сванетии не чувствовали себя оторванными от мира. В Сванетии незадолго до стихийных бедствий появилась радиорелейная линия, и в домах сванов загорелись голубые экраны. Трудно переоценить значение этого события для людей, живущих выше облаков. С появлением телевидения полностью исчезло ощущение оторванности. Сооружение радиорелейной линии из Кутаиси в Местиа было смелым инженерным предприятием, помноженным на героический труд рабочих и техников.

Борьба с зимой продолжается, но уже начали таять сванские снега, засветило солнышко. Возобновились регулярные рейсы самолетов. С одним из них фотокорреспондент Арсен Чарквиани прислал в редакцию несколько снимков.

Ия МЕСХИ

Тракторист Нижарадзе пробил дорогу из села Кала до села Ипара.

А. ЯР-КРАВЧЕНКО,
народный
художник РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР

ИСКУССТВО ОТКРЫТКИ

Я знаком с одним человеком, страстным коллекционером-филокартистом Михаилом Степановичем Забеченем. В его собрании множество открыток, в том числе и самые первые русские издания. Но, пожалуй, наиболее интересны те, что выпущены в последние годы. В них отражена история и многообразная жизнь страны: здесь и открытки, посвященные революционным событиям 1905 года, и космическая серия «В глубинах вселенной», созданная летчиком-космонавтом А. Леоновым и художником-фантастом А. Соколовым; портреты людей, которых страна назвала своими героями; архитектурные памятники, персонажи литературных произведений, флора и фауна нашей необъятной Родины и многое другое.

Михаил Степанович гордится и дорожит своей коллекцией, но это отнюдь не значит, что он держит ее под спудом и лишь изредка любуется ею. Нет. Он прекрасно понимает огромное познавательное значение своего собрания и как истинный коллекционер с радостью с ним знакомит. Каким прекрасным подспорьем на уроках литературы могут быть, например, открытки с иллюстрациями Ю. Реброва к «Тихому Дону» М. Шолохова или акварели А. Николаева, сделанные по мотивам «Войны и мира» Л. Толстого...

Все эти открытки, созданные художниками и отпечатанные на высоком полиграфическом уровне, выпускает издательство «Изобразительное искусство». Здесь стало хорошей традицией публиковать портреты лучших людей страны, причем делать это оперативно. Передовикам промышленности и сельского хозяйства посвящены серии «Герои наших дней» А. Кручины. А не так давно вышли в свет две подборки «Наши современницы» и «Молодежь Страны Советов». Художнику И. Пчелко удалось передать не только индивидуальные портретные черты, но и то, что роднит этих людей — волю, душевную щедрость, добросовестность. Это чувствуется и в портрете Надежды Максимовой, намотчицы ленинградского завода «Мезон», депутата Верховного Совета СССР; и археолога Анатолия Деревянко, самого молодого среди советских историков доктора наук, кандидата в члены Бюро ЦК ВЛКСМ; свекловода Устиньи Леднюк, Героя Социалистического Труда, члена ЦК ВЛКСМ; «огненных дел» мастера, металлурга Анатолия Богатова, лауреата премии Ленинского комсомола. Прекрасные лица, цельные, самобытные характеры. Вскоре после XXV съезда КПСС выйдет в свет подборка того же художника «Герои девятой пятилетки». В ней будут представлены люди, имена которых знает вся страна, люди, досрочно выполнившие задания пятилетнего плана.

На выставке художников массовых познавательных открыток, состоявшейся весной прошлого года в Москве, я был поражен разнообразием сюжетов и выдумкой художников, которые претворяют их в изобразительные миниатюры. Строгая точность научных и исторических сведений одухотворяется индивидуальностью мастера, его своеобразным видением и творческой манерой. «Лодки народов мира» П. Павлинова и его же «Жилища народов мира», «Самолеты Великой Отечественной войны» В. Иванова и «Автомобили, какими они были» Н. Чарухина — это не только этнография, не только история техники; в них живет добрый, чуткий глаз художника, увлеченного своей темой. Некоторые подборки несут еще и интереснейшую текстовую информацию, например, «Живые часы и барометры» З. Воронцовой. Кому же не захочется изучить их, чтобы попытаться самому предсказывать погоду по поведению растений и животных!

Часто художникам приходится проводить поистине исследовательскую работу. Н. Виноградова, например, работала в Эрмитаже, Этно-

---

ЮМОРЕСКИ

Телефонный звонок

Григорий КРОШИН

— Алло, попросите главного инженера!

— Он уехал. Будет через неделю.

— Тогда его заместителя.

— Кого? Оськина?

— Нет, мне бы лучше Пяткина.

— Пяткина нет. Он в отпуске, будет двенадцатого.

— Ах, да... Ну, тогда можно Оськина.

— Оськина нельзя. Он на совещании в главке.

— А Шальнов есть?

— Шальнов в командировке.

— Ну, тогда все равно кого — Гусева, Зимина, Скворцову...

— Гусева сейчас нет, будет позже. Зимин в отгуле, а Скворцова на овощной базе помогает. Будут, видимо, завтра.

— Ну, хоть кто-нибудь там есть?!

— Только я.

— Тогда я вас попрошу...

— Я ничего не решу: я чужая, здесь в командировке. Секретарь попросила ее подменить, раз я все равно жду. А она вышла.

Рисунок Е. Карпова

— И давно вы ее подменяете?

— Скоро неделя.

— Безобразие! А вы-то кого ждете?

— Я? Управляющего. А он вышел и будет не скоро.

— У вас отличная память. Из вас получился бы чудесный секретарь.

— Спасибо. Я, между прочим, кандидат наук...

— Кандидат? В нашей системе только один кандидат — Орлова.

— Я и есть Орлова.

— Странно... Ну, раз уж вы там сидите, я вас вот о чем попрошу: если будут спрашивать управляющего, скажете, что я вышел и буду через...

— Подождите, так это вы — управляющий?!

— Да, а что?

— Как это что?! Я же жду вас в вашей приемной!

— Ну и что? Я тоже вас жду. В вашей приемной.

— Так приезжайте скорей на работу, и мы...

— Не могу, товарищ Орлова. Я в вашей приемной не один. Тут собралось много специалистов с разных сторон, ждем только вас.

— Ну, хорошо, я сейчас приеду.

— А разве мой секретарь уже пришла?

— Нет еще...

— Значит, товарищ Орлова, вам нельзя уходить. Подождите, пожалуйста, пока хоть кто-нибудь вернется. А мы уж еще подождем вас.

— Ну, тогда, если меня будут спрашивать, скажите, что я вышла и буду...

— ...через неделю, правильно?

— Да. Из вас получился бы отличный секретарь. До свидания.

Хрустальный

В редакцию пришло письмо: гражданин Курочкин В. А. приобрел ботинки, но на третий день отвалился каблук у левого, а на четвертый — отлетела подметка у правого. Разумеется, гражданин Курочкин крайне огорчился и, как это у нас принято, написал письмо в журнал с просьбой выяснить причины столь неудовлетворительного качества приобретенных им ботинок.

И вот я поехал на обувную фабрику, которая огорчила гражданина Курочкина В. А.

Директор оказался милейшим и приятным во всех отношениях человеком. Он как раз собирался обедать, пригласил меня, и мы вместе пошли в фабричную столовую. Столовая произвела на меня самое отрадное впечатление: и помещение, и чистота, и выбор блюд, и обслуживание. Все было на высочайшем уровне. Даже компот был не из традиционных сухофруктов, а из свежих райских яблочек.

Пока мы обедали, директор с законной гордостью рассказал о том, что каждый второй работник фабрики учится: кто в вечерней школе, кто в техникуме, некоторые в институте. Половина рабочих сдала нормы на значок ГТО, трое удостоены звания мастера спорта. Фабричные стрелки по летающим тарелочкам заняли первое место на городских соревнованиях.

графическом и Историческом музеях, чтобы создать подборку с изображением старинных народных головных уборов.

Чрезвычайно интересны, на мой взгляд, серии, посвященные городам, заповедным своей старинной уникальной архитектурой, и местам, связанным с именами великих русских писателей. Чувства, мысли, взгляд художника помогают нам глубже видеть, острее и тоньше чувствовать. Вот, например, «Звенигород» А. Каримова. Мастер показывает архитектурные ансамбли и древние башни в ясный осенний день, когда седые стены словно в золотом орнаменте из ярких листьев, передает их особую прелесть в предзакатном освещении или в спокойной мягкости августовского дня.

«Страна моя родная» — в этой подборке Г. Манизера воспроизведены пейзажи нашей Родины; они созданы в Белоруссии и на Карпатах, в Молдавии, на Валдае и Волге, в Закавказье и Средней Азии. Любовь к Родине, ее природе, к созидательному гению человека ярко и страстно звучит в этих работах. Все эти пейзажи, воспроизведенные в открытках, художник передал в дар государству, когда праздновалось 50-летие образования СССР.

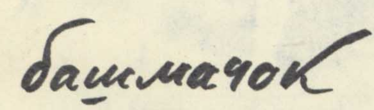
Мне тоже довелось участвовать в работе над открытками. С огромной радостью я писал портреты прославленных космонавтов, а сейчас, к VI съезду советских писателей, заканчиваю серию портретов писателей — Героев Социалистического Труда.

В «Изобразительном искусстве» мне рассказывали, что за последние пять лет вышло в свет более 2 800 открыток общим тиражом 400 миллионов экземпляров. Кажется, не так уж мало, но их все равно не хватает, в редакцию идут и идут письма с просьбой увеличить тираж, повторить серию, с предложением выпустить подборки на новые, интересующие зрителей темы.

Сейчас редкий школьный музей боевой славы обходится без портретов героев Великой Отечественной войны, которые издаются уже несколько лет. Вместе с Музеем Вооруженных Сил работники редакции задумали большую, рассчитанную на несколько лет серию «Герои — комсомольцы», ее делает художник С. Яковлев. Впервые выпущены открытки с изображением всех юношей и девушек нашей страны, членов ВЛКСМ, которые за боевые подвиги удостоены звания Героя Советского Союза.

Своеобразной визитной карточкой советских моряков в иностранных портах становятся открытки, посвященные современным кораблям Военно-Морского Флота СССР.

В создании изобразительных миниатюр обычно принимали и принимают участие известные художники, такие, как Н. Жуков, Д. Шмаринов, Б. Щербаков, И. Глазунов, Л. Котляров, Л. Владимирский, Л. Голованов, А. Трофимов и многие другие. Именно поэтому массовая познавательная открытка является сейчас подлинным творением искусства и одновременно энциклопедией различных знаний, их пропагандистом и агитатором.

Як. ЗИСКИНД

Отлично работает фабричный Дворец культуры. Кружок кинолюбителей получил вторую премию на выставке в Праге и третью — в Софии. Школа бальных танцев считается образцово-показательной, и в ней стажируются преподаватели танцевальных школ из других городов.

Фабричный драмколлектив поставил «Грозу» Островского. Сейчас готовит «Золушку, или Хрустальный башмачок».

В прошлом году отпраздновано шестнадцать комсомольских и пять серебряных свадеб. Почти всем молодоженам вручены ключи от новых однокомнатных квартир. Судя по всем данным, в этом году свадеб будет еще больше, и фабрика намерена открыть вторые ясли.

Еще директор сообщил, что фабрика добилась высоких показателей по экономии дефицитного сырья, фурнитуры, электроэнергии и горячей воды.

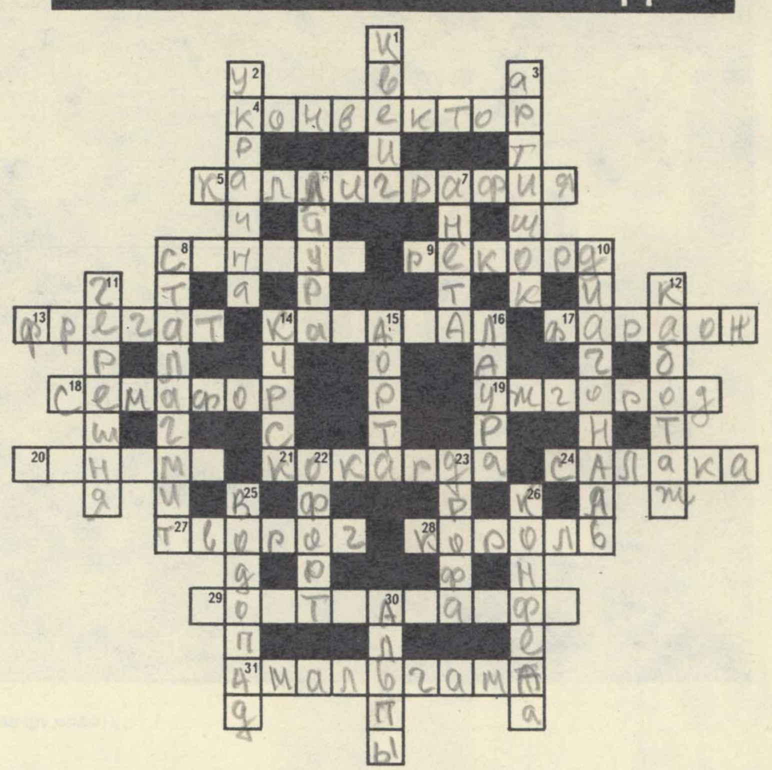
Когда мы после обеда вернулись в кабинет директора, я ему напомнил о письме гражданина Курочкина. Директор прочел письмо еще раз и поморщился:

— Да, это, к сожалению, еще имеет место. Бывает... Но мы боремся за качество наших изделий, боремся засучив рукава и не покладая рук!— Он грустно развел руками.— Да, есть еще недостатки в нашей работе, но и успехи у нас огромные. Огромные! О некоторых я уже вас проинформировал, но могу ознакомить подробнее, предоставить цифровой материал за прошлые годы и рассказать о наших дальнейших планах. Вот об этом, дорогой товарищ корреспондент, и напишите в журнале. Об этом!

Я согласился и, как видите, написал.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Аппарат для получения стали. 5. Умение писать красиво и разборчиво. 8. Озеро в Карельской АССР. 9. Наивысшее достижение в спорте. 13. Парусный корабль. 14. Степная рысь. 17. Роман Б. Пруса. 18. Сигнальное устройство. 19. Город в Закарпатской области. 20. Жанр камерной музыки. 21. Знак на форменном головном уборе. 24. Балтийская сельдь. 27. Молочный продукт. 28. Шахматная фигура. 29. Духовой инструмент. 31. Сплав металла с ртутью.

По вертикали: 1. Австрийский писатель. 2. Союзная республика. 3. Овощ. 6. Река во Франции. 7. Персонаж повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 8. Известковый нарост на своде пещеры. 10. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника. 11. Плодовое дерево. 12. Прибрежное судоходство. 14. Областной центр в РСФСР. 15. Главная артерия. 16. Действующее лицо пьесы А. С. Пушкина «Каменный гость». 22. Вид гравюры. 23. Птица. 25. Поток воды, падающий с высоты. 26. Кондитерское изделие. 30. Горная система в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 4. Майков. 8. Париж. 9. Ангар. 10. «Спор». 11. Киловатт. 12. Ожерелье. 13. Торос. 15. Шафран. 17. Атлас. 18. «Непокоренные». 21. Гичка. 23. Август. 26. Аркан. 28. Кристалл. 29. Кинескоп. 30. Атос. 31. Ампир. 32. Индий. 33. Чехонь.

По вертикали: 1. Канистра. 2. Кострома. 3. Ориноко. 5. Концерт. 6. Баритон. 7. Бальзак. 14. Сфера. 15. Школа. 16. Нонет. 17. Алыча. 19. Диорама. 20. Газолин. 22. Кислица. 24. Веласкес. 25. Секстант. 27. Русанов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Они строят Нижневартовский газоперерабатывающий завод. Члены комсомольско-молодежной бригады, мотажники Борис Мордерер и Виталий Ваганов.
Фото Л. Устинова, А. Лобова (АПН)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ю. Ребров. Иллюстрация к «Тихому Дону» М. Шолохова. Григорий и Аксинья. * **И. Пчелко.** Надежда Павлова. * **Ю. Ребров.** Иллюстрация к «Тихому Дону» М. Шолохова. Дикие кони. * **А. Бабановский.** Встреча кораблей, возвращающихся в базу после маневров «Океан». * **Г. Манизер.** Заводская эстакада. * **А. Соколов.** Отделение первой ступени. * **И. Пчелко.** Юсупов Рысбек. * **А. Леонов, А. Соколов.** С луноходом на Луну. (См. в номере статью «Искусство открытки».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

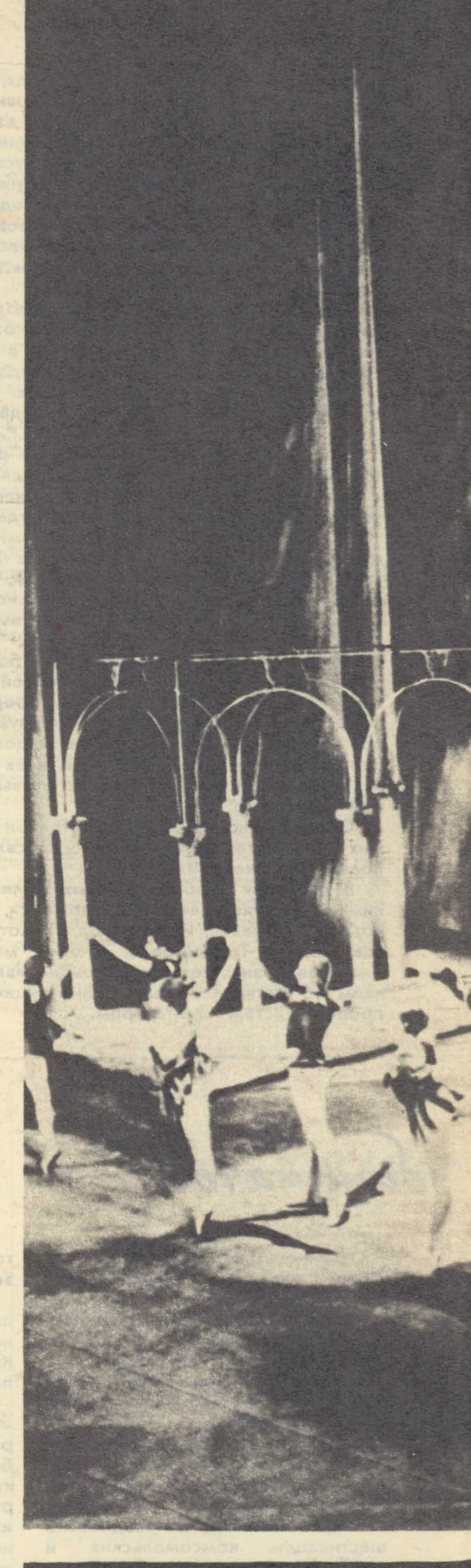
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/III — 76 г. А 05892. Подп. к печ. 23/III — 76 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 751. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1878.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

После премьеры: В. Боккадоро и Т. Хренников.

МУЗЫКА
ШЕКСПИРОВСКОЙ КОМЕДИИ

У хорошей музыки много путей к нашим сердцам и не обязательно сиюминутных. Иная мелодия, однажды родившись, с годами будто накапливает силы, чтобы раскрыться новой красотой...

У музыки Тихона Николаевича Хренникова к комедии В. Шекспира «Много шума из ничего» как раз такая судьба. Если бы спектакль Театра имени Вахтангова, для которого писал свои романсы и песни композитор, шел сегодня, а не годы назад, он, конечно, попал бы в разряд столь популярных ныне мюзиклов, потому что музыка Хренникова не «сопровождала» комедию: она была в ней полноправным действующим лицом... Кстати, недаром, наверное, Шекспир заставлял своих пылких героев браться за лютню: какая же любовь может обойтись без музыки, будь то нынче или три века назад!

Из стен театра романсы и песни Хренникова вышли на концертную эстраду, встали в репертуар вокалистов и оркестров.

Чем же привлекли слушателей и исполнителей романс «Как соловей о розе», «Песня пьяных», оркестровые интермедии?

Прежде всего, конечно, типичной для Хренникова тонкой и в то же время «сочной» мелодичностью. Композитор умеет даже не столько оркестровой окрасить мелодию, сколько выразить ее за счет собственного неповторимого рисунка: он то акварельно-прозрачен и прихотлив, то грубовато-бесшабашен, то мечтателен, а порой и сентиментален...

Мелодии Хренникова, вообще необычайно выразительные, в вахтанговском спектакле обнаружили еще одно редкое качество: верность историческому стилю. Действительно, при всей своей неоспоримой современности эта музыка проникнута духом эпохи Возрождения, ее широтой и остроумием, гуманностью и задором...

Уже тогда композитор выписал музыкальный образ комедии Шекспира. И вот сегодня, придя на новый балет Большого театра «Любовью за любовь», вы обнаруживаете вдруг, что в музыке Хренникова были заложены танцевальные образы.

В. Боккадоро и Б. Покровский писали либретто, не задаваясь целью перенести в балет все перипетии комедии; кажется, они исходили именно из музыкального рисунка характеров героев, действенности ситуаций. В полный голос заявила здесь о себе театральность мелодики Хренникова. Каждая тема несет в себе идею определенной сюжетной линии, дает ключ к пластическому воплощению образов.

Однако работа над партитурой балета потребовала от композитора большого труда,— он не просто выстроил стройную композицию, сочинив много новой музыки, но «оживил» столь любимые всеми мелодии. Он оркестровал их со всем присущим ему сегодня мастерством и знанием специфики балетной сцены.

...В любви случайно
все на свете.
Есть у Амура стрелы,
есть и сети...

Эти шекспировские строки могли бы стать эпиграфом к новой постановке Большого театра. Балетмейстер Вера Боккадоро поставила веселый танцевальный балет: его герои своей юной любовью побеждают зло, разметая на пути к счастью все преграды, все козни...

Строгий и мягкий классический танец Геро и Клавдио соседствует с экспрессией неожиданных переходов в дуэтах Беатриче и Бенедикта, а вместе они противоборствуют нарочитой колкости и надменности танца дона Хуана.

Правда, в спектакле не все оказалось одинаково интересным по режиссуре и по хореографии; нечеткость драматургической разработки, некоторое однообразие движений в партиях Геро и Клавдио привели к тому, что главные герои как бы отошли на второй план. И хотя прекрасные молодые артисты Т. Голикова, Н. Павлова, А. Годунов, В. Гордеев, танцующие эти роли, сумели передать лиризм и отточенное изящество музыки композитора, они все же уступают первенство действия исполнителям партий Беатриче и Бенедикта.

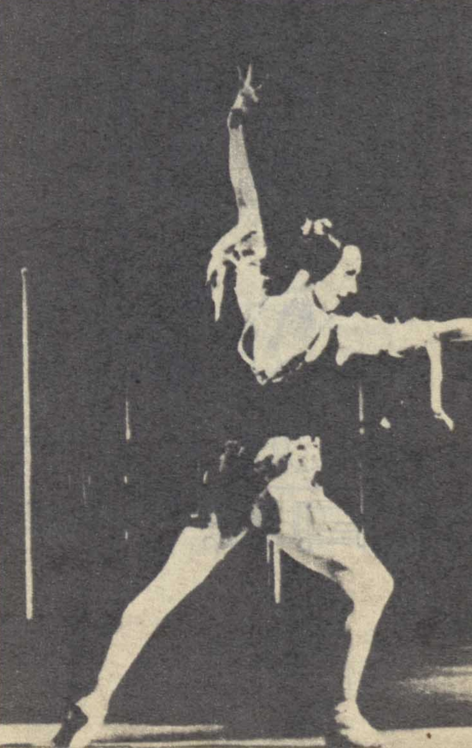
Истинное откровение принесли в спектакль исполнители этих ролей Н. Тимофеева и Ю. Владимиров. После трагедийных высот, достигнутых балериной в «Жизели», «Легенде о любви», а танцовщиком в «Спартаке», «Иване Грозном», вдруг такие искрящиеся комедийные образы! Да еще в шекспировской пьесе, где за каждой смешной ситуацией — и характер, и время, и глубокая мысль...

Дуэты Беатриче и Бенедикта стали, пожалуй, самой большой удачей постановщика. Танец — сложный, перебивающий классику современными движениями, свободно завладевший пантомимой, чутко слушающий музыку,— становится стихией озорства, остроумия, веселья. Темпераментно выраженные в нем смелость и доброта героев сокрушают коварство дона Хуана и его приближенных Борахио и Конрада.

Премьера в Большом — всегда событие; и сегодня, покидая театр, зритель радостно уносит с собою новые образы любимых артистов, новую, хоть и давно знакомую, музыку любимого композитора.

О. САХАРОВА

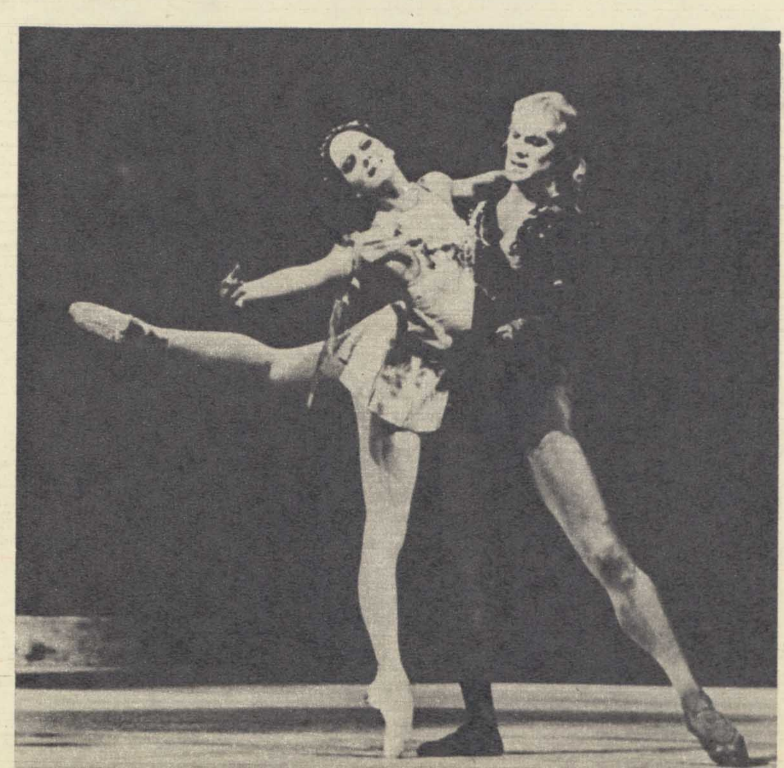
Фото Г. СОЛОВЬЕВА

Сцена из балета «Любовью за любовь».

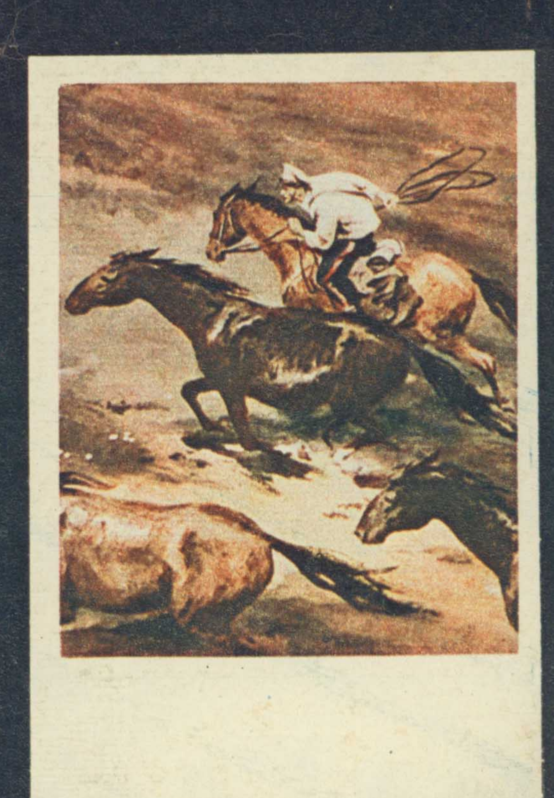

Беатриче — Н. Тимофеева, Бенедикт — Ю. Владимиров.

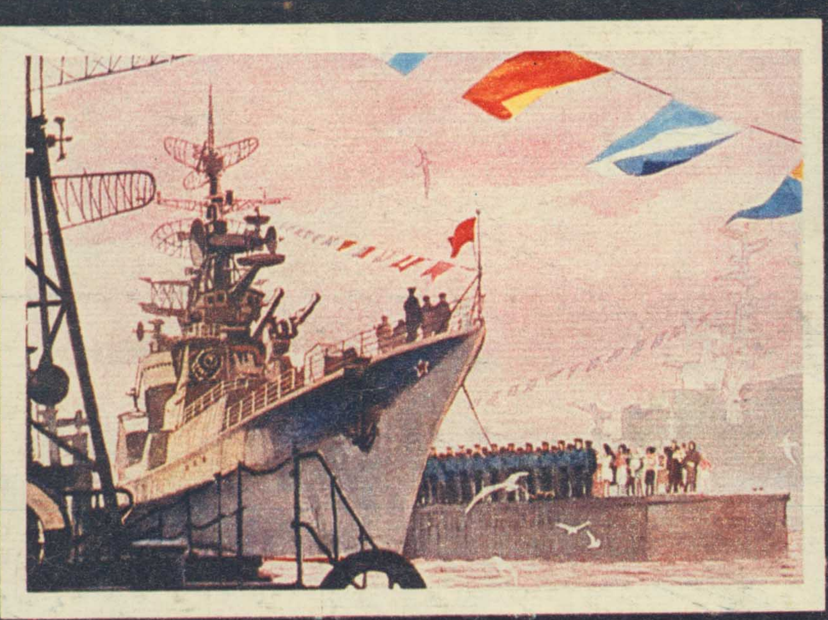
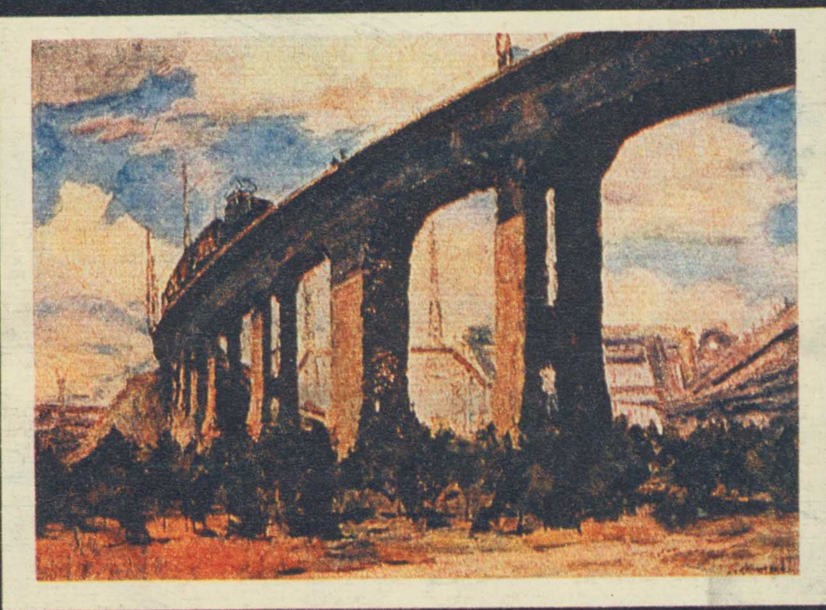

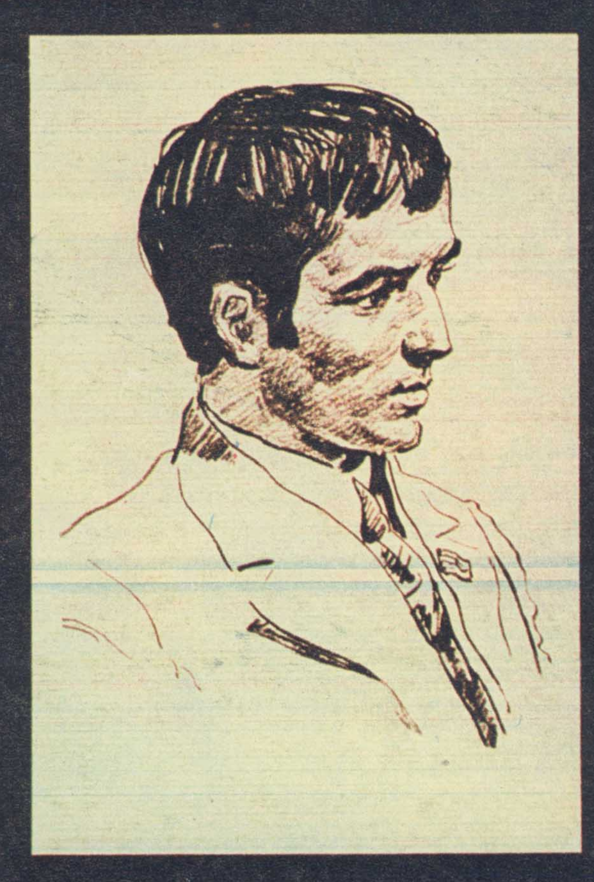
Геро — Т. Голикова, Клавдио — А. Годунов.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.